

Бюро экономического анализа

Л.М. Григорьев, Б.И. Макаренко,
А.А. Салмина, А.Е. Шаститко

СРЕДНИЙ КЛАСС ПОСЛЕ КРИЗИСА

ЭКСПРЕСС-АНАЛИЗ ВЗГЛЯДОВ
НА ПОЛИТИКУ И ЭКОНОМИКУ

МОСКВА – 2010

УДК 338
ББК 65.053
С75

Авторский коллектив:
Л.М. Григорьев (научный редактор; главы 1,4);
Б.И. Макаренко (глава 2);
А.А. Салмина (главы 1,3,4);
А.Е. Шаститко (глава 5)

Средний класс после кризиса: экспресс-анализ взглядов на политику и экономику/ Григорьев Л.М. (науч. ред.), Макаренко Б.И., Салмина А.А., Шаститко А.Е. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 152 с.
ISBN 978-5-317-03403-0

В книге представлен анализ потенциала развития в стране демократии и гражданского общества на основе опроса, посвященного общественно-политическим установкам и поведению среднего класса в условиях после тяжелого экономического кризиса. Были охвачены темы, крайне актуальные в современных российских условиях (восприятие средним классом экономического кризиса и правительственных мер по выходу из него) и связанные с принятыми в последние десять лет важными политическими и экономическими реформами (введение плоской шкалы налогообложения и пр.). Эмпирической базой этого исследования послужили глубинные интервью, проведенные весной 2010 г. в Москве и двух других городах. Особенность этой работы заключается в том, что средний класс изучался с учетом его сложной неоднородной структуры. Модель, которую предлагают авторы, представляет собой структуру среднего класса, выделенную одновременно по уровням и профессиональным отрядам, в чем следуют мировому, и в особенности американскому, опыту изучения структуры и поведения среднего класса.

УДК 338
ББК 65.053

ISBN 978-5-317-03403-0

© Григорьев Л.М., 2010
© Макаренко Б.И., 2010
© Салмина А.А., 2010
© Шаститко А.Е., 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	4
1. Вводная глава	5
1.1. Постановка проблемы.....	5
1.2. Основные предпосылки исследования.....	9
1.3. Описание методики и методологии исследования	13
1.4. Ограничения анализа и повестка для дальнейших исследо- ваний	19
2. Средний класс и демократия.....	21
2.1. Общие представления о наличии демократии в России.....	21
2.2. Средний класс и политическое участие.....	25
2.3. Формирование запроса на демократию?	40
2.4. Отношение к конкретным механизмам демократии	48
2.5. Краткие выводы: хочет ли средний класс демократии?.....	61
3. Социальные проблемы глазами среднего класса: отношение к не- равенству и механизмы перераспределения.....	67
3.1. Отношение к неравенству и механизмы перераспределения ресурсов.....	67
3.2. Налоговая система как механизм перераспределения.....	73
4. Экономический кризис глазами среднего класса.....	92
4.1. Структурные проблемы.....	93
4.2. Тяжесть кризиса	96
4.3. Отношение к реакции государства на кризис	102
4.4. Поддержка Автоваза.....	106
4.5. Выход из кризиса – опасности и возможности	108
5. Демократические ценности и институты демократии через приз- му «направленной рефлексии» представителей среднего класса .	113
Приложение	127
Резюме (Executive Summary).....	134
Об авторах.....	147

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Российское общество после двадцати лет трансформации достигло определенной зрелости. Образовался средний класс – не такой многочисленный, как в развитых рыночных демократиях, но вполне образованный, приобретающий многие характерные черты поведения, столь важные для демократии.

Хотя гражданское общество еще очень слабое, но в нем многие члены уже вполне корректно оценивают ситуацию в экономике, государстве и обществе. Данная работа является важным доказательством того, что средний класс (особенно в Москве) вышел из «детского возраста», хотя еще не слишком готов к активной политической жизни. Но мнение он свое имеет и его необходимо учитывать для успеха модернизации страны и успеха реформ.

В отличие от многих работ по этой теме авторы перешли от анализа базовых характеристик среднего класса к изучению политических предпочтений и ценностей среднего класса с учетом его сложной неоднородной структуры – по отрядам (профессионально-должностному статусу) и по уровню дохода. Первая попытка определения внутренних границ среднего класса была предпринята авторами в рамках исследовательского проекта Института современного развития по изучению феномена российского среднего класса, осуществленного в 2008–2009 гг. В результате было предложено провести полевые исследования по данной методике – и первое исследование дало очень интересные результаты.

В исследовании видны значимые различия взглядов между бизнесменами и государственными служащими, интеллигенцией. Важно, что впервые в фокус анализа попало много молодых людей и представители высшего среднего класса. Полевой опрос проведен весной 2010 г. «после» кризиса, но до пожаров летом, что придает ему относительно спокойный характер. Тем важнее результаты опроса и мнения людей о положении страны в относительно спокойной обстановке. Стоило бы продолжать исследования этого типа на более широкой основе, вовлекая большие массивы опрошенных, в различных условиях огромной страны.

В этой работе средний класс, и особенно его верхний слой, открыто говорит о своих проблемах, дает оценку нынешнему режиму, формулирует довольно четкий запрос на реформу институтов, эффективность и прозрачность государства, и выражает свой выбор в пользу демократической политической системы. Научным кругам и политическому классу России будет важно и интересно прислушаться к мнению умных состоявшихся людей в сложных условиях 2010 года после острой фазы кризиса.

Председатель Правления
Института современного развития
И.Ю. Юргенс

1. ВВОДНАЯ ГЛАВА

1.1. Постановка проблемы

После длительного экономического подъема 1999–2008 гг. тема формирования среднего класса стала вполне актуальной в России, что отражено в Концепции долгосрочного развития на период до 2020 г. Средний класс определяется не только доходами и потреблением, это и социально-политическое поведение, уровень гражданской ответственности – отсюда самоуважение и внутренняя независимость, которые требуются для демократии и политического процесса. Будущее российского общества, тип экономики и модель демократии во многом зависят от характера развития среднего класса: его размеров, композиции по сферам деятельности, независимости от государства, политическим взглядам¹. Средний класс как в мировой, так и отечественной традиции общественно-политической мысли считается не только опорой демократического строя, но и его главным бенефициаром. Обладая накоплениями, социальным капиталом и рациональной жизненной стратегией, он заинтересован и в предсказуемости политической жизни, и в «умеренности» политики, и в возможности влиять на нее. «Нет буржуа – нет демократии», – писал один из патриархов современной социологии Баррингтон Мур², разумея под «буржуа» гражданина, наделенного характеристиками среднего класса, как мы его понимаем. В этой максиме – суть проблемы становления российского среднего класса. В данном случае важно отметить, что и в условиях развитой демократии средний класс весьма неоднороден по своей природе, уровням благосостояния и занятиям, источникам дохода, воззрениям и социально-политическому поведению. Тем более это относится к российскому среднему классу, который находится еще в процессе формирования и объединяет целый ряд разнородных элементов.

К советскому обществу понятие среднего класса на самом деле применимо с очень большой долей условности: он не обладал собст-

¹ В книге приводятся результаты исследования по теме «Построение модели структуры среднего класса в России в целях изучения особенностей социально-политического поведения среднего класса», проведенного в России весной 2010 г. коллективом авторов на пожертвование Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров.

² Moore, Barrington, Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Cambridge: Beacon Press, 1966.

венностью сверх «стандартного набора» (отдельная квартира + жигуленок + садовый дом на 6 сотках + сберкнижка), дававшего лишь первичные навыки сберегательного поведения, не имел опыта участия в политике. Именно в постсоветскую эпоху ему пришлось и «превращаться в буржуа» (при этом часто пройдя через потерю или девальвацию описанного выше стандартного набора), и обретать первые навыки политического выбора, как индивидуального, так и коллективного. Фактически лишь к началу нынешнего века средний класс в России появляется как отчетливая социальная группа. В его составе «сохранившееся советское» переплетается с «обретенным постсоветским» – не только и не столько в персональном составе, но и в ценностях, стереотипах поведения.

С одной стороны, обретенные социально-экономические характеристики среднего класса (доход, образование, наличие недвижимости и накоплений) не только порождают поведенческие стереотипы и практики в быту, но должны отражаться и на его общественной активности и политических установках. С другой стороны, если экономический уклад России (со всеми оговорками и ограничениями) все же стал рыночным, то в политике становление демократических практик, политического плюрализма, многопартийности происходит медленно, неравномерно и зачастую с попятными движениями. Небыстро становится на ноги и гражданское общество. Это имеет важнейшие следствия и для самого среднего класса, и для исследований такого рода. Теоретическая литература о среднем классе в основном написана на опыте стран, в которых и буржуа, и демократия давно существуют, т.е. политическое поведение среднего класса выстраивается в рамках публичной политики и в условиях жесткой политической конкуренции, в которых гражданин пытается сделать свой рациональный политический выбор – как бы ни определялись учеными критерии его рациональности³.

В России же политическое поведение среднего класса будет формироваться под влиянием разнонаправленных, если не взаимопогашающих трендов. С одной стороны, объективные факторы обретенного социального статуса будут требовать более активного и рационального общественно-политического поведения, иными словами – формировать запрос если не на демократию, то на политическое участие и коллективные действия. С другой стороны, их будет сдерживать отсутствие позитивного опыта и уверенности в продуктивности таких действий,

³ Энтони Даунз в знаменитой работе «*An Economic Theory of Democracy*» (1957) признает рациональным, что муж, собирающийся пойти и проголосовать за партию А, реально голосует за партию В, потому что перед выходом из дома получает предупреждение от жены: «Не проголосуешь за В, обеда дома не будет».

страхи перед рисками демократизации для обретенного социального статуса. Усугублять эти страхи будет и осознание глубокого социального расслоения, т.е. опасения, что расширение политического участия на социальные низы обернется «переделом» накопленного благосостояния⁴, и травмирующий опыт 90-х годов XX в., и нежелание рисковать обострением конфликта с бюрократией, оказывающей огромное влияние на экономическую деятельность структур, в которых трудятся представители среднего класса.

Формирование и развитие общественно-политических установок среднего класса и стало предметом нашего исследования. Особенностью проекта является анализ внутренних групп среднего класса по уровням (высший – средний – нижний) и его отрядам по видам занятий. После двадцати лет трансформационного периода сложились условия для его внутренней структуризации, что предполагает и изменение характера исследований в пользу более детального анализа среднего класса по группам.

В ряде западных демократий мнение среднего класса во многом определяет политику государства⁵. Это в очередной раз подчеркивает важность изучения ценностей и поведения среднего класса. Но говорить о том, что средний класс в России способен влиять на процесс принятия политических решений, по крайней мере, преждевременно. Осложняет анализ и явная неоднородность среднего класса, связанная как со сложностью перехода 90-х годов XX в., формированием рыночной экономики, так и со стабильным первым десятилетием 2000-х годов. Средний класс формировался неравномерно как по уровням, так и по профессиональным группам и отраслям. В результате в настоящее время мы имеем небольшой по размерам сам средний класс (20%), с огромным протослоем среднего класса (40%), который за последние 10 лет еще не стал западным средним классом, несмотря на общий рост доходов по стране. В связи с этим в настоящей работе при изучении поведения и ценностей среднего класса учитывалась его структура по уровням и профессиональным группам.

Экономическая рецессия уже к началу 2009 г. тяжело подействовала на динамику занятости и доходов семей, причем интересы различных профессионально-должностных групп среднего класса могли быть

⁴ Przeworski Adam, Limongi Neto, Fernando Papaterra. *Modernization: Theories and Facts*. World Politics – Volume 49, Number 2, January 1997, pp. 155–183.

⁵ Грэм К. Важность общественных представлений: концептуальная основа для учета соображений политической экономии в программах социального обеспечения и социальной помощи. Сборник материалов по вопросам социального обеспечения, № 0233 // Отдел социального обеспечения населения, Отдел человеческого развития Всемирного банка, дек. 2002 г.

затронуты неравномерно. В условиях начавшегося осенью 2008 г. финансового кризиса в России и обострения экономических проблем, вызванных спадом производства, который негативно сказался на численности и составе среднего класса, изучение его поведения становится очень актуальной темой. Теперь эта тема связана не только с формированием среднего класса в России в переходный период и с его дальнейшим развитием. **Прямо или косвенно мы говорим о социально-политической устойчивости среднего класса, его реакции и поведении в условиях экономического кризиса.**

В данной книге представлен анализ общественно-политического поведения и ценностей российского среднего класса с учетом его сложной, неоднородной структуры. Конечной целью этого анализа является определение потенциала развития в стране демократии и гражданского общества. В условиях экономического спада данное исследование будет одновременно давать материал по устойчивости отрядов среднего класса и отражению стрессового воздействия кризиса на составные группы, их поведение и взгляды.

До настоящего времени предпринимались лишь единичные попытки исследования политического поведения среднего класса, которые ограничивались поверхностным агрегированным изучением среднего класса в целом. Мы же предлагаем перевести такого рода исследования на более высокий уровень – изучать политическое поведение с учетом внутренней структуры, в разрезе по различным уровням (нижний средний, средний средний и верхний средний) и профессиональным группам среднего класса (массовая интеллигенция, госслужащие (или бюрократия)⁶, сотрудники крупных компаний, две группы малого и среднего бизнеса – инновационный бизнес и бизнес в сфере торговли и услуг. В этом, несомненно, мы следуем мировому, и в особенности американскому, опыту изучения электорального поведения среднего класса.

Различия этих групп в занимаемой ими позиции в социальной структуре обуславливают серьезные различия в их объективном социально-экономическом положении, интересах и воззрениях на общество, их месте и роли в социальных процессах и выработке общественной политики. В условиях экономического спада данное исследование будет одновременно давать материал по устойчивости отрядов среднего класса и отражению стрессового воздействия кризиса на составные группы, их поведение и взгляды.

⁶ Термин «госслужащий» в данном случае используется не как «бюджетник». Под госслужащими мы понимаем находящихся на госслужбе как работников аппарата государственного управления.

1.2. Основные предпосылки исследования

На западе существует большое число работ о среднем классе и различных аспектах его политической активности. Согласно большинству исследований средний класс развитых западных стран принимает активное участие в политической жизни страны (Rallings, C.S. and Andeweg, R.B.; Thompson, William and Joseph Hickey; Clifford, P. and Heath, A.; Levine, R.)⁷.

В отечественной науке также накоплен некоторый опыт изучения политического сознания и поведения среднего класса (Т.М. Малева, Шкаратан О.И., Тихонова Н.Е., Горшков М.К., Петухов В.В., Левинсон А. и др.)⁸. Предыдущие исследования среднего класса в России отмечали его общую пассивность. Например, исследование ИС РАН позволило выявить наиболее типичные черты российского городского среднего класса, среди которых низкий интерес к политике, конформизм, ориентация на частные интересы и ценность индивидуальной самореализации. В целом, идеологические и идейно-политические ориентации у среднего класса довольно слабо выражены⁹. Но если сравнивать средний класс с населением в целом, то можно заметить, что политическая активность среднего класса и интерес к политике все же не-

⁷ Clifford, P. and Heath, A. The Political Consequences of Social Mobility. Journal of the Royal Statistical Society. Series A (Statistics in Society), Vol. 156, No. 1, 1993, pp. 51–61.

Levine, R. (1998). Social Class and Stratification. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.

Rallings, C.S. and Andeweg, R.B. The changing class structure and political behaviour: A comparative analysis of lower middle class politics in Britain and the Netherlands. European Journal of Political Research, 7 (1), 1979, pp. 27–47.

Thompson, William and Joseph Hickey (2005). Society in Focus. Boston, MA: Pearson. 2005.

⁸ Петухов В.В. Политические ценности и поведение среднего класса // Социологические исследования, № 3, 2000, С. 23–33.

Средние классы в России: экономические и социальные стратегии // Коллективная монография под ред. Т. М. Малевой. – М.: Гендальф, 2003.

Средний класс в современной России / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова; Ин-т социологии РАН. М.,: 2008. С. 127–143.

Шкаратан О.И. Социальная политика. Ориентир – новый средний класс. // Общественные науки и современность, № 4, 2006, С. 39–53.

Левинсон А. Средний еще не класс // Неприкосновенный запас, № 3, 2007. С. 112–115.

Аврамова Е.М. Средний класс эпохи Путина. // Общественные науки и современность, № 1, 2008. С. 28–36.

⁹ Средний класс в современной России / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова; Ин-т социологии РАН. М.,: 2008. С. 127–143.

много выше, чем в целом по стране. Так, согласно исследованию Независимого института социальной политики за 2003 г. считают себя активистами общественных движений 4,4% представителей ядра среднего класса, в то время как в целом активистами являются 2,0% граждан России. Представители ядра средних классов реализуют свой интеллектуальный потенциал и в сфере политики, хотя более активны здесь представители полужадра. Кроме того, средние слои активны и в профсоюзном движении. Доля профсоюзных активистов в этих слоях в два-три раза выше аналогичной доли в низших социальных слоях¹⁰.

Несмотря на появление в последние два десятилетия большого количества исследований о среднем классе, тем не менее обобщение существующих в отечественной науке наработок позволяет утверждать, что, хотя понятие «средний класс» утвердилось в социологической науке и практике, изучение его содержания применительно к российскому политическому пространству только начинается.

Исследования среднего класса на Западе показывают, что поведение среднего класса и его ценности определяются его структурной неоднородностью. Наш подход к исследованию среднего класса, его структуры и социального положения, политических взглядов и поведения основан на возврате к истокам – к изучению профессиональных факторов в американской социологии в середине XX в. Питером Блау и Отисом Данкеном, с работы которых «Структура занятости в Америке» во многом началась прикладная социология в мире¹¹. В этой работе авторы построили социоэкономический индекс для оценки принадлежности того или иного индивида к среднему классу на основе результатов исследования относительного престижа 88 различных профессий, а также с учетом данных переписи населения.

Из более поздних исследований можно отметить работы американских социологов П. Перотто, Д. Гилберта из колледжа Гамильтон, Р. Силвермана, П. Джекеда и Дж. Хики, которые делили средний класс на две подгруппы: верхний, или профессиональный, средний класс (15–20% домохозяйств), состоящий из высокообразованных, высокооплачиваемых профессионалов и менеджеров; и нижний средний класс (1/3 домохозяйств), включающий в себя полупрофессионалов, квалифицированных мастеров и управленцев более низкого уровня¹². В силу своих профессиональных особенностей представители среднего класса дейст-

¹⁰ Средние классы в России: экономические и социальные стратегии // Коллективная монография под ред. Т.М. Малевой. – М.: Гендальф, 2003. С. 382.

¹¹ Blau, P. & Duncan, O. The American Occupational Structure. N.Y.: Wiley. 1967.

¹² Williams B K., Sawyer S. C., Wahlstrom C. M. Marriages, Families & Intimate Relationships. Boston, MA. 2005.

вительно оказывают большое влияние на американское общество. Главным барьером входа в этот класс является высокий уровень образования, который обеспечивает относительную защиту от экономических спадов и структурных изменений в экономике.

В целом, все предыдущие попытки описать структуру среднего класса как в отечественных, так и западных исследованиях, как правило, сводились к выделению уровней среднего класса в зависимости от дохода и статусных позиций и по своей сути повторяют трехуровневую модель Л. Уорнера: верхний средний, средний средний и нижний средний класс¹³. На сегодняшний день такое деление является общепринятым в мировой практике исследований среднего класса.

Из отечественных работ по среднему классу стоит выделить исследования ИС РАН под руководством Н.Е. Тихоновой¹⁴ и НИСП Т.М. Малевой¹⁵. В них предпринята попытка определения размеров и границ среднего класса по уровням. Для определения структуры и размеров среднего класса используется совокупность трех признаков: материально-имущественного положения, социально-профессионального статуса и самоидентификации. На основании пересечения этих признаков выделяются ядро и периферия. Результаты последних исследований как ИС РАН, так и НИСП показали, что в целом в России доля среднего класса составляет порядка 20%.

Подробнее остановимся на вопросе выделения уровней среднего класса и внутренних границ в исследовании НИСП под руководством Т.М. Малевой. На основании данных по совокупности трех признаков выделяются следующие уровни среднего класса: низший класс – 10% населения, класс «ниже среднего» – 70%, средний класс – 20%. Данный подход отражает трудности социального развития переходного периода. Класс «ниже среднего» включает в себя группу риска бедности (37%) и рекрутов среднего класса (33%). За семь лет структура 70% резерва изменилась – теперь это 30 и 40%, что мало что меняет в сло-

¹³ Warner, L. What is Social Class in America. NY. 1949.

¹⁴ Тихонова Н.Е. Российский средний класс: особенности мировоззрения и факторы социальной мобильности. 2000 г.; Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Средний класс как социальная база обеспечения конкурентоспособности России. М., 2005; Н.Е. Тихонова. Городской средний класс в современной России. Аналитический доклад Института социологии РАН. М., 2006; Средний класс: теория и реальность / Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева. М.: Альфа-М, 2009.

¹⁵ Средние классы в России: экономические и социальные стратегии // Коллективная монография под ред. Т. М. Малевой. М.: Гендальф, 2003; Малева Т.М., Овчарова Л.Н. Российские средние классы накануне и на пике экономического роста // Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. М.: Экон-Информ, 2008. – С. 7–102.

жившейся ситуации. Именно этот подход дал возможность более четко показать устойчивость собственно «полноценного» среднего класса, но в ограниченных размерах в 20%.

Полагаем, что не стоит ограничиваться классификацией слоев НИСП, пора переходить к более полной структуре: верхний средний, средний средний и нижний средний с выделением протосреднего уровня, который является особенностью переходного периода становления среднего класса. Необходимость и явную актуальность изучения профессиональных характеристик среднего класса подтверждает и главный вывод, к которому приходит НИСП на основе сопоставления данных опроса за 2000 г. и 2007 г.: «процессы последних лет не изменили принципиально общую социальную структуру и рост материального благосостояния не гарантирует автоматического расширения границ среднего класса... отнюдь не доходы являются самым слабым звеном... Этим слабым звеном является человеческий капитал (образование и квалификация) и состояние рынка труда (занятость на рабочих местах, соответствующих стандартам среднего класса)»¹⁶.

Несмотря на обилие работ по среднему классу, все же на сегодняшний день в отечественной социальной науке не существует общепринятой и эмпирически обоснованной структурной модели среднего класса, хотя и имеется обширная литература, предлагающая свои определения и различные оценки его численности. В связи с этим в нашей работе будет представлена попытка раскрытия двухмерной структуры среднего класса, точнее, начало процесса сфокусированного его изучения по отрядам и уровням.

Несмотря на очевидность важности изучения структуры среднего класса по уровням и профессиональным отрядам, никто до настоящего времени этим всерьез не занимался. Но существуют работы, в которых средний класс рассматривается по различным важным параметрам. Стоит отметить исследование Центра политических технологий, проведенное в ноябре–декабре 2009 г. в трех российских городах (Москва, Киров, Тверь)¹⁷. На данных фокус-групп с представителями среднего класса и экспертных интервью были изучены особенности общественно-политического поведения среднего класса, которые свидетельствуют о возможности его привлечения к реализации задач модернизации страны. В отличие от всех предыдущих исследований политических представле-

¹⁶ Малева Т.М., Овчарова Л.Н. Российские средние классы накануне и на пике экономического роста // Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. М.: Экон-Информ, 2008.

¹⁷ Доклад Центра политических технологий «Российский средний класс и модернизация (по материалам фокус-групп и экспертных интервью)» (2010). Интернет-источник: <http://www.politcom.ru/9597.html>.

ний и поведения среднего класса в этой работе проводится деление его совокупности по различным осям. На данных фокус-групп авторы выделяют три основных признака, по которым проходит различие в установках его представителей: возраст, место проживания и зависимость от государства. При этом признак зависимости от государства делит средний класс на группы, на крайних полюсах которых находятся госслужащие, как наиболее консервативная патерналистски настроенная группа, лояльная государству, и предприниматели, более других испытывающие недоверие по отношению к действующей власти.

Модель, которую мы предлагаем, представляет собой структуру среднего класса, выделенную одновременно по уровням и профессиональным отрядам. Мы понимаем средний класс не как монолит, единое образование, а как совокупность групп с различным поведением и поэтому изучаем его поведение и ценности по структуре. Предварительный анализ этой структуры представлен в работе ИЭФ «Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения» (2009)¹⁸. Целесообразно разделить российский средний класс на несколько входящих в него социальных групп, выделяемых, во-первых, по уровню доходов и, во-вторых, по виду профессиональной деятельности. Очевидна существенная разница в источниках и уровне дохода, образе жизни и в социальном поведении по уровням между нижним–средним, средним–средним и высшим–средним классами. Локализация отрядов среднего класса предлагается в соответствии с фактической структурой российского общества (например, малой долей фермеров и т.п.). Мы предполагаем деление всех трех уровней среднего класса по виду профессиональной деятельности на следующие пять групп: сотрудники крупных компаний; госслужащие; массовая интеллигенция и две группы малого и среднего бизнеса – производственный инновационный и в сфере торговли и услуг.

1.3. Описание методики и методологии исследования

С целью изучения политических ценностей и поведения среднего класса мы провели серию глубинных полуструктуризированных интервью с представителями пяти групп и трех уровней среднего класса.

Важный аспект трактовки полученных при опросе материалов – время проведения опроса – фаза восстановления после острого кризиса. В течение пяти–семи лет бурный экономический рост в России дал

¹⁸ См.: Григорьев Л.М., Салмина А.А. Структура среднего класса в России: гипотезы и предварительный анализ // Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. М.: Экон-Информ, 2009. С. 5–100.

возможность части среднего класса упрочить свое положение. В особенности это относится к госслужащим, части торгового бизнеса, менеджерам крупных компаний и банков. Фактор времени чрезвычайно важен – прочность положения семьи, бизнеса и государства проверяется временем и кризисом. Мы должны трезво оценивать мнение респондентов. Это опрос состоятельных (но не собственников – не высший класс) людей о кризисе, который они уже перенесли. Понимая это, мы получаем острый угол зрения на российскую действительность.

Особенность нашего материала в том, что мы обсуждаем мнение вполне устойчивых представителей верхнего среднего и среднего среднего о положении остальных – так сказать, взгляд ближайших наблюдателей. С точки зрения пилотного проекта это является достоинством – мы имеем более полную картину определенно важного сегмента среднего класса. Эта важная группа для исследователя, которая находится, безусловно, внутри своего класса, но в состоянии обозревать и его, и общество в целом с независимой позиции. Если политологи ищут независимый средний класс для развития гражданского общества, то это «рукавичка за поясом». Он в нашей выборке и не может «прятаться» где-то в совершенно неизвестном или скрытом от нас массиве среднего класса. С теоретической точки зрения это указывает на два возможных способа классификации нашей выборки. Это могут быть члены «ядра», которые достигли в целом финансовой устойчивости и независимости от текущей конъюнктуры в отношении семейных финансов. Или же – что проще и определеннее – это верхний сегмент среднего класса.

Структура выборки

В выборке представлены 3 города с относительно высоким уровнем развития: Москва, Самара, Ростов-на-Дону. Всего было проведено 120 интервью, из них в Москве 90 интервью, в Самаре и в Ростове-на-Дону – по 15 интервью. Проведению полевого этапа (весна 2010 г.) предшествовало пилотное обследование различных групп среднего класса с целью апробации инструментария исследования (конец 2009 г.)¹⁹.

Объектом интервьюирования выступали представители среднего класса, обладающие следующими характеристиками:

- представители следующих профессиональных групп: предприниматели (двух типов), госслужащие, представители массовой интеллигенции (врачи, учителя, преподаватели вузов и пр.), сотрудники крупных компаний (примерный состав опрошенных – см. табл. 1–2).

¹⁹ Полевой этап опроса был проведен ООО «Энергия развития».

- ежемесячный доход на человека для Москвы – от 25 тысяч рублей, Самары – 17–18 тысяч рублей, Ростова-на-Дону – от 12 тысяч рублей.
- уровень образования – не ниже среднего специального.
- возраст – от 25 до 60 лет.

По возрасту респонденты оказались распределены примерно равномерно, с небольшим перекосом в старшие возраста в регионах.

Таблица 1

Профессионально-должностной состав выборки

	Нижний средний	Средний средний	Высший средний
Массовая интеллигенция (главное – они бюджетники)	Врачи (бюджетники), учителя, журналисты (массовая прослойка) «Физики» (представители технических профессий) – конструкторы, технологи, инженеры и др. (в бедных регионах либо с небольшим стажем работы)	Врачи (в платных клиниках), ученые (Москва, Новосибирск и др. города-научные центры) «Физики» (представители технических профессий) – конструкторы, технологи, инженеры, программисты и др. (со средним и большим стажем работы, высококвалифицированные, в столицах и в промышленных регионах, где есть заказы) Массовая прослойка ученых	Консалтинг, верха науки и университетов, ведущая профессура, востребованная бизнесом
Госслужащие (бюрократия)	Клерки (массовая прослойка)	Госслужащие и военные низшего звена (заместители представителей ВС)	Госслужащие и военные среднего звена (главы муниципальных образований, ведомств)
Сотрудники крупных компаний (нефтегазовые и металлургические, химические компании, финансовый сектор)	Низшее звено (стажеры, маленький стаж работы)	Высококвалифицированные специалисты, ведущие эксперты	Менеджмент крупных компаний без участия во владении капиталом компаний

Продолжение табл. 1

	Нижний средний	Средний средний	Высший средний
Малый и средний бизнес в торговле и услугах (с большим иммигрантским компонентом)	Продавцы и демонстраторы товаров, обслуживающий персонал Небольшая прослойка фермеров (больше в регионах, сбывают свою продукцию на местных рынках, без экспорта в другие регионы)	Владелец небольшого магазина, киоска, кафе (отличие от ВС – в меньшем числе сотрудников и меньшем масштабе бизнеса)	Владелец одного (или нескольких, но тогда ближе к нижнему верхнему) магазина, рынка или кафе (ресторана) с большой рентабельностью, одного юридического бюро, небольшой консалтинговой компании
Малый и средний производственный (инновационный) бизнес	Клерки – все около заводов и университетов	Частные предприниматели-инженеры и технологи, «работающие на себя» – консалтинг в сфере технологий (заводы и университеты) (в случае успеха бизнеса – Высший средний)	Владельцы предприятий (успешный малый и любой средний) – пока не развернулись – малочисленны

Таблица 2

Распределение респондентов по группам и уровням среднего класса

Группы/Уровни	Нижний средний		Средний средний		Высший средний	
	Москва	Регионы	Москва	Регионы	Москва	Регионы
Интеллигенция	2	2	8	3	5	0
Госслужащие	1	1	10	3	4	1
Сотрудники крупных компаний	1	3	10	5	4	1
МСБ в сфере торговли и услуг	4	2	5	3	6	0
МСБ производственный, инновационный	3	0	6	5	6	1

Стоит отметить, что попытка рассмотреть на малой выборке 15 групп – три уровня и пять отрядов – не могла быть осуществлена заведомо. Это именно пилотное исследование для проведения дальнейших более масштабных опросов. В сфере услуг и торговли удалось опросить

более «респектабельные» элементы, но практически не охвачен огромный сегмент розничной торговли и общественного питания. Фактически удалось проанализировать именно состоятельные группы среднего класса, особенно в Москве.

Таблица 3

Возрастной состав респондентов (число респондентов)

Возраст	Москва	Регионы
до 29 лет	34	5
30–40 лет	26	12
41–61 лет	30	13

Распределение респондентов по группам и уровням среднего класса осуществлялось путем экспертного опроса. Экспертам на основании данных о доходе, личном имуществе, профессионально-должностном статусе предлагалось оценить, к какой группе и уровню относится данный респондент. При этом не учитывались данные о самоидентификации респондентов. Мы полагаем, что учет этого критерия наравне с материально-имущественным положением и профессионально-должностным статусом может привести к сильным смещениям и препятствует объективной оценке положения респондента. Дополнительный анализ показал, что представители верхних слоев среднего класса склонны занижать свой статус. Так, из 32 представителей верхнего среднего класса в нашей выборке занизили свой статус 13 респондентов. В то же время нижний средний класс и средний средний, напротив, склонны завышать свой статус.

Структура гайда интервью

При составлении гайда интервью учитывались результаты предыдущих западных и российских исследований на тему общественно-политических ценностей, политического поведения среднего класса, а также его положения во время экономических спадов и кризисов. Гайд включает следующие основные блоки вопросов: 1) интерес к политике; 2) политическая активность; 3) социально-политические представления и ценности; 4) экономический кризис; 5) общие данные о респонденте (см. Приложение).

Первый блок включает в себя ряд вопросов, главная цель которых вызвать интерес к беседе и «разговорить» респондента, чтобы он охотно отвечал на последующие вопросы. Помимо этого, вопросы данного блока выясняют степень интереса респондента к политике.

Второй блок вопросов представляет собой набор вопросов, касающихся различных форм участия населения в политической жизни страны. В частности, были охвачены следующие темы: участие в выборах;

участие в политических организациях; участие в общественных неполитических организациях и результативность такой деятельности; участие в митингах, пикетах, акциях протеста или поддержки. Конечной целью этих вопросов является определение степени политической активности населения.

Третий блок вопросов решает задачу детального исследования социально-политических представлений и ценностей среднего класса. Довольно подробно в этом блоке раскрыта тема демократии: степень удовлетворенности работой демократии в России, представление о связи политической конкурентности и демократии. Были затронуты вопросы прозрачности и открытости органов власти и процесса принятия ключевых решений на уровне государства, вопросы о механизмах, которые могут быть использованы для контроля населением власти и принимаемых ею решений (референдумы, периодичная отчетность избранных представителей по перечню вопросов, сформированному избирателями и др.), а также степень и механизмы участия населения в процессе принятия государственных решений.

Помимо этого, мы включили темы, крайне актуальные непосредственно в российских условиях и связанные с принятыми в последние десять лет важными политическими и экономическими реформами. Как известно, в России в 2001 г. была принята плоская шкала налогообложения, в то время как в большинстве западных стран действует прогрессивная шкала. Поэтому был включен вопрос про наиболее правильную в российских условиях систему налогообложения. В связи с изменением механизма избрания на пост глав субъектов Российской Федерации – сейчас их не избирает население в результате честных и свободных выборов, а назначает Президент – был добавлен вопрос про механизмы избрания на государственные должности в России руководителей регионов и муниципальных образований. Также в этот блок были включены вопросы, затрагивающие социально значимые проблемы в стране, такие как уровень социального неравенства в стране и различные механизмы ее уменьшения.

Четвертый блок дает ответ на вопрос о том, как повлиял экономический кризис на средний класс и его различные группы, механизмы его адаптации к новым условиям, а также отношение среднего класса к тому, как власть боролась с кризисом, и насколько принятые меры были эффективны. В частности, определяется отношение среднего класса к мерам по поддержке государством предприятий.

Пятый блок включает вопросы наиболее общего характера, такие как: возраст, семейное положение, профессия, сфера деятельности организации, в которой работает респондент, образование, доход, жилищные условия, и имущество, находящееся в его собственности. От-

веты на эти вопросы необходимы нам для определения на основе социально-профессионального статуса и материально-имущественного положения респондента его места в социальной структуре общества.

1.4. Ограничения анализа и повестка для дальнейших исследований

Приведенный ниже анализ массива интервью имеет свои преимущества и ограничения с точки зрения изучения среднего класса. Он не может рассматриваться как «доказательный» при малой выборке, но это и не является обязательным условием при данном типе анализа. В качественной социологии «репрезентативность» не имеет количественного измерения. Качественные исследования не определяют статистических распределений позиций респондентов, а раскрывают их мотивы. Задача качественного исследования – выявить максимально полный спектр позиций по изучаемым вопросам, распространенных в исследуемой совокупности респондентов (в нашем случае – различных отрядов верхнего среднего и среднего среднего класса), и проанализировать мотивы, побуждающие респондентов занять ту или иную позицию. В отдельных случаях, с оговоркой о количественной ограниченности выборки, мы предполагаем, что та или иная позиция присуща большинству или значительной доле респондентов или, напротив, является маргинальной или даже артефактом. Однако подтвердить эти предположения можно только на репрезентативном количественном исследовании, для которого наша работа может служить развернутым техзаданием или основой для разработки инструментария исследования.

Наш анализ не противоречит другим опросам и анализу, который ведут различные российские и зарубежные центры по взглядам среднего класса на демократию, его политических предпочтений и поведению в кризис. Данный материал, полученный при опросе весной 2010 г. преимущественно состоятельных (успешных!) компонентов высшего среднего и среднего среднего класса Москвы и двух продвинутых регионов, дает возможность более глубоко понять и осмыслить эти вопросы в «спокойной» (до пожаров) обстановке постепенного восстановления экономики после острого кризиса 2008–2009 гг. Большинство респондентов – преимущественно молодые люди, поэтому особенно значимы их ответы. Они в целом моложе страны и их взгляды и поведение – это поведение, которое будет сопутствовать политическому процессу ближайших двух президентских циклов. На этих группах лежит задача модернизации страны.

В нашей выборке (во всяком случае в Москве) преобладают два уровня: верхний и средний средний слой. Поскольку вся работа, в ча-

стности, направлена на поиск внутренней структуры среднего класса и его внешних границ (в том числе верхней), то это делает выборку особенно интересной. Но в целях экономии текста мы будем ниже употреблять выражение «средний класс» как обобщение для данной выборки, хотя она явно смещена «вверх».

Мы надеемся, что результаты нашего исследования внесут вклад в становление комплексной теории политического поведения среднего класса, в которой потребуются как внутренняя стратификация, так и определение характера поведения каждой группы. Пришла пора для более глубоких исследований среднего класса. Нужно понимать, какие профессиональные группы доминируют в среднем классе, какие только зарождаются, но имеют все шансы стать ядром среднего класса, какие группы среднего класса могут стать двигателем экономического развития российской экономики, какие – основой становления гражданского общества в России и развития в ней демократии. Решение этих задач как никогда актуально в условиях финансового кризиса. Кто выживет в этот кризис в странах с переходной экономикой с сохранившимися демократическими устоями общества – станет действующим (проверенным кризисом на устойчивость) средним классом.

Различия этих групп в занимаемой ими позиции в социальной структуре обуславливают серьезные различия в их объективном социально-экономическом положении, интересах и воззрениях на общество, их месте и роли в социальных процессах и выработке общественной политики. Фактически проведенные нами глубинные интервью представляют собой пилотное полевое обследование по данной структуре.

Представляется важным не ограничиться данными глубинных интервью, но и в дальнейшем на базе сформированной модели среднего класса по основным уровням и профессиональным отрядам уже на данных репрезентативной выборки исследовать социально-политические особенности поведения различных групп среднего класса. Это позволит в дальнейшем разрабатывать адекватные меры государственной политики в отношении не всего среднего класса в целом, а каждой из входящих в него групп, и станет основой для формирования политики, отражающей потребности среднего класса и развития гражданского общества в реальных российских условиях.

2. СРЕДНИЙ КЛАСС И ДЕМОКРАТИЯ

2.1. Общие представления о наличии демократии в России

Имеющиеся количественные и качественные исследования отношения россиян к демократии неизменно выявляют противоречивую картину. Подавляющее большинство россиян выступает за демократию (как правило, с оговоркой об «учете национальных особенностей»), меньшинство предпочитает «твердую руку»¹. При этом содержательное наполнение понятия «демократия» в общественном мнении имеет свою специфику (в ней акцентируется равенство граждан перед не столько законом, сколько государством и социальная справедливость, а такие черты как многопартийность, состязательность, свобода СМИ находятся на вторых ролях). Запрос этот явно не актуализирован: для рядового россиянина явно более приоритетными являются стабильность материального положения и собственного положения в обществе – все социологические данные, включая высокие рейтинги доверия власти, казалось бы, указывают на то, что его в политике устраивает «статус-кво». Даже когда в период экономического кризиса кривые индикаторов социального самочувствия резко «нырнули» вниз, ощущение политической стабильности оставалось практически неизменно высоким². Однако некоторые социологические исследования (в большинстве – методами качественной социологии) свидетельствуют, что такое впечатление носит слишком поверхностный характер. В исследованиях общественных предпочтений в области сценариев развития страны³ большинство считает наиболее вероятным сценарий, близкий к «статус-кво» – «Крепость Россия», но наиболее желанным (хотя и не вполне реальным) представляется сценарий демократизации страны – «Новая мечта», причем с кризисом привлекательность этого сценария только возрастает. В двух абсолютно разных по методике исследованиях (группы «Циркон» по модернизации в России и Центра политических технологий по политическим субкультурам современной России)⁴ на роль кон-

¹ См.: Обзор и анализ таких социологических данных в: Демократия: развитие российской модели. М.: Экономинформ. 2008. С. 51–53.

² <http://wciom.ru/novosti/otkrytye-proekty/indeks-socialnykh-nastroenii.html>

³ Мельвиль А., Тимофеев И. Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения. М. Полис. № 4. 2008; Мельвиль А., Тимофеев И. 2020: российские альтернативы revisited (готовится к печати в журнале «Полис»).

⁴ См.: Не те инновации. Ведомости 27.07.2010 и Зевина О., Макаренко Б. Об особенностях политической культуры современной России. М. Полис № 3. 2010.

сенсусных приоритетов выходят борьба с коррупцией и забюрократченностью, а также развитие конкуренции.

Все это позволяет предположить: мы имеем дело не с низкой приоритетностью запроса на демократию, тем более – его отсутствием, а сочетанием двух значимых общественных явлений: неэксплицированностью ощущения дефицита демократии и запроса на ее развитие (когда демократизация не фигурирует вербально в качестве «рецепта» от коррупции, забюрократченности, слабости правовых начал или честной конкуренции) и ощущением обществом определенных рисков, атрибутируемых демократизации.

При такой постановке вопроса предметом нашего исследования стало отношение среднего класса – в первую очередь его «верхней» и «верхней средней» составляющих к демократии как таковой и различным формам политического участия и коллективных действий. Именно средний класс в политологии и социологии называется в качестве движущей силы демократизации, ее социальной опоры и основного благоприобретателя. Является ли таковым – по крайней мере потенциально – становящийся российский средний класс?

Как показало исследование на нашей выборке, в ней доминирует представление о том, что Россия не является демократической страной. Сопоставимые доли респондентов высказывают такое суждение категорически и «релятивно», с различными оговорками или сопоставлениями.

Лишь абсолютное меньшинство респондентов утверждали, что демократия в стране существует. Иногда утвердительный ответ на этот вопрос следует считать формой уклонения от дискуссии на нежелательную тему (односложное «да» или *«вполне устраивает – не чувствую несогласным»*), иногда ответы *«идейно обоснованы»*:

– *«мне кажется, все нормально, все хорошо»* – с развернутым обоснованием на примере того, как Дума *«работает хорошо и слаженно»* по принятию законов, обеспечивающих инновационную деятельность;

– *«насколько я связана с государственными органами... всегда очень довольна, все очень вежливо, быстро»* – оценка уникальная для малого предпринимателя, но данная респондентка связывает эту оценку с тем, что смогла *«самостоятельно»* (т.е. без коррупции и блата) получить российское гражданство.

Само по себе признание России «недемократией» для респондента, с одной стороны, не окрашено ценностно, с другой – психологически некомфортно, причем по разным основаниям. Независимо от основания респонденты ищут способ психологической компенсации этого признания. Эта реакция может выражаться как в рациональных реакциях,

так и в эмоциональных – цинизме («я подумала, что не все потеряно [со смехом]») и иронии («нравится ли демократия? Если ее нет, то как же тогда (демократия) может нравиться?»). Смех сопровождал многие ответы на данный вопрос.

Среди рациональных аргументов, обосновывающих свою точку зрения о дефиците демократии, можно выделить следующие основные типы:

- Достаточно широкий набор «абстрактных», не привязанных к личным интересам респондента «симптомов недемократии»: де-факто представители российского среднего класса демонстрируют достаточно предметное знание основных характеристик демократического режима:
 - Не работает институт выборов и не работают политические партии.
 - Выборы – заранее все известно... лично меня это не ущемляет (госслужащий, СС).
 - Выборы, они не справедливые до конца.
 - Не удовлетворен еще и контролем всей вертикали власти над законами.
 - У нас сейчас действует по факту однопартийная система.
 - Где у нас народ? Где легитимность?
 - Люди ничего не решают. У нас решают только какие-то верхушки.
- Другой тип рациональных оценок подчеркивает ощущение респондентом ущемленности своих личных интересов в условиях дефицита демократии:
 - Лоббирование... является чуть ли не противозаконным.
 - Невозможность повлиять на принятие решений ни на местном уровне, ни тем более на государственном уровне.
 - Нет такой свободы слова, которой хотелось бы.
 - Когда видишь, что происходит, если судится, допустим, какой-то чиновник... То, что у нас в стране взяли и убрали двух судей конституционных, которые вообще выбираются навсегда... и вот это видишь... ..и становится обидно.
- Третий набор аргументов – неготовность общества к демократии, отсутствие демократической культуры:
 - Мы еще не достаточно стали цивилизованными, и еще, как клетки организма помнят болезни, которыми ты переболел в молодости.
 - Уровень демократии соответствует уровню (политической) осведомленности (населения).

– *Большинство россиян не очень понимают... насколько это для них важно.*

Наиболее частотный способ «психологической компенсации» – очевидные попытки респондентов уйти от крайних оценок: *«вроде бы работает», «вроде не работает», «в недостаточной степени удовлетворен», «как идея она работает, (но) она не работает институционально», «это демократией пока назвать тяжело»* и т.п.

Второй способ такой компенсации – отрицание демократии как таковой: *«ни у нас, нигде этого нету», «я вообще не верю в демократию».*

Важным для респондентов является и сравнение нынешнего состояния политического плюрализма с советскими реалиями, причем такие аргументы приводили и респонденты, не заставшие советское время во взрослом возрасте. Т.е. в оценках политической системы по-прежнему остается актуальным советское наследие. Это сравнение для части респондентов также является механизмом психологической компенсации по принципу «синицы в руках»:

– *Я могу выбирать, во что верить... открыта стала граница, мы открыты миру* (респондентка, 34 года).

– *Невероятного такого тоталитаризма... конечно, нет, хотя есть какие-то тенденции к возврату.*

– *Если сравнивать с советским периодом, были сделаны большие преобразования* (респондент, 26 лет).

– *Не худший вариант по сравнению с другими странами СНГ.*

Обратим внимание, что оценки, связанные с отрицанием возможности или важности демократии или утверждением ее наличия в России, во многих случаях принадлежат высокообеспеченным людям, часто связанным с инновациями или технологиями. Их «успешности» дефицит демократии не стал помехой. Напротив, из их аргументации можно вывести, что демократию они рассматривают как угрозу своему положению:

– *Классическое определение демократии – это власть невежественного большинства. И...говорить о том, что такая система работает? ... Но она, конечно, как-то работает [усмехается]... Но именно – как-то.*

Принципиальных расхождений в позициях между различными отрядами среднего класса не наблюдалось: все перечисленные выше частотные варианты ответов можно найти во всех пяти подгруппах. Наиболее выраженная черта «корпоративного поведения» – более частое, чем в других группах, стремление работающих на государственной службе к поиску оправданий или «мягким» оценкам состояния демократии:

– Она еще не сформирована... демократия в России только в начале пути... много резервов, которые в недостаточной мере реализованы у нас в государстве.

2.2. Средний класс и политическое участие

Общие представления об интересе российского общества к политике

Среди респондентов преобладает мнение о том, что интерес российского общества к политике находится на невысоком уровне. Наиболее часто это аргументируется двумя наборами причин. Первый набор указывает на приоритетность для большинства россиян проблем собственного материального состояния (как выживание в условиях бедности, так и «зарабатывание богатства»):

– сейчас как бы все занимаются выживанием, а для выживания не всегда нужно знать, кто там на политических верхах главенствует;

– люди больше заинтересованы, как говорится, в улучшении личного благосостояния, развитии собственного бизнеса, развитии собственной карьеры, люди сейчас получили больше возможности заниматься личными проблемами;

– я смотрю по молодежи... для них политика, как бы, малоинтересна, наверное, стремятся просто больше, как бы, денег зарабатывать, а остальное мало интересует.

Второй набор причин связан с недостаточной демократичностью российской политики:

– Нет обратной связи.

– Народ разочаровался в деятельности нашей политической системы. Относятся фаталистически к тому, что происходит. Пусть идет все так, как идет, а мне это уже не интересно, грубо говоря.

– Это связано с несовершенной системой выборов во власть. Это связано с неработой законов на местах.

Немногочисленные респонденты, утверждающие, что интерес к политике в России достаточно высок, как правило, оперируют умозрительными аргументами (открытость общества, обилие информации в СМИ и т.п.) и не конкретизируют свою точку зрения.

Собственный интерес представителей среднего класса к политике оценивается ими неоднозначно. Большинство опрошенных о себе говорили, что они интересуются политикой, но из дальнейшего разговора становилось ясно, что этот интерес очень поверхностный и, как прави-

ло, просто сводится к просмотру новостей по телевизору и к обсуждению наиболее громких событий на уровне первичных групп в узком семейном кругу. Сами респонденты, как правило, подчеркивали ограниченность своего интереса:

– Ввиду отсутствия необходимости принимать верные решения в области политики [имеется в виду голосование на выборах], не вижу и надобности хорошо в ней разбираться.

– Честно говоря, политика мне не особо интересна... то есть я разбираюсь в политике, я считаю, относительно от общей серой массы неплохо, но политика меня не интересует, потому что в нашей стране, да я думаю, что наша страна не является исключением, это просто отстаивание интересов различных группировок. И мы, народ, находимся в любом случае в стороне от этих интересов и никак повлиять не можем на ход политических процессов.

– Ну, в силу своей должности я обязан интересоваться политикой, так как являюсь в какой-то степени представителем правящей партии.

Однако отметим, что такая позиция – заявлять о более высоком интересе к политике в сравнении с основной массой населения и одновременно подчеркивать «второстепенность» этого интереса – объективно находится в противоречии с содержательным наполнением ответов на большинство остальных вопросов настоящего исследования. Его анализ убедительно свидетельствует, что большая часть наших респондентов не только вполне осведомлены о «ткани» российской политической жизни, но и вполне компетентно анализируют эту информацию и соотносят ее со своими личными и политическими интересами – как и должно полноценному среднему классу. Наиболее вероятный вывод из этого противоречия состоит в том, что размышления о политике являются для них в определенной степени дискомфортными, травмирующими, поскольку они – образованные и социально активные люди – не видят для себя достаточных средств воздействия на эту сферу (что подтверждается анализом их ответов на вопросы о политических действиях, приведенных в последующих разделах настоящей работы), а потому они сознательно принижают собственный интерес к политике.

Относительно того, должно ли государство стимулировать повышение интереса населения к политике, вовлекать граждан в участие в политической жизни, выявилось две точки зрения, которые условно можно назвать «оптимистичной» и «пессимистичной» в отношении перспектив стратегического курса модернизационного развития страны.

Оптимисты считают, что вовлечение общества в политику как минимум способствует модернизации и успешному развитию, как максимум – является неперенным условием успеха модернизации:

– Думаю, что должны. Чем больше внимания уделяется политической жизни страны общества, тем более оно будет заинтересовано в положительных изменениях, реформировании, допустим.

– На мой взгляд – должны, поскольку власть представляет собой компромисс между различными группами влияния и эти группы влияния так или иначе должны искать поддержку у населения. Потому что если это не происходит, то возможны всякие неприятные варианты развития событий, например, в Киргизии или на Украине.

– Должно происходить стимулирование населения к тому, чтобы они интересовались этим направлением, вовлекались в процессы, потому что чем общество более быстро, более едино, не аморфно, а именно, структурировано, в том числе как бы идеологически, тем оно более эффективно сможет достичь быстрых результатов. Здесь неважно, единая ли власть или, там, это вопрос мягкой власти, какой-то такой, там, условно-демократической.

Связь между осознанным участием граждан в политике и эффективностью власти такие респонденты «выстраивают» достаточно четко:

– Эти условия, во-первых, создание нормальных правовых рамок для функционирования гражданского общества и создание нормальных рамок, при которых это самое гражданское общество может оказывать какое-то реальное влияние на принимаемые решения.

– Надо, чтобы власти убедили народ в том, что революция девяносто первого года... была не зря, что действительно повысился уровень демократии, то есть что масса простых людей может реально оказывать влияние на политические события, на принятие каких-то крупных решений. К сожалению, к сожалению, как я уже говорил раньше, этого, по-моему, не происходит. (Отметим, что это единственное на все исследование упоминание о становлении демократического строя в России – см. ниже в разделе о референдуме).

Пессимисты же, фактически разделяя ту же мысль о полезности повышения политической активности граждан, не верят в способность власти пойти на то, чтобы фактически поделить своими полномочиями с гражданами:

– Если власть не хочет изменить отношение людей к политике, то тогда можно заниматься тем, чем они занимаются сейчас. А если есть цель такая, получить обратную связь, чтобы как-то скоординировать свою работу, тогда, безусловно – это (повышение интереса к политике) надо делать.

– *Смотря какие власти и смотря что они хотят достичь. Если они хотят удержаться на месте, то они должны поддерживать бессознательность общества. Для любых властей это всегда было выгодно.*

– *Никто в правительстве не заинтересован в участии народа, так как это может привести к недовольствам и к прочим вещам, и в прочем к контролю со стороны своего электората или кого-то там.*

– *Я думаю, что это не в интересах властей. Потому, как бы, чем меньше народа знает, тем им проще управлять.*

– *В нашей конкретной ситуации нынешняя власть не должна этого делать, потому что это приведет к ее гибели.*

Таким образом, респонденты из среднего класса, скептически относясь к высокому интересу к политике как со стороны общества в целом, так и самих себя, вполне адекватно оценивают взаимосвязь политического развития страны с активностью населения.

Участие в выборах

Сравнимые доли представителей анализируемой выборки среднего класса как участвуют в выборах, так и игнорируют их. Однако наиболее важным представляется негативная динамика в отношении респондентов к этой важнейшей форме коллективных действий. В Москве доля голосующих существенно ниже, чем в провинции, причем в памяти респондентов живы воспоминания, когда и они сами, и их окружение не считали участие в выборах бессмысленным – очень часты сравнения между «раньше» (в 90-е годы прошлого века) и «теперь»:

– *с 1996 года не принимал участия;*

– *(участвовала) когда Путина избирали первый раз. Большие не участвовала, потому что не верю ни во что;*

– *один раз принимала участие, я тогда наивная пришла... все, большие никогда не ходила;*

– *может быть, был определенный период, когда принимали. А последнее время скорее нет, потому что считаю, что результаты достаточно предсказуемы;*

– *раньше принимала, а теперь не считаю нужным;*

– *я совершенно разочаровался во всей этой системе;*

– *противостоять на выборах Единой России практически невозможно.*

В провинции же доля регулярно голосующих существенно выше, но объясняется это не столько более высокой «политической сознательностью», сколько сохранившейся инерцией «советской традиции»,

причем в зависимости от позиции респондента – традиции «доброй» или порочной:

– *И я, и люди моего круга принимаем участие в выборах, но скорее это как дань традиции, а не как реальный механизм моего участия в нашей политической системе.*

– *Регулярно ходим, это единственное что осталось от советской власти. Демонстрация на 1 мая, 7 ноября больше нет, так осталось хоть на выборы походить (инженер оборонного предприятия, сторонник коммунистических взглядов, 54 года).*

– *У нас среднее и старшее поколение хорошо помнит советские времена, когда никакой выборности не было. А, наоборот, было ощущение страха, что если ты делаешь шаг в сторону, то тебе за это может быть не очень здорово. И я думаю, что это генетическая память тоже людей сдерживает в том смысле, что если начальство сказал, что если выбирать не будем, а будем назначать, то ему – начальству – видней. Там не важно – на работе начальство, партийное ли начальство, начальство муниципальное, региональное, государственное (менеджер в иностранной фирме, 42 года).*

Главные причины отказа от участия в выборах – неверие в возможность оказать через выборы какое-либо влияние на политику и предопределенность результатов (по сути эти два мотива смыкаются друг с другом):

– *выборы как институт дискредитированы, и своего предназначения – представить интересы граждан в парламенте – не выполняет;*

– *все куплено, и смысла голосовать нету;*

– *мне кажется, деятельность правительства достаточно ярко демонстрирует, что наш голос уже не имеет никакого значения;*

– *та же ЦК КПСС, только теперь она называется Единая Россия;*

– *функция народа постепенно ослабевает... и я знаю, что все покупается;*

– *на каждом участке фальсификации, обман, подтасовки, попадают во власть не те люди, которых выбирают избиратели;*

– *(люди) видят большое противоречие между предвыборными обещаниями и результатами, когда приходит партия, то есть официально для себя.*

В этой ситуации «нормальным», рациональным поведением считается отказ от участия в выборах:

– *люди адекватно все поняли, что за них решается все... они нормальные;*

– *пойду-ка я лучше по рюмашке схватить, чем пойду голосовать;*

– *был наивен и верил в голос простого человека. Затем поумнел, почувствовал изнутри многие аспекты политического и экономического управления страной, и больше на выборы не хожу;*

– *принимаю, хотя тоже не вижу в этом смысла.*

Эти мотивации с практически равной частотой встречаются и в столице, и в провинции. Разница между ними – не в степени доверия (точнее, недоверия) выборам, а в степени разрушения советских стереотипов социального поведения, в которых участие в выборах было не просто «привычкой», но и «ритуалом», социально одобряемым поведением (эвфемизм – *гражданский долг*):

– *Я, конечно, пойду как политически активный гражданин.*

– *Я достаточно консервативна, я хожу на выборы, голосую в общем-то.*

– *Принимаю (участие в выборах) и считаю это своей обязанностью.*

– *Среди моих близких понятие гражданского долга присутствует.*

Отметим, что в самой такой характеристике нет ничего заведомо уничижительного или антидемократичного: в любой демократии выборы – это ритуал и привычка. Проблема в том, что складывающаяся (причем именно в последние годы) практика лишает людей (по крайней мере, в среднем классе) любой иной мотивации. В Москве этот процесс зашел уже достаточно далеко, и «в силу привычки» голосует меньшая часть «состоятельного» среднего класса, в провинции же стереотип держится, но признаки его эрозии уже налицо. Произошел разрыв между «ритуальной» и содержательной мотивацией, и «ритуал» стал бессмысленным. По сути это означает ослабление в глазах среднего класса главной функции выборов – легитимации власти.

Иные же мотивации к участию в выборах, в т.ч. связанные с политической конкуренцией, носят единичный характер. Практически никто из респондентов не назвал в качестве мотива желание поддержать политическую партию или кандидата, которому симпатизирует, хотя устойчивые политические предпочтения свойственны многим из них (в т.ч. немалое число сторонников «Единой России»). Это – обратная сторона неверия в то, что через голосование на выборах можно что-то изменить. Те, кто уверенно сообщает о своем регулярном участии в выборах, склонны давать односложные положительные ответы, что свидетельствует либо об отсутствии позитивной мотивации, либо, в некоторых случаях, о возможной неискренности респондентов (т.е. заве-

домо неправдивых ответах). Это не означает, что респонденты не видят главной функции выборов, но почти все они уверены в предпрешенности результатов.

Один из респондентов так описывает электоральную мотивацию типичного представителя своего круга (26-летний предприниматель в сфере агробизнеса из Москвы):

Он не понимает... как влияет его голос на то, что происходит в стране и с ним лично, какие возможности он упускает, не проголосовав за того или иного политика.... не выстроена у него причинно-следственная связь в голове между этими вещами. Ее никто не выстраивал. Сам он ее не выстраивал. Не было условий, что она у него выстроилась... условия это то, что он должен получать информацию о том, что такая причинно-следственная связь вообще имеется. Притом этой информации он должен верить. Откуда такая информация в теории должна получаться? Например, из СМИ. В данный момент электронные всякие СМИ, печатные СМИ, телевидение, они очень мало внимания уделяют вопросам политическим. Нет политики, но есть пропаганда. Это печально... Во-вторых, даже если он знает о взаимосвязи, у него есть неуверенность, что его голос повлияет. То есть что выборы ... результаты выборов подтасовываются, фальсифицируются. Есть такая уверенность, например. Уверенность в том, что таких, как он людей, исповедующих такие же взгляды, слишком мало. То есть даже если мы все проголосуем – нас всего 100 человек, которые так считают, и это ни на что не повлияет.

Рациональные же мотивации, как правило, сводятся к поиску форм выражения своего протеста против политического истеблишмента и электоральных процедур:

– Графы такой, конечно, уже не было «против всех», когда я последний раз голосовала, но что-то я там написала. Наверное, мой бюллетень не засчитали.

– Ну, хотя бы я буду знать, что я не сидела молча и все, что могла, сделала. Пусть мой голос не будет учтен, но он там будет. Не знаю, хотя бы назло [смеется]. Чтобы испортить им общую картину [улыбается].

Внутри выборки значимые различия в позициях по этой проблеме сводятся к более консервативному поведению респондентов из провинции и существенно большей частотности положительных ответов со стороны респондентов, работающих в государственных структурах. Распространенное выражение «им» стало появляться все чаще, что указывает на возрождающееся внутреннее психологическое противостоя-

ние части среднего класса (деловая часть, интеллигенция) бюрократии – «им».

Партийные предпочтения среднего класса

Большая часть представителей среднего класса не имеет и не часто желает иметь четкие партийные предпочтения. Однако среди них можно встретить и достаточное количество людей со сложившимися партийными предпочтениями, причем они охватывают большую часть спектра существующих политических партий. Никто не назвал себя сторонником «Справедливой России» (хотя она известна респондентам как одна из истеблишментных партий) и «Патриотов России», остальные же партии представлены в выборке своими сторонниками.

Среди государственных служащих наибольшая доля заявивших о поддержке «Единой России». Однако и госаппарат не един в своих симпатиях: в Ростове сотрудник Пенсионного фонда заявляет о симпатиях к КПРФ, в Москве двое госслужащих признаются в симпатиях к сошедшим с политической арены партиям (АПР и «Зеленым»).

Мотивации голосования различны. О симпатиях к «Единой России» многие сообщают односложно – как бы делая политически корректное заявление. Однако и рациональная мотивация в некоторых объяснениях присутствует:

– *Нам сказали проголосовать, мы и голосуем [смеется] (социальный работник).*

– *Мне просто как человек нравился Владимир Путин... Т.е. человек, который для меня умеет грамотно формулировать свою мысль, что вообще сейчас в наше время достаточно редко. Вот непосредственно к этому человеку – у меня было к нему доверие.*

– *Потому что там был бывший президент – Путин.*

– *Мне кажется, Единая Россия ведет... страну тем курсом, которым обозначился в двухтысячные годы, и этот курс правильный.*

– *В Российской Федерации, по-моему, существует только одна партия – Единая Россия. Может быть, кто-то согласен с ней, кто-то не согласен. А в принципе пока все спокойно. Значит, это позиция большинства людей в Российской Федерации. Живем мы хорошо.*

– *Мне нравится то, что это может быть немножечко и тоталитарный стиль правления, но это то, что подходит русскому народу.*

– *Мне кажется, более или менее положение в нашей стране с приходом этой партии улучшилось.*

В провинции, в отличие от Москвы, в мотивации поддержки «Единой России» чаще звучат мотивы конформизма, «самосбывающегося пророчества» о доминировании этой партии:

– Сама власть про нее говорит больше, ее рекламируют, ее подают как ведущую силу в стране. Естественно, она нам ближе.

– Ближе, естественно, Единая Россия, так как эта партия пропиарена, в принципе, они, вроде как, ближе к народу. Но и скажем так, руководящая наша элита тоже относится к этой партии.

Встречается и сознательное отторжение «Единой России», причем с признанием ее силы и, следовательно, кажущейся рациональности поддержки именно этой партии:

– Ни «Единая Россия». Хотя я ничего плохого не вижу. Даже не программу. Я ее не знаю. Ее никто не знает. Ее нигде не было. Она должна висеть на сайтах. Ну, чтобы любой зашел... Программа России. Ну, может, она и есть где-то. Но ее надо искать. А это долго и нудно. Она не должна быть спрятана так далеко.

– Единая Россия мне известна, но она уже настолько замозолила мне глаза, что уже я их слабо воспринимаю в положительном отношении. Поэтому Единая Россия у меня сейчас ассоциируется с Коммунистической партией Советского Союза. То есть какой-то гегемон, деятельность которой была плохой или хорошей, но всегда превозносится как единственно правильная. Пожалуй, это меня отталкивает от Единой России. Опять-таки, если вспомнить начало возникновения этой партии, то оно было положительным. Но потом куча непонятных перебежчиков из других партий, куча чиновников, которые... до этого их взгляды были кардинально противоположными. И вдруг тут бах! Они оказываются в первых рядах этой партии. Ну, как бы, мне теперь кажется, что она стала популистской.

Среди мотивов голосования за ЛДПР присутствует и личное доверие В. Жириновскому, и (правда, как рассказ о прошлом) внушаемая этой партией вера в возможность через принадлежность к ней добиться статусного роста:

– Когда-то давно мне нравилось ЛДПР... я получила членский билет, мне казалось, что мне это что-то даст. Что в Москве мне из провинции откроются многие дороги, я ошибалась.

– ЛДПР исключительно из-за того, мне симпатичен лидер партии Жириновский.

Голосование за КПРФ основано на мотивах идеологической близости этой партии, хотя проступает и мотив инерции советских времен:

– Однажды я был на конференции, где принимали участие сотрудники партии КПРФ, это были люди из политсовета партии и мне очень нравятся их взгляды политсовета и многие из них я разделяю.

– Все равно мысленно там.

– Наверно, это еще инерция с социалистических времен. Комсомол, пионерия, ну, то есть жили в духе этого времени. И как-то по инерции преданность коммунистической партии перешла из того времени.

Что же касается либеральных партий, то среди московской интеллигенции встречаются убежденные сторонники «Яблока», а среди людей, связанных с частным бизнесом – правых либералов, но почти всегда с оговоркой о том, что это политическое течение утратило свои позиции:

– Из того спектра, который есть, пожалуй, «Яблоко». Мне симпатичны многие ее лидеры и их реально практические дела. Опять же это достаточно умеренно, я не фанат «Яблока».

– Сейчас может быть это Гражданская Сила. Есть такая партия? [смеется] Или... ну, давайте, на Гражданской Силе остановимся.

– Ну, так как я занимаюсь бизнесом, то это, наверное, какая-то правая, правое... как это называется, Правое дело, СПС, что-то такое, вот. Но так как она не объединенная, так как они не... им не дают сделаться в таком виде, в каком она бы интересовала, то кремлевское какое-нибудь очередное движение, наверное... Но самом деле, а даже если бы она была идеальная не факт, что я бы пошел и голосовал бы за нее.

– СПС была, правда, я не знаю, она сейчас уже есть или нет, что-то я совсем уже ее потерял.

Вывод: Политические предпочтения среднего класса и мотивы поддержки той или иной партии в принципе не отличаются от настроений политически активной части российского общества. Отличительной чертой можно признать большую степень плюрализма и более эксплицированные мотивы поддержки или оппонирования той или иной политической силе.

Формы общественной активности среднего класса

Как правило, представители среднего класса не участвуют в деятельности политических партий, случаи участия в других формах коллективных политических действий не слишком часты и, как правило, относятся не к последнему времени. Набор форм активности в рамках

гражданского общества не очень широк (в Москве – шире, чем в провинции), однако можно сделать однозначный вывод, что средний класс проявляет существенно большую гражданскую активность, чем остальное население, и эта активность развивается по мере того, как развивается и сам средний класс.

Участие в деятельности политических партий

Наиболее частые мотивы отказа от участия в деятельности партий – отсутствие интереса и нехватка времени. Однако в отдельных случаях респонденты дают более развернутую аргументацию, обосновывая свою позицию политическими мотивами – бессмысленностью политических партий как таковых (в условиях России) и препятствиями для независимой политической деятельности, творимыми властным истеблишментом:

– Еще в студенческие годы мы пытались заниматься политической организацией вопросов каких-то, взглядов и партий, наш вуз – государственное учреждение – пресекал всякие такие попытки, мотивируя это тем, что это не является... это невозможно сделать, это запрещено. Поэтому в какой-то степени круг, по крайней мере, моих ровесников был разочарован в политических свободах (респондентка, 26 лет, Москва).

– Политическая организация, которая в данных случаях именуется как партия, в условиях нашей страны своего предназначения так же как и институт выборов не выполняет. Она работает на небольшую группу людей – на элиту, так называемую политическую.

– Я был не раз на сайте Единой России и сказать, что меня заинтересовали какие-то молодые движения – я не возьмусь. Если бы были для меня какие-то интересные вещи, то я нашел бы время, чтобы принимать активное участие в жизни партии.

– Я не собираюсь лоббировать свои экономические интересы в политической сфере.

– По молодости принимал участие в движении «Наши», но потом пришел в себя, одумался и понял, что это не то направление, в котором стоит развиваться. Решил принять участие, потому что там было много моих друзей, но, как оказалось, эти друзья были более разумными и принимали участие в движении только за счет того, что там можно было съездить бесплатно в походы, получить какие-то, ну, незначительные, но приятные атрибуты сувенирной продукции (менеджер интернет-компании, 25 лет, Москва).

Оговоримся, что такая содержательная аргументация присуща в большей степени москвичам, респонденты из провинции дают однозначные отрицательные ответы.

Участие в митингах, массовых акциях

По этому параметру Москва существенно отличается от провинции. За пределами столицы самостоятельные решения об участии в массовых акциях встречаются редко, в Москве – существенно чаще. Среди таких акций можно выделить «добровольно-принудительные», когда человека (как правило, работающего в госаппарате или бюджетной организации) привлекают к акциям, организуемым «сверху»:

– Конечно, конечно, митинги Единой России на Красной площади это стабильно, я там первый.

– Опять же со стороны руководства если поступает определенный, как бы, момент такой, то тогда, конечно же, мы идем. Не вправе рекомендации руководства оспаривать.

К предыдущей форме примыкают митинги в защиту профессиональных интересов, судя по всему, тоже организуемые «сверху»:

– Ну, так косвенно принимала. Тоже во врачебной среде – была какая-то забастовка – не выплачивали деньги по ОМС и в общей массе я была. Это не митинг был, акция протеста или забастовка, как они ее обозвали, я не знаю, но все мы подписались под ней – врачи.

– Последний митинг, на котором я была, был на площади Кирова (в Самаре), который был посвящен повышению квартплаты, коммунальных платежей и транспорта.

Наконец, третья форма – это добровольный (инициативный) выход человека на массовую акцию политического или протестного характера. Хотя, судя по контексту, некоторые из таких «выходов» имели место довольно давно, они остаются в памяти респондентов, порой, с ноткой разочарования в отсутствие результатов:

– Последний раз – митинг в защиту НТВ в конце 90-х. Это единственный и последний раз. Меня лично как участника сейчас это (участие в митингах) не интересует, но ко многим людям, которые достаточно смелы, чтобы высказать свою гражданскую позицию, я отношусь с большой симпатией.

– Да, один раз – в защиту животных.

– (Митинги) всегда разгоняют с дубинками [смеется]. Поэтому, в принципе, в таком митинге мне, конечно, не хотелось бы принимать участие [смеется]. Вот, ну, если это какой-то митинг, почему моя основная работа должна мне в этом помешать? Потому

что, в принципе, это не должно мешать. Вот если уже такая активная, более активная работа, то это, конечно, уже нельзя совмещать.

– Я участвовал – я не знаю, это был митинг или пикет или что-то такое... наверно, пикет, потому что там не было звукоусиливающей аппаратуры – в защиту телеканала «Дважды два» (2х2). Не знаю, повлияло ли мое участие, но... разве что консультативно.

– Да, я поперся, как дурак в поддержку Ельцина. До сих пор себя ругаю за это.

– Да, например, «Марш несогласных».

Обсуждение законопроектов: многим, преимущественно московским респондентам, приходилось выступать в качестве экспертов при обсуждении проектов законов и иных нормативных актов. Некоторые из них рассматривают такую деятельность как часть своей профессии, скорее, чем гражданскую активность, другие же, напротив, считают это общественной работой.

Активность в рамках гражданского общества

Уровень гражданской активности среднего класса по меркам российского общества следует признать достаточно высоким. О той или иной форме гражданской активности сообщают более половины респондентов, т.е. она становится полноценной характеристикой отечественного среднего класса, роднящей его со своими западными аналогами. Однако формы этой активности и ее качественные характеристики существенно различаются.

Членство в профсоюзе носит явно рудиментарный характер: в Москве о нем сообщает всего один респондент (зав. отделением городской поликлиники), зато в провинции это упоминание носит массовый характер со стороны сотрудников госучреждений и традиционных промышленных секторов. Лишь один респондент назвал себя активистом профсоюза, а другая упомянула, что по линии профсоюза организуются экскурсионные поездки по льготным расценкам. В большинстве случаев это членство носит формальный характер – респонденты вспоминают о нем, поскольку не участвуют ни в какой иной гражданской активности. Очевидно, что для среднего класса такая форма является маргинальной и «уходящей»:

– наверно, профсоюз, хотя я фиктивно больше там,

– состою в профсоюзной организации, как и все у нас на работе, как были членами профсоюза, так и остались.

Наиболее широкой по охвату (различные категории среднего класса, как Москва, так и провинция) является благотворительность. Оче-

видно, что пожертвования в пользу социально уязвимых слоев становятся характерной чертой гражданского поведения среднего класса, причем анализ формулировок, в которых респондент сообщает о такой активности, позволяет утверждать, что в первую очередь потребность в такой помощи идет «от сердца». Гражданин, обретший материальное благополучие в обществе с высоким уровнем социальной стратификации, считает своим человеческим долгом оказать помощь тем, кто менее обеспечен. Стереотип об «одобряемости» (позитивности – принятого в своем кругу поведения) такого поведения только возникает, т.е. эта активность действительно идет «снизу» и распространяется «по горизонтали» среднего класса, а не навязывается ему сверху. Чаще благотворительность осуществляется индивидуально – т.е. человек оказывает помощь конкретному адресату (детскому дому, медицинскому учреждению и т.п.) напрямую – в одиночку или в рамках небольшого неформального сообщества:

– Я делаю это (помощь детским домам) только потому, что мне это нравится, я хочу это делать, я считаю, что это правильно. А чтобы чего-либо этим добиваться, у меня есть свой бизнес и меня это устраивает.

– Редко, от случая к случаю... помощь сиротам, так скажем, детским домам и так далее. Если это можно назвать организацией.

– Благотворительные – да. Ну, неполитические. Скорее волонтерской. Я руководила несколькими организациями в определенный период времени.

– Я помогаю, чем могу православной службе милосердия, я помогал детскому дому одному, то есть православному одному. То есть я православный, как бы, считаю, что мои решения должны приниматься не из соображений политических, а из соображений добра или зла.

– Официально я не участвую, но очень часто вещи и какие-нибудь игрушки возжу в сиротские приюты, в дом малютки, например.

– Только для своего удовлетворения. Да, кстати, и детям сиротам собирали вещи, игрушки.

– Самая моя большая благотворительность – это подаю в подземных переходах нищим и страждущим.

Однако – в меньших пока масштабах – возникают и постоянно действующие структуры, занимающиеся благотворительной работой.

– Я возглавляю один общественный проект помощи детям, страдающим ДЦП. Адресная помощь детям, проект называется «Время жить». Проект межрегиональный, я возглавляю тот блок, который московский.

– Делал добровольные пожертвования в фонд пострадавших (от землетрясения на Гаити).

– В «Ротари» – да. Мы сделали очень много проектов для нашего Троицка, скажем, обеспечили детей и ДЦПшников, всех инвалидными креслами. Или скажем там, снабжали достаточно долго Центр поддержки пенсионеров, ну где они отдыхали там – неделю – две, продуктами. То есть да, в этом, где конкретные результаты – да, я там принимаю решение. Где я лично могу помочь, где я вижу – да, я этому ребенку могу подарить книжки, ребенку, у которого книжек нет.

Еще одна распространенная форма гражданской активности – участие в творческих и профессиональных объединениях, сетевых сообществах – как чисто российских, так и международных. Эта форма не носит «всеобщего» характера для среднего класса, так, она практически не характерна для работников государственных учреждений. И напротив, более свойственна секторам, связанным с коммуникационными технологиями или для научных и экспертных сообществ, где владение принципами сетевых коммуникаций (как внутрироссийских, так и международных) фактически становится частью профессиональной компетенции и условием профессионального и карьерного роста. Это, кстати, еще одно важное отличие в составе верхних слоев среднего класса – между госслужащими и остальными отрядами.

Как и в описанном выше случае с участием представителей среднего класса в экспертизе законопроектов, в такой активности трудно отделить профессиональные интересы от гражданской активности. Однако обратим внимание, что сами респонденты описывают ее именно как гражданскую активность, даже если осознают, что эта деятельность нужна им для основной работы. Такая черта, во-первых, также сближает российский средний класс (или по крайней мере его «коммуникационно продвинутую» часть) со своими западными аналогами, во-вторых, позволяет овладеть навыками и почувствовать вкус к «сетевому общению», выстраиванию горизонтальных связей, шире – наработыванию «социального капитала».

Отдельные респонденты заявляют о своем участии в общественных движениях «на грани политических» – в экологических организациях, движении «Архнадзор» (протестующем против сноса исторических зданий в Москве). Кроме этого, достаточно широко распространено участие представителей среднего класса в досуговых организациях – женские клубы, клуб владельцев автомашин определенных марок. Многие респонденты (преимущественно женщины) активны в родительских комитетах в школах, где учатся их дети. Это также подтверждает наличие устойчивой тенденции: **активная жизненная позиция в труде, активное**

использование «образовательного капитала», позволившие человеку «подняться» в ряды среднего класса по доходу, стимулируют его и к активному гражданскому поведению, открытости и поиску социального капитала и вне своего рабочего места.

2.3. Формирование запроса на демократию?

Представления о политическом плюрализме

Отношение среднего класса к ключевой характеристике демократии – политическому плюрализму – выявлялось с помощью «невинно-наивного» вопроса: «Как Вы считаете, при демократии в выборах должны одновременно участвовать несколько партий с различными политическими программами или для демократии это не так важно?» Ожидалось, что в ответах не просто будет сформулировано положительное или отрицательное отношение к многопартийности, но проявится понимание средним классом сути демократии как конкурентной политической системы, мотивация, обосновывающая необходимость плюрализма, характеристика средним классом нынешнего состояния политического плюрализма в России и особенности запроса на его развитие.

Как и следовало ожидать, подавляющее большинство респондентов согласны, что в выборах должны участвовать различные партии со специфическими программами: в альтернативности и конкурентности выборов, как объясняло большинство респондентов и состоит демократия. Исключение составили несколько респондентов, которые негативно относятся к демократии как таковой («что в лоб, что по лбу – все едино») или считают, что российский народ к демократии не готов:

– Я считаю, что при нашем народе, нашем менталитете демократия не столь важна. Должно быть жесткое руководство, потому что наши люди к правильному понятию демократия – не готовы.

Однако у относительного большинства респондентов аргументация о необходимости многопартийности и плюрализма носит абстрактный характер, не провоцирует их на оценку и комментирование ситуации с плюрализмом в России:

- в этом и суть демократии;*
- если будет одна партия, то это уже никакая не демократия;*
- как в нормальных демократиях Запада;*
- а при демократии так и получится, по-другому не получится.*

Такие люди позитивно относятся к демократии вообще и политическому плюрализму в частности, однако запрос на их становление и развитие у них не актуализирован – они не испытывают сильной фрустра-

ции по поводу нынешнего состояния дел в этой сфере и ощущения, что прогресс в ней отвечал бы их насущным интересам.

Лишь меньшинство в своих размышлениях на эту тему дают предметные оценки или связывают эту проблему со своей судьбой.

Удовлетворен состоянием дел с плюрализмом в России лишь один респондент: *«лучшие, чтобы у граждан выбор был. В России он действительно есть, в России много партий, даже больше, чем во многих странах».*

Прочие же респонденты с активной позицией по этой теме с такой точкой зрения не согласны и считают состояние дел неудовлетворительным. Они серьезно критикуют и качество электорального процесса, и политические партии, и нехватку плюрализма:

– На сегодняшний момент, на мой взгляд, такого выбора нет.

– Должно быть несколько разумных партий с внятными, понятными программами, опирающиеся на большие группы избирателей, с более-менее устойчивым электоратом. К сожалению, так называемые либеральные, демократические силы весь свой электорат растеряли за последние десять–пятнадцать лет.

– Политические партии выходят на выборы не с программами... обычно осознанных и разумных программ, которые потом бы еще и выполнялись в дальнейшем, по сути, у нас нету в стране.

– Демократия формально задекларирована, а фактически действует обратная сторона – то есть... на определенном уровне правовые нормы, в том числе подразумевающие санкции за противоправные деяния, никаким образом не действуют. Получается так, что правило и право для всех одно, но исключения слишком разные.

– Практически, я думаю, что как у нас сейчас проходит: одна большая партия и все остальные такие мелкие, как бы, они не сильно влияют по-настоящему.

– Условия должны быть в корне отличны от тех, что существуют сейчас.

Такие позиции фактически свидетельствуют о конструктивном и рациональном запросе на расширение плюрализма и многопартийности, и этот запрос охватывает немалую часть среднего класса. Однако это утверждение необходимо сопроводить двумя существенными оговорками.

Во-первых, как указывалось выше, лишь малая часть среднего класса ассоциирует себя с какой-либо партией как выразителем своих интересов. Во-вторых, что особенно важно, запрос на плюрализм – это, безусловно, запрос на существование реальной и влиятельной оппозиции:

– Для демократии важно, чтобы существовала реальная оппозиция, на мой взгляд, в нашей стране такого нет [фраза почти дословно повторявшаяся многими респондентами].

– Я думаю, было бы неплохо, если бы в России... появилась сила... которую можно было бы назвать разумной оппозицией.

Но роль этой оппозиции, да и политического плюрализма в целом большинству респондентов видится только как ограничитель произвола, канал критики и воздействия на власть, страховка от ошибок:

– Отсутствие конкуренции порождает монополию. Монополия порождает односторонний взгляд на всю существующую проблематику. В мире, обществе, в семье, в бизнесе. Вот. И монополия крайне вредна для любой организации, для любого устройства.

Двое респондентов, казалось бы, высказываются за однопартийную систему, но на самом деле они просто критически осмысливают реальную ситуацию с доминированием одной партии и указывают на корень проблемы – отсутствие конкуренции идей и правил такой конкуренции:

– Это может быть и одна партия, тут принципиально... чтобы проходило какое-то обсуждение людьми с разными взглядами. Потому что то, что происходит сейчас, это курс, созданный узкой группой людей, и отклоняться от этого курса практически, я так понимаю, не разрешено.

– Количество неважно для демократии, одна, две или несколько. Гораздо важнее, как работают институты выборов, насколько свободно волеизъявление, насколько находится под контролем сам институт выборов.

Но за редчайшим исключением логика аргументов респондентов не подразумевает возможности смены власти через конкуренцию на выборах. Иными словами, средний класс выражает доверие действующей политической системе и верховной власти, но критикует ее пороки и требует для себя более открытой (следовательно, конкурентной) политической среды. Укажем, что та же тенденция отмечается и в массовых репрезентативных опросах общественного мнения⁵.

⁵ Левада-Центр. Россияне о политической оппозиции. – 28.07.2009. – <http://www.levada.ru/press/2009072802.print.html>.

Левада-Центр. Политическая оппозиция в общественном мнении. – 23.10. 2009. – <http://www.levada.ru/press/2009102306.print.html>

Левада-Центр. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ – 2009. Ежегодник. М., 2009. С. 99.

Сколько партий нужно России? – ВЦИОМ// Пресс-выпуск. – № 1056. – 26.09.2008. – http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10746.html?no_cache=1&cHash=e4d43fbcf3.

Косвенным подтверждением такой природы общественного запроса является то, что большинство респондентов говорит о *множественности партий* – не две, не три, а именно много (порой речь идет о двузначном числе). Ощущая дефицит плюрализма, они считают желательным дать трибуну для выражения максимально широкого спектра интересов, т.е. не «планируют» конкретную конфигурацию партийной системы, а призывают к ее максимальной открытости для разных точек зрения.

– В России у нас, я так считаю, очень мало партий, все партии слабенькие по сравнению с одной единственной главенствующей партией. Поэтому демократия у нас, она, к сожалению... только, как бы, на словах.

– Было бы неплохо, если бы в нашей стране были ведущими те партии, которые освещают разные сферы жизни. И чтобы они были специализированными, разнонаправленными... Кто там по поводу того, кто за материнство, за многодетных – а ну, давай эту партию спросим, там у них все те тетки, все разбираются. А кто у нас нефтью занимается? У нас тут беда – вот давайте у этих спросим.

– И чтобы... в Государственной думе, законодательной власти, чтобы не было порогов там таких высоких там, как 5 процентов... пусть будет 1 процент.

– 3–4 партии на государственном уровне и более 10 на муниципальном.

– В общем, их (партий) должно быть много, и они должны быть разные.

И лишь в единственном случае (!) позиция респондента подразумевает под многопартийностью именно борьбу за власть:

– Я считаю, что как минимум две достаточно крупные партии должны участвовать. Причем они должны быть антагонистами друг другу. Тогда возможен прогресс. Если одна партия гегемон и несколько партий лилипутов, то это совсем не демократия. От двух и более, скажем так. Причем партий достаточно равноправных.

Нужна ли среднему классу демократия?

Поставленный перед участниками исследования вопрос: «Как Вы думаете, большинству россиян важно или неважно, чтобы в России была демократия?» преследовал цель выявить политическую самоидентификацию среднего класса, ощущаемое им отличие от большинства населения в видении желаемого государственного устройства.

Основная масса ответов четко выявила самоидентификацию среднего класса как большего сторонника демократии в сравнении с остальной частью общества. Лишь абсолютное меньшинство утверждает, что в развитии демократии заинтересовано все общество в целом (равно как и отрицает ее необходимость для России):

– *Я думаю, большинству россиян важно, чтобы у них была работа, крыша над головой и перспективы для их детей... (а демократия) большинству населению России это уже по барабану.*

– *Демократия ассоциируется с потерей благосостояния.*

– *Россиянам хочется, чтобы жилось хорошо, а демократия никого не интересует.*

– *Важнее колбаса, еда, чем демократия.*

Единственное утверждение, что демократию востребует общество в целом, звучит скорее как фрустрация:

– *Большинству россиян это важно. Я так думаю. И я хочу, очень хочу, чтобы это было правдой... (А мне самой) важно. Очень. Но ее не будет на моем веку, а я думаю, что и в ближайшие 300–500 лет тоже.*

Другой забавный вариант фрустрации проявил респондент, который в ответ на вопрос о необходимости демократии отвечал:

– *Мы такое поколение, что если нам будет плохо – мы же свалим (за границу).*

Часть респондентов проводит мысль о том, что в развитии демократии в разной степени заинтересованы разные социально-демографические страны общества и жители разных регионов, т.е. подчеркивают неоднородность политических интересов общества:

– *У нас очень большое население с очень разными интересами – кому-то нужен кнут, а кому-то нужна действительно демократия. Большинство это или меньшинство – я не могу сказать. Но лучше, когда демократия.*

– *Но есть также, наверное, какие-нибудь 40% тех, кому важно.*

– *Кто это хоть чуть-чуть понимает – важно.*

Преобладающая же точка зрения представителей среднего класса состоит в том, что они сами (и их окружение) в гораздо большей степени заинтересованы в развитии демократии в стране. В аргументации звучит повторяющийся набор мотиваций, в первую очередь связанный с более благоприятными «рамочными» условиями устройства общества, более справедливым строем, большей возможностью активному человеку влиять на власть:

– *Лично мне хотелось бы, чтобы в России была демократия.*

– *Потому что, как говорил Черчилль – демократия ужасна, но ниче-*

го лучшего пока не придумали [данное высказывание Черчилля повторяли несколько респондентов].

– У них (среднего класса) все нормально. У них налаженная жизнь, есть деньги, они спокойно живут, и начинают появляться новые интересы, например, политика. Вот, демократия нужная, хорошо, живи там заживай – все такое.

– Потому что я считаю, что в нынешнем мире только при демократии возможно жить богато и хорошо.

– Ну, по сути, при демократии наша жизнь должна быть лучше, коррупции меньше, короче говоря, порядок больше.

Для части респондентов демократическое устройство государства становится императивом нынешнего этапа развития, добавим – и собственного статуса в таком государстве:

– Если, как бы, человек в своем собственном уме и во здравии, я думаю, что ему важно будет жить в нормальной цивилизованной стране.

– Мы уже на новый уровень выходим.

– Мне важно, чтобы была максимальная близость к цивилизованным государствам.

Некоторые другие респонденты, как правило, связанные с частным предпринимательством, подчеркивали предпочтительность демократического строя для рыночной экономики:

– Социалистический строй не подходит лично для меня. То есть если бы сейчас в силу вступили законы, которые были при Советском Союзе, то все для меня все было бы, конечно, менее красиво, чем сейчас.

– Демократия это так же как рынок, это средство, а не цель... Развитие и цель политических реформ должны состоять в том, чтобы мнение основной массы населения... (и) тех, кого можно считать интеллектуальной элитой, доходило до верхов, там усваивалось и переваривалось.

– Демократия обеспечивает низкий уровень коррупции. Исполнительные органы власти функционируют под общественным наблюдением, под контролем. Процедура всякого государственного вмешательства в экономическую деятельность всяких предприятий, в том числе и моего, оказывается более прозрачной, оказывается в меньшей степени препятствующей осуществлению деятельности. В общем, чем больше демократии, тем легче экономике.

– Для меня важно иметь возможность заниматься легально тем бизнесом, каким я захочу, поехать за границу тогда, когда я этого захочу, иметь инструменты легальной защиты моего бизнеса.

Особенно явственно запрос на «демократию для себя и таких как я» проявляется у представителей интеллигенции и сотрудников крупных компаний, в меньшей – у инновационного бизнеса и бизнеса в сфере торговли и услуг, слабее всего – у представителей госструктур (особенно в Москве). В целом этот запрос проявляется достаточно явственно, причем средний класс отчетливо мотивирует свой усиливающийся интерес и уверенно выделяет себя по политическому и мировоззрению из основной массы общества.

Свобода выражения политических взглядов

Разброс мнений респондентов по вопросу, трудно ли или легко в современной России выражать свои политические взгляды, не так широк, как кажется при первом знакомстве с их ответами.

Односложных и категоричных ответов, что политические взгляды выражать трудно, почти не встречается. Противоположное категоричное мнение высказывается чуть чаще, порой даже с аргументацией:

– Мне кажется, как говорится, Интернет снял этот вопрос с повестки дня.

– Все-таки благодаря Единой России, я думаю, стало намного легче.

Однако подавляющее большинство респондентов почти единодушны в том, что выражение политических взглядов, даже противоречащих позициям власти, в социально близком приватном кругу (в семье, среди знакомых и т.п.) достаточно легко. «Тоталитарный синдром» («шепотом на кухне») практически ушел, хотя один «рудимент» в исследовании все же проявился. В то же время подобная «легкость» не кажется этому большинству удовлетворительной по двум причинам (в сочетании или по отдельности).

Легкость выражения ничего не значит, поскольку высказанного мнения никто (во власти и в обществе) не услышит, оно ни на что не повлияет, соответственно высказываться по политическим проблемам бессмысленно:

– Выражать свои политические взгляды легко, но это безрезультативно. Мы можем кричать о чем угодно, говорить о чем угодно. Нас не посадят за это, нас не расстреляют, не отправят в лагеря. Но и никакого эффекта это сотрясение воздуха не вызовет.

– На уровне страны меня просто никто не услышит, вот в чем прикол данной демократии.

– Достаточно легко, я думаю. Но есть определенные трудности, трудности, связанные с тем, насколько эти политические взгляды будут как-то донесены, востребованы, поддержаны.

В некоторых ситуациях выражение политических взглядов затруднено, невозможно или грозит серьезными проблемами, т.е. де-факто высказывающие такое мнение респонденты (а это достаточно распространенная позиция, как в Москве, так и в регионах) считают свободу слова в России весьма ограниченной, причем накладывает эти ограничения власть. Во многих случаях такое положение подвергается имплицитному осуждению, выражаемому в иронии или цинизме. Обратим внимание, что некоторые респонденты распространяют трактовку «выражение политических взглядов» не только на высказывания, но и на коллективные действия:

– *Сейчас на кухне легко, а в других ситуациях нет. В основном, все телеканалы подконтрольны правящей партии. Получить разрешение на какой-нибудь митинг просто невозможно.*

– *Когда речь идет об острых вопросах, я не могу быть уверенным в том, что для меня это пройдет безболезненно в плане моего собственного здоровья и прочих вещей, а у меня, извините, семья. Я уже отвечаю не только за свое собственное... Поскольку нередко случаи и жесткой реакции правоохранительных органов на акции протеста, конечно, десять раз подумую.*

– *До тех пределов, пока это не сильно затрагивает власть. В беседах и интернет-блогах человек может выражать свои политические пристрастия, но выйти на митинг уже сложнее.*

– *Достаточно легко. В том смысле, если эти политические взгляды выражаются на бытовательском уровне. И трудно, когда они касаются политических амбиций.*

– *Мне кажется, что чем выше ты находишься по этой социальной лестнице, чем ближе к этому, тем больше ограничен. У тебя саморегулятор наступает.*

– *Посмотрите на Чичваркина. Выразил свои политические взгляды, захотел участвовать в политике, потому уехал в Лондон. Затем Ходорковский. Выразил свои политические пожелания. Затем расплатился. А где у нас демократия?*

– *Легко. Пожалуйста. Вон – можешь исписать весь Интернет. Правда, возможно, посадят... Но посадят за другое.*

– *Если захочешь выразить свои взгляды на 1000, на 10 000 человек, то тут возникает давление со стороны органов власти.*

– *Выражать то их, конечно, можно в России..., но их надо выражать аккуратно. Потому что если выразить их неаккуратно, то можно навлечь на себя гнев исполнительной власти.*

Разница в позициях между различными категориями респондентов незначительна. Мнение о трудностях, которые могут возникнуть у человека с выражением политических взглядов, несколько чаще встреча-

ется в Москве, чем в провинции, менее склонны к подобным оценкам представители госструктур, более склонны выражать опасения – представители интеллигенции и частного бизнеса. Отчасти это может также отражать различия мнения этих отрядов о том, что такое демократия – более близкие к официальной пропаганде политические взгляды, естественно, легче выражать.

2.4. Отношение к конкретным механизмам демократии

Референдумы

Отношение к референдуму как демократической процедуре прямого народного волеизъявления у среднего класса практически не сформировано. Респонденты пытаются выработать такую позицию, вспоминая, какие в стране проводились референдумы, рассуждая о достоинствах и недостатках этой процедуры и предполагая, какой тип проблем заслуживает вынесения на прямое голосование.

Справедливо предполагается, что референдум как форма прямой демократии в стране применяется редко, особенно в последние годы. Региональные референдумы по объединению субъектов Федерации остались неизвестными в общенациональном масштабе (единичные респонденты называют их как гипотетически возможную тему для будущих референдумов, следовательно, они «смутно припоминали» их).

Характерно, что часть респондентов прошлых общенациональных референдумов сохранили память о плебисците 1991 г. по вопросу сохранения Союза ССР. Однако никто не вспомнил о референдумах по выражению доверия Б. Ельцину и курсу реформ (весна 1993 г.), принятию Конституции РФ (декабрь 1993 г.), равно как и вопросу мартовского (1991 г.) референдума 1991 г. о введении поста президента РФ, т.е. именно тех волеизъявлениях, которые создали и легитимировали нынешнее российское государство. Эти события изглажены из памяти даже «продвинутой», образованной и в целом относительно либеральной части общества. «Национальная идея», по крайней мере в той части, которая касается представлений о государственном устройстве, полностью лишена «мифа о рождении» новой демократической государственности. Конечно, во многом на такое положение вещей повлияла государственная и окологосударственная пропаганда последних лет, однако средний класс по многим другим позициям демонстрирует вполне эффективную резистентность навязыванию пропагандистских стереотипов (например, ни разу в ходе исследования не упомянут термин «суверенная демократия»). Следовательно, уход из памяти даже образованной части общества событий, породивших демократическую ле-

гитимность российского государства, объясняется более глубокими объективными социально-психологическими факторами.

Рациональный мотив, проявившийся в аргументации в пользу более частного применения процедуры референдумов – необходимость вовлечения в политический процесс широких масс населения, повышения его политической сознательности, шире – восстановление демократического процесса:

– Это один из стимулов, значит, как-то активизировать общественную активность, общественное сознание... То есть люди увидят, что с нами советуются..., и от их движения что-то зависит.

– То, что в настоящее время из этого перечня (вопросов, выносимых на референдумы) изъято практически все, за что может голосовать население, является противоправным, противоречащим Конституции.

– А прямая демократия она как-то вовлекает население, поднимает его активность политическую, социальную и так далее.

Впрочем, особого оптимизма по этому поводу респонденты не испытывают:

– Ну, по-моему, у нас ужесточили закон о референдумах. Этот закон о том, что нужно 2 миллиона подписей для того, чтобы провести референдум. И вообще возможность проведения у нас в стране референдума – выхолощена. Референдум – это последний демократический институт, который оставался у нас в стране. Формально он существует, но фактически уже убит.

– Проведение референдумов в России абсолютно нереально, в силу федерального закона о референдумах.

– Инструмент референдума в этой стране неэффективен в силу того, что основная масса его участников находится под воздействием официальных каналов распространения информации. Например, телевизор. А телевизор у нас, как известно, монополитизирован. То есть этих людей довольно легко готовить для всех этих референдумов, поэтому... результат довольно хорошо прогнозируется и все предсказуемо.

Достаточно часто звучали рациональные мотивы о нецелесообразности широкого применения процедуры референдума, поскольку она влечет немалые бюджетные расходы. Другие типичные мотивы против проведения референдумов (риски популизма, манипулирования общественным мнением) практически не назывались: низкая осведомленность респондентов не дает им возможности для рациональных рассуждений на такие темы.

Что же касается конкретных вопросов, которые следует выносить на референдумы, то респонденты, не будучи хорошо знакомыми ни с законодательными рамками, ни с практикой проведения референдумов, пытаются назвать список важных или социально чувствительных вопросов. В большинстве своем называемые вопросы заведомо непригодны для вынесения на референдум, например поправки в Конституцию, продление сроков пребывания у власти, вопросы налоговой и социальной политики; разумным и рациональным следует признать только называвшиеся частью респондентов вопросы территориального устройства субъектов Федерации, межгосударственных отношений России с другими (в первую очередь – соседними) странами.

В регионах значительно чаще, чем в Москве, предлагалось вынести на референдум вопрос о восстановлении смертной казни. В Москве же неоднократно высказывалось предложение вынести на референдум вопросы градостроительной политики – это был фактически единственный случай, когда респонденты говорили о референдуме регионального уровня – заведомо более реалистичном, чем общероссийский референдум.

Прозрачность власти

Сторонниками прозрачности власти выступают практически все респонденты, но степень и содержательное наполнение понятия «прозрачность» у них разная. Подход среднего класса к пониманию «прозрачности власти», во-первых, «буржуазно-экономичен», во-вторых, современно-технократичен.

Одно из наиболее частотных требований – максимально полное раскрытие бюджетных показателей, механизма принятия тех или иных финансовых решений, подотчетность всех государственных (региональных, местных) расходов. При этом очень часто делается оговорка о том, что эти требования не подразумевают раскрытия тем, чувствительных для национальной безопасности:

– Что они делали с деньгами!!! Бюджет расписывали бы по-подробнее... Было бы понятнее. Ну сейчас это, в принципе, потихонечку делается. Потихонечку. Миром правят деньги. Да? Собственно говоря, если ты будешь понимать – где деньги, то ты будешь понимать и процессы принятия решений. Если будет прозрачной экономика во всех вопросах, то будут, более-менее, прозрачными политические решения.

– Когда есть полное представление, почему принимается такое решение, почему принимается, для кого принимается, кто получает выгоду от такого закона. Потому что часто у нас идет лоббирование

ние каких-то групп. Я, конечно, понимаю, что это везде происходит. Но у нас это какое-то неадекватное лоббирование всяких групп.

– Это чтобы власть, ну, как бы, была открытой народу и делала не только для себя, как они в основном делают, но и для людей тоже... чтоб проверки там у них какие-нибудь были, чтобы открыто они говорили обо всем, заявляли, а так явно видно, то, что они делают, там для себя все... если конечно вопрос там государственной безопасности какой-то, то его само собой не стоит открыто обсуждать и решать [типичная оговорка], а социальные вопросы, конечно, надо привлекать все население.

– Соответственно, мне нужно четко представлять, в какие моменты власть от меня чего-то хочет. И на каких условиях я должен соответственно ей что-то предоставить и что-то она должна дать взамен. Потому что, если я плачу налоги, то я должен понимать, на что эти налоги тратятся. Вот. Сейчас такого представления, я думаю, у людей нет.

– Публичная статистика и отчетность власти. Власть должна отчитываться перед народом, как перед своим работодателем и тем, кто платит ей зарплату.

– Силиконовую долину здесь вот за кольцевой собираются строить... я представлю такую вещь, что Абрамович [видимо, собирательный образ успеха в лоббировании], купил по \$2000 за гектар, а сейчас у него государство будет выкупать где-то за \$2 млн. за гектар, можете себе такое представить. Прозрачность, прозрачность, ну, конечно, непрозрачно! С какого бодуна, кто, как там участвует, почему такие, к тому же такие суммы!

В среднем классе достаточно широко распространена, более того – укоренена мысль о том, что пребывание у власти сопряжено с обогащением, коррумпированностью. Причем так считают как сторонники, так и оппоненты власти. Приведем два «зеркальных» суждения, авторы которых совпадают в том, что власть своекорыстна, но делают из этого разные выводы.

Сторонник власти: Это единственное правительство, когда казнокрадство не было основным источником дохода правящей элиты. Все девяностые годы... – не какое-то там, технологическое, не социальное развитие в стране, а элементарное разворовывание, набивание... Ни одного факта, противоречащего этому, нет. Это первое и второе, в том, что должны быть уверены в том, что решение принимается под влиянием экспертов, во-первых, национально ориентированных, это обязательно и, во-вторых, компетентны.

Оппонент власти: *Прозрачность власти?* [смеется] Если подразумевается, что действия их становятся открытыми и понятными, то я все равно в это не верю. Ну, если власть, это в результате – миллиардеры, то это не может быть открытым. Никто же из руководителей не говорит про себя, что они имеют конфермы, что они имеют большие вклады в тех или других банках... я считаю, что на обычной государственной службе невозможно стать миллиардером. Значит, есть теневая какая-то деятельность, а это уже не прозрачная власть.

По этой причине в понятие «прозрачность» часто включаются требования к раскрытию высокопоставленными лицами своих доходов, и первые шаги власти в этом направлении приветствуются, хотя не без скепсиса:

– Мы же уже знаем, сколько зарабатывают наши премьер-министры. Верим в эти цифры с трудом. Но знаем. По крайней мере, источник есть.

– Пока наше государство будет до такой степени коррумпировано, ни о какой прозрачности власти речи не может быть вообще априори, потому что это никому не выгодно и неинтересно и обеспечить ее в этом обществе просто невозможно, что бы кто ни предлагал, потому что выполняться ничего не будет, вот и все.

– Ну, вот, например, я пару дней назад читал о доходах, что Президент там концы с концами сводит там на 3 млн. рублей в год. Жена (члена правительства) зарабатывает, ну, обналичивает там на карманные расходы 600 млн. рублей. Вот, по крайней мере, есть какая-то пицца, жвачка для ума, почитать, кто сколько обналичил. Вот прозрачность. А прозрачность – то, что мы каждый день видим, кто куда поехал, кто встречается в Аргентине, кто где, можно в газете «Коммерсант» прочитать, что они сделали накануне, или включить программу «Время», вот, все на виду, все работают, то есть не более, чем развлекаловка.

– Прозрачность, это когда независимо от ранга, независимо от лиц, чтобы все знал народ о наших правителях, о нашей власти, сколько они зарабатывают, чем они занимаются, сколько у них пароходов, сколько у них машин, сколько у них дач, и обязательно это должны контролировать органы...прокуратуры, Счетной палаты.

– Я как гражданин Ростова должен знать, на какие деньги Чернышев строит свои виллы, замки, на какие деньги Чуб – свои предприятия.

Непременная составляющая прозрачности в представлении респондентов – публичность процесса принятия решений. Часто упоминается

«по старинке» освещение деятельности в СМИ, однако почти столь же часто «продвинутый» представитель среднего класса под публичностью понимает в первую очередь Интернет и предстает вполне грамотным его пользователем. Обратим внимание, насколько часто в этих пожеланиях упоминается «онлайн-режим» – скорее всего, респонденты озабочены не скоростью получения информации о деятельности органов государственной власти, а исключением возможности манипуляций с информацией, от которых режим реального времени ее распространения создает какие-то гарантии:

– Какой-то информационный ресурс, где будет режим реального времени отображаться.

– Я думаю, что прямо в режиме онлайн. То есть должно, должен быть сайт, где прямо поэтапно, в открытом доступе происходит утверждение какого-либо законопроекта.

– Как налогоплательщика меня беспокоит, куда тратятся мои деньги. И вот прозрачность именно финансовых трат тоже было бы очень здорово организовать.

– Стенограммы, видеозаписи – все должно быть в общедоступных источниках, в первую очередь в Сети.

– Информация должна быть моментально доступна. То есть в течение 2–5 секунд на загрузку этой информации в Интернет.

Однако в целом ряде случаев «прозрачность власти» понимается гораздо шире – как процесс демократического и соревновательного обсуждения принимаемых решений, системы сдержек и противовесов (часто с комментарием, что этого в России в должной степени нет):

– Должны быть прозрачные честные выборы, многопартийная система, думаю, на уровне государственной власти, ну, чтобы выбранные, назначенные органы принимали решение.

– Когда есть по каждому вопросу правила и нельзя пытаться обойти их каким-то образом.

– Да, и хотелось бы, чтобы была информация о том, какой депутат и каким образом проголосовал за тот или иной законопроект, по фамилии, с тем чтобы избиратели могли бы задать ему свой вопрос. А если депутат не голосовал, чтобы стоял прочерк, тоже было бы понятно, почему можно было бы задать ему вопрос – почему он не голосовал.

– Устойчивость власти в демократическом обществе подразумевает под собой наличие трех независимых институтов и соблюдение этой независимости. Исполнительная власть, законодательная и судебная. При наличии трех этих институтов и их независимости и выполняется, как Вы говорите, прозрачность. В отсут-

ствие этого она невозможна, что мы и видим на практике нашей страны.

– Прозрачность – это когда мы видим то, что, наверное, нам не нужно было бы видеть.

Между выборами: что могут сделать граждане?

Вопрос о воздействии граждан на политику в межвыборный период – один из самых дискуссионных в политической науке, и в любом случае предполагает роль такого воздействия ограниченной, сводящейся скорее к реагированию на действия политиков и выражению своего мнения, чем к активному влиянию.

Представители российского среднего класса в принципе проявляют аналогичный подход. Они, во-первых, не видят устойчивых институциональных механизмов для такого воздействия:

– К сожалению, отработанных рычагов и механизмов воздействия на власть нет, поэтому, отвечая на этот вопрос, следует сказать, что если сменится сама модель управления в государстве, тогда власть будет обязана в первую очередь отчитываться перед людьми и нести ответственность и уголовную, и административную, и дисциплинарную, и нравственную, тогда механизм воздействия будет. А пока этого нет.

Во-вторых, они не считают основную массу населения достаточно компетентной для участия в принятии политических решений:

– Можно как-то считаться с мнением населения, но все-таки окончательное решение должна принимать власть, потому что времена Ленина прошли и домохозяйки не могут управлять государством. Все-таки нужны специально обученные люди. [«Ленинская кухарка» в таком контексте упоминалась неоднократно].

– Я считаю, что уровень знаний массы населения не позволяет ему участвовать активно в процессе принятия решений.

Исходя из этого, многие респонденты высказывали мысль, что главная гарантия учета мнений и интересов населения в политике – это свободные и справедливые выборы:

– Достаточно того, какие решения принимает власть, в случае если выборы проходят легитимно.

– Должна действительно работать эффективная выборная представительная власть и, как говорится, система коммуникации между этим представителем и народом, то есть избирателями.

– Достаточно выборов, чтобы выборы были честные.

– Население выбирает власть и таким образом делегирует ей принятие решений, поэтому я думаю, что по такой системе работает.

Гораздо реже респонденты вспоминали другие средства «межвыборного» воздействия населения на власть, связанные с деятельностью гражданского общества, местным самоуправлением и протестной активностью:

– *Достаточно того, чтобы была обратная связь власти и населения. Чтобы власть чувствовала прессинг населения, население должно более активно участвовать в решении муниципальных, городских проблем, это гораздо более актуально.*

– *Участвовать в выборах, в обращениях граждан, в лоббистских общественных организациях, должна быть достаточная доступная правовая база по данным вопросам.*

– *На уровне государства – сложно. Можно принимать участие, начиная там, с уровня микрорайона, еще где-то там.*

– *В важнейших вопросах нужны референдумы. В менее важных – мнение общественных правозащитных организаций, проработанных адвокатов,*

– *Митинги, демонстрации – это отдельно люди собираются.*

– *Пример, немецкий профсоюз – один из самых сильных в мире профсоюзов. Профсоюзная организация – достаточно эффективный инструмент диалога. Условно можно сказать, что профсоюз это та же самая партия, которая отражает интересы [обратим внимание, что этот профсоюз – не российский].*

И лишь отдельные респонденты «доводят до логического конца» главный способ воздействия населения на власть, если та после выборов не выполняет данных избирателю обещаний – проголосовать за смену власти:

– *(население) должно иметь возможность в случае, если видит, что власть принимает принципиально отличные от интересов населения решения... сменить эту власть на другую. А вот если этой альтернативы нет, то получается, что... государственный строй – он называется демократией, но сути своей он демократией не является;*

– *Если бы власть несла ответственность за принятие решений и отвечала бы тем, что, предположим, за четыре года принимала каких-то законов или решений, которые привели, допустим, к негативным последствиям, и у народа имелась бы возможность их переизбрать, это, я считаю, было бы самым оптимальным. Тогда можно было бы поручить и доверить власти принять решения, и не обязательно согласовывать их с населением.*

Другие механизмы контроля над властью

Рассуждения респондентов о других формах контроля граждан над властью скорее представляют собой не описание «реального», а выражение пожеланий, какой такая система должна быть. Это – уже встречавшийся в других контекстах набор характеристик демократического общества, которые респонденты считают отсутствующими в России:

Регулярная отчетность избранных лиц и чиновников, причем «дотошность» респондентов в требованиях к тому, как они должны отчитываться, свидетельствует о том, что нынешний характер такой отчетности представители среднего класса считают формальным, лишенным реального содержания:

– *Насколько я знаю сейчас – это отчеты перед избирателями. Но насколько они эффективны – неуверен. Других механизмов не знаю.*

– *Во-первых, встречи с избирателями должны быть обязательными. Депутат, представитель должен их принимать на регулярной основе в удобные часы. Не так, что, допустим, с 9.00 до 10.00 по средам и все. А в течение целого дня он должен быть доступен. Вся эта деятельность его должна быть открытой. Как он проголосовал по какому вопросу, это тоже должно быть открыто, доступно в Интернете. Чтобы каждый мог посмотреть.*

– *Регулярная отчетность. Только перед кем? Я вот думаю, что, ну, это конечно идеализм в России. Понимаете? В Европе это мнение, так сказать, уже действует, в России это пока еще идеализм. Ну, допустим, регулярная отчетность представителей, руководителей муниципалитетов по конкретным проблемам.*

– *Типа общественные слушания, когда выбранный человек отчитывается периодически перед своими избирателями, отвечает на их вопросы. Не просто по бумажке что-то зачитывает, а действительно ведет диалог с ними. И когда приемные часы у него не раз в месяц по часу в четверг, а по мере накопления каких-то вопросов.*

– *Полный тотальный контроль, т.е. избранный представитель власти должен отчитываться о своих действиях и чтоб опять же его действия совпадали с его предвыборной программой. Если она не выполняется, устранять выбранного чиновника, т.е. отстранять его от выполнения своих обязанностей и менять на нового.*

Кроме того, назывались такие формы контроля, как деятельность гражданского общества, независимые СМИ, развитие партийной системы, но тоже зачастую с упоминанием, что в России они не развиты:

– *Свобода СМИ, свобода выражения мнений, отмена закона об экстремизме, который мешает людям и общественным объединениям свободно высказывать свое мнение относительно властей.*

– Их же (в Думе) четыре партии, наверное, нужно учитывать и баланс этого, а не воспринимать только одно. А-ля большевизм, он и все 90-е в этом виде. Нужна гармония, этот синтез всего представленного... А все эти внутрипартийные дискуссии, где каждый высказывает свое мнение, все это нужно учитывать – но оно не учитывается!

– Знаете, я вообще не знаю ни одного чиновника, который отвечал бы за свои действия. Выбранного – не выбранного. Ну, вот в последнее время только начали увольнять, и только вот в последний год. Всякие спортивные федерации, то есть вот – ну это вот первый раз за все, что я помню, человек ответил своей должностью и постом за те действия, которые он совершал или не совершал.

– Возможность реальной инициативы для сбора подписей с требованием досрочного отзыва.

– Ну, как мы видим, общественные организации и гражданское общество, которое они формируют, являются достаточно эффективным механизмом контроля исполнительной (власти)... гражданское общество, которого в России просто нет.

– Я думаю, что тут надо больше дать свободы слова журналистам, чтобы все освещалось, чтобы не замалчивались какие-то коррупционные моменты, ошибки, которые допускаются Правительством, чтобы все обсуждалось открыто. А у нас на сегодняшний день, если смотреть новости первого канала, то такое ощущение, что смотришь программу «Время» 70-х годов, у нас все хорошо и все прекрасно, и никаких проблем нету, промышленность у нас растет, из кризиса мы давно вышли, пенсии мы подняли, социальные программы мы обеспечиваем, все у нас хорошо.

Выборность региональной и местной власти

Отношение среднего класса к выборам региональной и местной власти подтверждает описанную выше модель «запроса на ограниченный плюрализм». Средний класс продолжает колебаться между потребностью в большей демократичности, в которой он видит инструмент обуздания бюрократических, коррупционных и антиправовых тенденций, и страхом нарушения стабильности и управляемости в случае ослабления властной вертикали... В вопросе о выборности региональной и местной власти это проявляется в том, что местную власть (включая руководителей) почти консенсусом предлагается избирать – есть лишь единичные случаи, когда респондент «доводит до конца» логику вертикали власти: если губернатора подбирает и назначает президент, то губернатор должен иметь аналогичные полномочия в отношении глав местных администраций.

Что же касается руководителей регионов, то среди московских респондентов сторонников выборов несколько больше, чем сторонников нынешней модели «наделения полномочиями» (которую никто не трактует иначе, чем прямое назначение президентом), в регионах же в поддержку обеих моделей высказывается примерно равное число респондентов.

Однако описанная выше логика колебания между двумя мотивациями порождает у респондентов массу «гибридных моделей» – попыток совместить достоинства обеих систем. Все эти «гибриды» заведомо неработоспособны – прописать в законе и тем более применить на практике предлагаемые ниже модели совмещения выборности народом и контролируемости президентом просто невозможно. Мы имеем дело с попытками выхода из психологического тупика. Отметим лишь, что в этих колебаниях модель выборов зачастую признается «в идеале» более правильной:

– Допустим партии местного парламента, предлагать несколько альтернатив, народ должен проголосовать, а из них президент должен выбирать. То есть сочетание этих двух принципов...

– Это должна быть выборная должность: так задумывалось Конституцией. Есть наверное ряд регионов, где это не может быть, Кавказ отчасти, там могут быть исключения, те регионы, которые содержатся за счет федерального бюджета – какие там выборы могут быть?

– Я считаю, что население (должно выбирать)... ну, а президент утверждать... или согласовывать с президентом. Все равно нужно, как бы, чтобы президент знал, кто с ним будет... как-то это должно совместно, согласованно. Но люди избирать должны сами.

– Где-то, наверно, может быть должен президент назначить, а где-то народ должен выбрать.

– Мне кажется, их надо вообще придумать суперлегальную систему, схему. Выбирает народ и на утверждение Президенту. Или же еще лучше даже. Президент предлагает несколько кандидатур. Если народ из них никого не выбирает, то народ сам предлагает кандидатуру, если есть у них какой-то.

– Руководителей регионов, естественно, должно выбирать население, а кандидатов на эти посты должен выбирать президент.

– Здесь нужно довольно тщательно продумать систему, чтобы она, с одной стороны, допускала конкуренцию, а, с другой стороны, не приводила к появлению во власти людей, которым эта власть [хмыкает] вредна.

– Президент должен предлагать кандидатуры, президент в курсе всех событий, ему виднее, какой человек может руководить

каким регионом, потому что он этого человека более близко знает, но в то же время население должно быть согласно, нужен этот человек или нет в данном регионе.

– Если выборы будут честные и добросовестные, то выборы нужны. А если они, как они сейчас происходят, то лучше пускай назначает президент.

– Населению доверять всегда нельзя, потому что... ну, не всегда правильно, я так считаю. Я просто думаю, что должны быть и кандидаты от президента, и с мест. А потом какой-то период уже это все как-то согласовывается... выдвигать конкретного представителя.

Сторонники выборов губернаторов приводят следующие аргументы в обоснование своей позиции:

– Выстраивая вертикальную власть, мы получаем загнивающую систему, хотя она работает.

– Назначение губернаторов – неконституционная норма. В Конституции прямо сказано, что субъект сам определяет устройство власти у себя в регионе, области и республике.

– Население регионов. Потому что президент не может знать всего того, что в регионах. Потому что придет человек, который не знаком с ситуацией в регионе, который занимался чем-то другим. Возможно, он прекрасный управленец. Но из-за того, что его назначает президент, а не выбирает население, следовательно, ему нужно сделать так, чтобы удовлетворить президента, а не население.

– Население должно выбирать, кто должен руководить регионом. Население выражает доверие своему кандидату, и этот представитель является в основном представителем данного региона. На данный момент в нашей стране после введения назначения руководителей регионов президентом происходит следующее: президент в основном назначает доверенных людей. И эти люди в основном никакого отношения к региону не имеют. Они приходят и меняют в корень всю систему.

– Я считаю, что назначение – это не правильный способ. Поскольку, быть может, это да, практически я вот вижу... как-то может быть улучшают ситуацию в конкретном регионе. Но неизвестно, чем в итоге это все закончится. Но все-таки правильнее самому населению выбирать своего правителя, а не так, что вот вам человек, смиритесь с ним и живите дальше.

– Если его назначил президент, то он отвечает за удовлетворение интересов того, кто его назначил. Но никак не за удовлетво-

рение интересов населения регионов. Если же он избирался, то он понимает, что в следующий раз его не изберут и он не будет иметь все то, что он хочет иметь.

– Должно выбрать население, потому что если будет назначать президент, как сейчас, то будет полный авторитаризм.

– Безусловно, население региона. Назначение президентом приводит к тому, что появляются такие царьки на местах, которые действуют в угоду себе, не обращая внимания на нужды населения. Точнее, обращая, но только тогда, когда президент изволит посетить тот или иной регион. Тогда мы видим, как начинают проводиться дороги от аэропорта до мест, куда стремится президент.

Сторонники назначения губернаторов высказывают следующие соображения:

– В нашей стране лучше, если это будет делать президент. Мне уже так кажется, ну, население вроде там выбирает, но в своих кандидатах как-то глубоко разочаровываются. При условии, если президент нормально соображает – адекватный и все такое.

– Вообще-то, пока что должен назначать их президент. Ну потому что ситуация она и в мире, и тенденция очень сложная. Поэтому пока что должно подконтрольно быть.

– На современном нынешнем этапе развития общества очень много возможностей повлиять на мнение населения экономически, поэтому общество не готово к тому, чтобы взвешенно подходить к этому вопросу, поэтому назначение президентом, я считаю, это правильно.

– Технологии выборов таковы, что они на сегодняшний день не позволяют действительно объективно приходить к победе в выборах наиболее профессионального и правильного человека, то есть это фикция.

– Мне нравится, что назначает президент. Он назначает нового человека, который не связан с региональными структурами. Он меняет власть и как-то связан негативными обязательствами с регионом. Это может понизить уровень коррупционности. Наверно, это более правильно.

– Это нормальная российская схема, когда руководитель на территорию назначается первым лицом государства.

– А выборы я считаю, что в каком-то смысле это все: это все равно что реклама. У кого больше рекламы, тот и выиграл.

2.5. Краткие выводы: хочет ли средний класс демократии?

Гражданская активность

Средний класс – при всей своей неоднородности – активно формируется как специфическая страта российского общества. Наша выборка – более состоятельные «верхний и средний» уровни – указывает на широту взглядов, критическое мышление представителей «состоятельного» и в большой степени молодого сегмента. Это проявляется и в том, что у него формируется специфическое поведение в осознании и отстаивании своих материальных интересов, которые влекут за собой и интересы в сохранении и развитии своего образа жизни и ценностей. Это поведение уже не может оставаться сугубо индивидуальным и требует определенной самоорганизации.

Уровень гражданской активности среднего класса по меркам российского общества следует признать достаточно высоким. О той или иной форме гражданской активности сообщает более половины респондентов, т.е. она становится полноценной характеристикой отечественного среднего класса, роднящей его со своими западными аналогами. В регионах, государственном аппарате и бюджетных организациях сохраняются «лакуны» советской общественной организации в профессиональные союзы, но они носят явно уходящий характер. Зато явно проявляются три типа новой организации, идущей «снизу» или «со стороны».

Деятельность в сфере профессиональных интересов – сетевые структуры или профессиональные объединения; такая деятельность больше свойственна интеллигенции, крупным компаниям и инновационному бизнесу (особенно – связанному с ИКТ), но не ограничена исключительно этими стратами. Эта деятельность совмещает профессиональный интерес с общественной активностью, однако важно, что она создает у человека навык и интерес к неформальному общению, наращиванию «социального капитала».

Досуговая деятельность: будучи в массе своей социально активными людьми, представители среднего класса включаются в такие «объединения по интересам».

Благотворительная деятельность – одно из наиболее перспективных направлений. Она оказалась распространенной достаточно широко, причем носит сугубо добровольный характер, потребность в ней идет «от сердца». Гражданин, обретший материальное благополучие в обществе с высоким уровнем социальной стратификации, считает своим человеческим долгом оказать помощь тем, кто менее обеспечен. Стереотип о «социальной одобряемости» такого поведения только возни-

кает, т.е. эта активность действительно идет «снизу» и распространяется «по горизонтали» среднего класса, а не навязывается ему сверху. Чаще благотворительность осуществляется индивидуально, т.е. человек оказывает помощь конкретному адресату (детскому дому, медицинскому учреждению и т.п.) напрямую – в одиночку или в рамках небольшого неформального сообщества.

Вся эта общественная активность не носит политического характера, практически не затрагивает сферы политики. Однако она перспективна не только с точки зрения развития гражданского общества, но и как возникающий и развивающийся инструмент социализации, коллективных действий, оперирования социальным капиталом. Обретенные в ней навыки в дальнейшем могут использоваться и в других сферах общественной активности, хотя конкретные сценарии ее эволюции на сегодняшний день нарисовать трудно.

Политические предпочтения среднего класса

Политические предпочтения среднего класса и мотивы поддержки той или иной партии в принципе не отличаются от настроений политически активной части российского общества. Отличительной чертой можно признать большую степень плюрализма и более эксплицированные мотивы поддержки или оппонирования той или иной политической силе.

Определенная часть среднего класса голосует за «Единую Россию»: часть сторонников крупнейшей партии поддерживает ее «по должности» (что можно предположить по характеру приводимой ими аргументации, преимущественно речь идет о сотрудниках госаппарата и «бюджетниках»), другие же сделали рациональный выбор в пользу этой партии (ее сила, авторитетность, насыщенность властными и элитными фигурами). Сторонники КПРФ и ЛДПР в среднем классе немногочисленны и в основном сделали свой выбор уже давно. «Справедливая Россия» не заручилась значимым числом сторонников в этой стратификации общества. «Собственный» спрос на политические партии либеральной ориентации в среднем классе существует (преимущественно у интеллигенции и людей, задействованных в частном бизнесе), но достаточно слабо выражен, имеющееся же «предложение» в виде «Яблока» и «Правого дела» средний класс оценивает рационально и не удовлетворяется им. С известным допущением можно говорить о том, что существующее на «политическом рынке» предложение не удовлетворяет запроса критично или скептически настроенной части среднего класса.

Политические настроения среднего класса и запрос на демократию

Состоятельная часть среднего класса достаточно уверенно выделяет себя из массы населения по большей заинтересованности в демократии. Эти отличия не ограничиваются «мироощущением», но носят объективный характер:

- Значительная часть среднего класса более активно следит за политикой, осведомлена об основных принципах демократического устройства, достоинствах демократической системы, равно как и сопряженной с нею рисках.
- Имплицитно в рассуждениях среднего класса звучит мотив, что в отличие от большей части общества их потребности выходят за рамки материальных нужд, т.е. они «могут себе позволить» задуматься о демократии.
- Заинтересованность в демократии представители среднего класса обосновывают разными мотивами, которые можно свести в три частично пересекающиеся категории – потребностями в каналах влияния на власть и отстаивания своих интересов (в первую очередь – экономических), желанием обрести гарантии защиты собственного достоинства и избегания социальных потрясений и авторитарно-бюрократического ущемления собственных прав и свобод, а также представлениями о «должности» демократии в современном европейском государстве, в котором им хотелось бы жить. **Иначе говоря, демократическое устройство общества становится частью запроса на более высокое качество жизни.**

Такие настроения разделяет только часть среднего класса, но эта часть достаточно велика. Убежденных противников демократизации в среднем классе абсолютное меньшинство, но среди них не столько представители «старой номенклатуры», но и высокообеспеченные люди, часто связанные с инновациями или технологиями. Их «успешности» дефицит демократии не стал помехой. Напротив, из их аргументации можно вывести, что демократию они рассматривают как угрозу своему положению. Это – «новые правые», которые в описанном ниже противоречии между демократией и стабильностью однозначно выбирают последнее.

Активная социально-экономическая и общественная деятельность среднего класса означает, что он хорошо знаком с природой власти и характером ее институтов и практик. Эта осведомленность, судя по материалам исследования, начисто лишила его веры в «благодетельность» государства в экономической и социальной политике. «Позитив» за ним признается лишь в установлении и поддержании стабильности и порядка, подавлении конфликтов, но не в развитии экономики, повышении качества жизни и развитии демократии. Соответственно, обра-

зованный и состоятельный средний класс демонстрирует достаточно высокую степень резистентности к провластной пропаганде. Даже те, кто заявляет о поддержке власти и сомневается в необходимости перемен, чаще делают это не по глубинному убеждению, а в силу рационального выбора «меньшего из зол» – порядок и стабильность ценой ущемления плюрализма и возможности воздействия на государство.

Запрос на демократизацию у представителей среднего класса отчасти носит «ценностно-идеалистический» характер, но в первую очередь он «инструментален». Средний класс не удовлетворен целым рядом реалий российской политики, непосредственно влияющих на его жизнедеятельность, и решение этих проблем видится ему именно через расширение «пространства демократии». Речь идет об ощущении средним классом монополизации власти (как на федеральном, так и на региональном и местном уровне) и следующем из нее доминировании власти в регулировании отношений собственности. Это, по мнению значительной части представителей среднего класса, проявляется в:

- непрозрачности власти, отсутствии возможностей объективно оценить эффективность ее деятельности вообще и расходования средств налогоплательщиков в частности;
- отсутствии у активного гражданина возможностей повлиять на процесс обсуждения и принятия решений, шире – эрозии качества представительства и выборов. Они во все меньшей степени видятся как механизм свободного и справедливого волеизъявления, широко распространены представления о предрешенности результатов выборов и неспособности через выборы повлиять на политику. В результате электоральная активность среднего класса в Москве имеет выраженную тенденцию к снижению, в провинции такая активность выше, но сохраняется лишь в силу привычности, «ритуальности» участия в выборах. Распространяются мотивы протестного голосования;
- неизбежной в такой ситуации неподконтрольности власти и ее коррумпированности;
- ущемлении свободы слова и собраний там, где такая общественная деятельность выступает с критических позиций.

Можно сказать, что у среднего класса постепенно утверждается самоощущение «налогоплательщика», а не «подданного», видение государства как «нанятого агента» по распоряжению общественными благами, а не «сакральной власти». Значительная часть среднего класса постепенно подходит к выдвижению лозунга *no taxation without representation* – требования реального представительства своих интересов.

Такие люди позитивно относятся к демократии вообще и политическому плюрализму в частности; запрос на их становление и разви-

тие у них присутствует в виде достаточно выраженных требований: расширение демократических процедур, улучшение качества выборов, обеспечение прозрачности власти и становление механизмов общественного контроля над ней. Однако этот запрос имеет множество ограничителей.

Во-первых, у большинства из них такой запрос не актуализирован – они не испытывают сильной фрустрации по поводу нынешнего состояния дел в этой сфере. Лишь меньшинство в своих размышлениях на эту тему дают предметные оценки или связывают эту проблему со своей судьбой.

Во-вторых, этот запрос не носит безусловного характера. Это запрос на развитие соревновательности, дискуссии, открытости, в конечном итоге – существование реальной и влиятельной оппозиции, но роль этой оппозиции, да и политического плюрализма в целом большинству респондентов видится только как ограничитель произвола, канал критики и воздействия на власть, страховка от ошибок. Но за редчайшим исключением логика аргументов респондентов не подразумевает возможности смены власти через конкуренцию на выборах. Иными словами, средний класс выражает доверие действующей политической системе и верховной власти, но критикует ее пороки и требует для себя более открытой (следовательно, конкурентной) политической среды.

Состоятельный средний класс продолжает колебаться между потребностью в большей демократичности, в которой он видит инструмент обуздания бюрократических, коррупционных и антиправовых тенденций, и страхом нарушения стабильности и управляемости в случае ослабления властной вертикали. Отсюда, например, выявленные исследованием разброс и колебания респондентов в вопросе о выборности или «назначаемости» глав региональной власти (местную власть почти единодушно предлагается избирать).

В известной степени такой вывод совпадает с заключениями авторов доклада ИНСОРа «Демократия: развитие российской модели», которые обыгрывали старое ироничное высказывание о выборе между «демократией и севрюжиной с хреном». Утверждалось, что «продвинутой» части общества уже не хватает одной только «севрюжины» – возникает потребность и в демократии, но только не за счет уменьшения количества севрюжины. Позволим себе уточнить это рассуждение по итогам настоящего исследования. Часть среднего класса не просто начинает хотеть «демократии сверх севрюжины», но ощущать, что дефицит демократии мешает ей наслаждаться севрюжиной. В переводе на политологический язык это означает, что при достигнутом уровне материальных благ и уровне жизни усиливается запрос на демократию как неперемennую составляющую качества этой жизни. Более того, у части среднего

класса есть и более глубокое ощущение: дефицит демократии не дает уверенности, что в будущем удастся добывать новые «порции севрюжины» в таких же или больших количествах – иначе говоря, что инерционное развитие нынешних тенденций позволит сохранить и развить свой нынешний профессиональный и социальный статус.

Оговоримся еще раз: отношение среднего класса (как и всего российского общества) к демократии противоречиво, в нем есть меньшинство, заведомо предпочитающее стабильность демократизации, а желающее демократизации большинство формулирует свой запрос достаточно умеренно. Эти различия между группами до известной степени могут отражать взгляды различных отрядов среднего класса. Методологически важно, что даже на ограниченной выборке видны (вертикальные) различия отрядов внутри верхних слоев среднего класса по серьезным политическим вопросам. Спрос на демократию, как и следовало ожидать, более выражен у интеллигенции и менеджмента крупных компаний, меньше у малого бизнеса, меньше всего у госслужащих (особенно в Москве). Разумеется, это предполагает существенное расширение выборки и проработку вопросов на больших массивах.

Как представляется, такой запрос нельзя игнорировать, но можно целенаправленно использовать в реализации модернизационной стратегии развития страны. Он вполне совместим с планами эволюционного развития демократических процедур, учитывающих реалии и сохраняющей стабильность системы. Без усилий власти в этом направлении можно уверенно прогнозировать дальнейшую энтропию доверия среднего класса к власти, рост цинизма и «кухонного протеста» – все это не позволит добиться «идейной» поддержки, шире – доверия к модернизационным программам со стороны именно того общественного слоя, который обладает наибольшим потенциалом для участия в них. Политические последствия такой ситуации стали бы слишком далеко идущими.

3. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛАЗАМИ СРЕДНЕГО КЛАССА: ОТНОШЕНИЕ К НЕРАВЕНСТВУ И МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ

3.1. Отношение к неравенству и механизмы перераспределения ресурсов

Важным вопросом в изучении представлений различных слоев общества о необходимых мерах социальной политики является вопрос о необходимости уменьшения степени социального неравенства. Смягчение проблемы неравенства и установление тем самым большей социальной справедливости, по сути, является главной целью социальной политики, особенно в социальном государстве, которым согласно Конституции является Россия. Существующая в стране глубина неравенства негативно сказывается не только на уровне жизни большей части населения, но и оказывает влияние на его взгляды и самочувствие. Например, исследование А. Алесина, Р. ди Телла и Р. Маккулоша показало, что в ряде европейских стран при неизменности прочих факторов глубина неравенства оказывает существенное отрицательное воздействие на субъективное благосостояние всего населения независимо от уровня дохода, при этом наиболее сильно это воздействие ощущается малообеспеченными слоями населения¹.

По данным исследования ИС РАН существующие на сегодняшний день в России социальные неравенства представляются несправедливыми всем слоям населения независимо от динамики их дохода. При этом особенно болезненно воспринимается чрезмерная дифференциация доходов и неравенства в распределении частной собственности². В данной главе мы рассмотрим, как респонденты относятся к проблеме неравенства и какие механизмы они предлагают для ее решения. В частности, отдельно будет рассмотрен вопрос о наиболее предпочтительной системе налогообложения – плоской или прогрессивной шкале.

Представителям среднего класса в отношении неравенства наиболее характерна следующая позиция: они считают нынешний уровень нера-

¹ Alesina A., di Tella R., MacCulloch R. Inequality and Happiness: Are Europeans and Americans Different? Harvard University, Cambridge, Mass. Processed. 2000.

² Социальные неравенства и социальная политика в современной России / [Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова]; Ин-т социологии РАН. М.: Наука, 2008. – С. 17.

венства неизмеримо высоким, но при этом не готовы жертвовать своим личным доходом для повышения уровня жизни наименее обеспеченных. Поэтому в качестве возможной меры они предлагают «просто поднимать низы, не трогая верха»³:

– *Смотря как они хотят, отобрать все у богатых раздать бедным – это один вопрос, это я против, однозначно. Действовать нужно по второму пути: подтянуть доходы бедных к богатым, и не за счет богатых, а за счет... чтобы государство как-то урегулировало этот вопрос, помогло бедным становиться богаче (сотрудник крупной компании, СС).*

– *Оно должно поддержать нижнюю границу, то есть ту границу, которая обеспечивает достойное проживание или возможное проживание, насколько может вообще государство, вот нижнюю границу оно должно подымать и контролировать... Что касается вопроса контроля верхней части дохода – а зачем, нет смысла. Если вы будете дестимулировать верхнюю часть дохода... Вопрос не в том, что я заработал миллионы, вопрос в том, что я их честно заработал (госслужащий, ВС).*

– *Там, кто-то много, кто-то мало, нужно с самого начала поднимать уровень населения. Если уровень населения выйдет до уровня нормальной страны, даже развивающейся... потому что кто-то любит говорить, что мы такая серьезная страна, с такими доходами, но почему у нас население такое нищее и бедное? Если в Америке миллионерами становятся десятилетия – там семейная иерархия, то у нас – хлоп – в один момент – и все миллиардеры. А другие, как были бедны, так и останутся... Сокращать уровень доходов не нужно. Нужно начинать повышать уровень доходов и уборщиц, чтобы она не считала себя отшельником, чтобы на нее не смотрели как-то презрительно... Это человеческий фактор. Это менталитет. А чтобы тот же уборщик мог радоваться жизни и поехать хотя бы отдохнуть, я не знаю, хотя бы в Сочи.... (сотрудник крупной компании, СС)*

В частности, для этого необходимо создавать соответствующие условия и вводить дополнительные программы, помогающие малообеспеченным заработать:

– *Система дотаций, система поддержек населения, какие-то программы, которые помогают зарабатывать деньги и таким образом уменьшать свои проблемы. Ну, собственно говоря, помимо*

³ Респондентам предлагалось оценить свою степень согласия с суждением «Правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми» и пояснить, почему они так считают.

этих у правительства и нет каких-то других инструментов (МСБ в сфере торговли и услуг, СС).

– Государство должно дать возможность людям, условно говоря, увеличивать свои доходы, ну... дать возможности для перспектив. Сейчас как раз все перспективы у людей отняты (МСБ производственный инновационный, СС).

– это программы переквалификации. Вполне возможно – если говорить о людях, что они уже потеряли возможность учиться из-за того, что они ничем не занимались долгое время. По сути, что называется, асоциальные элементы. Что возможно – это какое-то обучение плюс лечение. То есть это для того, чтобы поднять уровень самых бедных (сотрудник крупной компании, СС).

– Нет, безусловно, надо обеспечивать работой всех... Вот как поступили китайцы? Во-первых, они поддерживают малый бизнес, очень сильно поддерживают, очень явно. Во-вторых, они дали людям землю, на которой они могут что-то вырастить, ну, то есть сельское хозяйство на более-менее приличном уровне. То есть надо в этом направлении как-то двигаться (МСБ производственный инновационный, ВС).

Многие ссылаются на западный опыт государств благосостояния:

– Правительство давно должно принять меры. И это ни в одной стране мира нет такого, может быть в единицах стран, чтобы был такой огромный разрыв, нигде такого нет. И вот вам вопрос для референдума (интеллигенция, СС).

Вообще среди россиян по данным опросов не так много сторонников уравнилительной модели (33,6%). Большинство считает, что «государство должно обеспечить всем гражданам определенный минимум, а кто хочет получить больше, должен добиваться этого сам» (52,5%)⁴. В данном случае речь идет об определенном минимуме доходов и о гарантии удовлетворения базовых социальных потребностей, и прежде всего в медицине. В сознании россиян доминируют установки «на приоритетность равенства возможностей, а не равенства доходов и условий жизни»⁵. Вот как объясняют такую свою позицию наши респонденты:

– С одной стороны, безусловно, да, если говорить о России, потому что у нас гигантский разрыв. С другой стороны, речь не идет об абсолютной уравниловке, как это было в период Советско-

⁴ Тихонова Н.Е. Куда ведет коридор? (О социальной политике с позиции общественного мнения) // Общественные науки и современность, № 3, 2006. – С. 14.

⁵ Там же.

го Союза, как некая установка, вот в чем дело. Речь идет не столько, может быть, о разнице в доходах между людьми. Сколько об уменьшении разницы в возможностях. Но хотя, если с учетом сегодняшней реальности, конечно же, можно однозначно сказать «да», что оно должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми. Но опять же, можно стремиться к тому, чтобы не было богатых, а можно, чтобы не было бедных (интеллигенция, ВС).

Очень важен вопрос, какие социальные неравенства представители среднего класса считают справедливыми, а какие нет. Респонденты, поддерживающие уменьшение неравенства, часто в своих ответах исходят из следующих представлений о социальной справедливости:

– Сейчас в России разница в доходах между самыми богатыми и самыми бедными – она больше соответствует тому, что есть в странах черной Африки. И России, все-таки как стране – более цивилизованной – как мне кажется, ну не прилично, как минимум. И в этой ситуации, да, однозначно должно принять меры (сотрудник крупной компании, СС).

– Ну, кто-то скрывает налоги, а кто-то не скрывает. Поэтому происходит разница. Ну, с чего там, Березовский и прочие там, Потанины в Куришавеле отдыхают? А кому-то буханку хлеба не на что купить... Ну с чего-то они же ездят? С чего-то вот у всех яхты есть? (МСБ производственный инновационный, СС).

– Почему несправедливо, если человек работает, он должен много получать, например, я знаю много людей, которые работают, как и я, ну условно, с 8 до 22. И при этом они достаточно неплохо зарабатывают. В то же время есть люди, которые строят дороги, ничего не делают, ездят только на разного рода машинах – вот это несправедливо (МСБ производственный инновационный, ВС).

Эти респонденты допускают существование неравенства в стране, но категорически выступают против крайних его проявлений и всего что «заработано» нечестным путем. Следует отметить, что эта позиция свойственна большинству россиян⁶.

На общем фоне выделяется группа респондентов, которая при обсуждении социальных проблем современной России проявляет немалую солидарность с менее обеспеченными. Это наблюдение удивляет во многом потому, что эти респонденты имеют достаточно высокий социальный статус и уровень доходов, иначе говоря, социальное неравенство непосредственно их не должно в какой-либо мере болезненно за-

⁶ Там же. С. 16–17.

трагивать. Скорее всего, средний класс, особенно верхние его слои, не просто сопереживает менее обеспеченным, но в росте социального расслоения видит угрозу сохранения своего положения:

– Проблемы социального расслоения... Я же говорю, социальное расслоение это такая бомба, которая сидит, сидит и она не видна до поры до времени. Так же как ее в Питере, в Москве до февраля тысяча девятьсот семнадцатого года еще никак не могли увидеть, так же и тут (интеллигенция, СС).

– Потому что есть научно доказанные факты, какое соотношение низших и верхних доходов не вызывает агрессию в обществе. С этой точки зрения, эти цифры давно известны. Мы просто вышли из этих рамок пропорции. У нас сейчас разница в 10-ки раз. Но она должна быть точно до десятка раз. Это вызывает негативные настроения в обществе. Когда люди понимают, что разница в десятки раз, они пессимистично оценивают свои возможности, они считают, что эту разницу они никогда не преодолеют (госслужащий, ВС).

– Если разница в доходах космическая, то меры принимать надо. Так как это создает социальную напряженность, классовую ненависть и раскол в обществе. Когда человек, который имеет высшее образование, всю жизнь трудится и ему не на что купить микроволновку, глаза мозолят машины по 200 000 долларов на Тверской – это не нормально! (МСБ в сфере торговли и услуг, ВС).

Среди противников снижения неравенства в стране можно выделить две основные группы. Одна группа, не очень многочисленная в нашей выборке, объединяет в себя респондентов с сильно выраженными либеральными взглядами. Эти респонденты считают, что дополнительные меры со стороны государства для снижения неравенства только демотивируют россиян больше зарабатывать:

– Ну, я считаю, что раз у нас некоторая форма либерализма, то категории людей, которые не являются там инвалидами, пенсионерами, детьми, то есть все дееспособное население страны, оно своими действиями должно как бы определять свои доходы. Как кто работает, такие и доходы (МСБ производственный инновационный, СС).

– Если человек хочет зарабатывать – он будет зарабатывать, если он не хочет зарабатывать, если он ленивый – он не будет зарабатывать, и зачем сравнивать розу и, там, кактус? ... поэтому это уравнение, оно, мне кажется, ни к чему хорошему не приведет (МСБ производственный инновационный, ВС).

– Каждый по заслугам зарабатывает. Если ты дурак, не учился, не получил образование, зарабатываешь мало, не продвига-

еишься. Ленивых зачем поощрять, если ты лентяй, и не можешь развиваться. Каждый получает по заслугам (интеллигенция, СС).

Другая группа респондентов выступает против снижения неравенства из-за вероятности возникновения возможных негативных последствий, в частности того, что пострадает в первую очередь средний класс, а не наиболее богатые слои населения:

– Потому что здесь произойдет то, что происходит, как правило. Произойдет уменьшение разницы в доходах не между теми людьми, которые, там, составляют (высший класс)... а между теми людьми, которые специалисты и так далее (МСБ производственный инновационный, СС).

– Я не согласна, потому что это радикальный способ, более того, он будет неэффективен, потому что появятся опять подпольные миллионеры, а реально улучшение качества жизни ни у кого не наступит (госслужащий, НС)

– Ведь мы же с вами беседуем не вообще... если иметь в виду Россию, когда правительство принимает меры подобного рода – помните, крылатое слово Черномырдина «хотели как лучше, а получилось как всегда» (интеллигенция, ВС).

Для снижения уровня неравенства в мире используется ряд различных механизмов. Очевидно, что, чтобы снизить уровень неравенства в стране, надо либо создать условия для самостоятельного увеличения населением уровня доходов путем развития малого и среднего предпринимательства, развития частной практики инвестирования своих сбережений, либо перераспределять средства от высших слоев населения к низшим, в частности, в виде различных социальных пособий. На практике во всех странах используются оба механизма, но с различным успехом. С целью снижения уровня неравенства в стране помимо прямой помощи бедным респонденты предлагали предпринять и ряд мер в отношении наиболее состоятельных слоев населения:

– С точки зрения самых богатых – это меры, направленные на стимуляцию не потребления среди самых богатых, среди владельцев бизнеса. А на то, чтобы они эти деньги вкладывали в развитие бизнеса. На то, чтобы, по возможности, они платили налоги. На то, чтобы не выводили эти деньги из страны. Чтобы эти деньги работали в стране (сотрудник крупной компании, СС).

– Надо как-то бороться с той системой, когда политики у нас являются самыми богатыми людьми. Ну, это бред. Безусловно, политик не должен бедствовать, он не должен ходить в рваном костюме 10 лет к ряду. Вот. Но в то же время надо какую-то меру знать (МСБ производственный инновационный, ВС).

– *Надо установить законодательное ограничение размеров доходов на определенных должностях, строго отслеживать расходы и покупки данных лиц и их окружения, на правительственном уровне давать разрешение на выплату определенных бонусов топ-менеджменту и так далее. На самом деле изобретать велосипед совершенно не нужно, все уже придумано до нас и с успехом применяется в Америке и Европе. Достаточно применять известную в экономическом мире стратегию «следования за лидером». И Россия быстро встанет на уровень европейских стран 20–30-летней давности, а это уже будет успех! Однако той самой верхушке это не выгодно и не интересно (МСБ в сфере торговли и услуг, ВС).*

3.2. Налоговая система как механизм перераспределения

Многие респонденты в качестве главного механизма снижения уровня неравенства в стране рассматривали систему налогообложения, а именно, прогрессивную шкалу:

– *С людей, которые зарабатывают меньше, надо брать налоги меньше, да, чем с людей, которые зарабатывают больше. Вот. Но опять-таки в нашей стране как работает эта мера, не знаю, потому что те люди, которые зарабатывают больше, они, скорее всего, как-то сделают так, что они будут меньше зарабатывать ради того, чтобы так много налогов не платить [смеется] (сотрудник крупной компании, СС).*

– *Ну, прежде всего это, конечно, прогрессивная налоговая система (МСБ в сфере торговли и услуг, СС).*

Прогрессивная шкала налогообложения семей в большинстве развитых стран является главным видимым механизмом перераспределения средств от одних слоев населения к другим и снижения тем самым глубины социального неравенства. Именно за счет снижения налоговой нагрузки на низшие слои населения и ее повышения на высокодоходные слои, а также за счет увеличения налоговых поступлений становится возможным смягчение дифференциации доходов населения и повышение величины пособий и других видов социальной помощи населению. Однако, как известно, с 2001 г. на территории нашей страны действует единая ставка подоходного налога в 13%. Тем самым демонстративно государство отказалось от функции налогов по социальному выравниванию, что находится в контрасте с европейской традицией и ситуацией в большинстве стран ЕС. Фактически правительство признало свою неспособность собирать налоги с богатых и предложило им сделку: большая собираемость низкого плоского налога. Для России –

страны с традициями выравнивания – это был достаточно неожиданный подход, но с учетом резкого неравенства 90-х годов – попытка социальной опоры на богатых.

Принятие плоской шкалы предполагало прежде всего отказ от прогрессивного принципа определения подоходного налога, при котором ставка налогообложения растет с ростом совокупного дохода. Такое решение в России было принято в первую очередь с целью повышения собираемости налогов с населения, а именно, с его наиболее высокодоходных групп. Согласно исследованиям, проведенным до введения плоской шкалы, степень уклонения от уплаты подоходного налога возрастала с ростом доходов. Таким образом, основную часть подоходного налога уплачивали низкооплачиваемые слои населения⁷. К настоящему времени ситуация изменилась, но незначительно. Исследование Ю. Городниченко, Мартинез и К. Сабирьяновой Питер показало, что введение плоской шкалы привело к совсем незначительному росту налоговых поступлений⁸. Существуют основания для сомнений в эффективности данного подхода. Однако данная шкала существует уже десятилетие, причем доля подоходного налога в консолидированном бюджете остается низкой (менее 4% от ВВП страны). Минфин в условиях высоких нефтяных доходов не проявляет заинтересованности в повороте своей политики, хотя возможны, видимо, изменения в налогах на недвижимость как разновидности прогрессивного налогообложения. В то же время в среде экспертного сообщества вопрос выбора между плоской и прогрессивной шкалой снова становится популярной темой. Высказываются соображения, что в дальнейшем в России политическая конкуренция может вновь выдвинуть идеи социальной справедливости с целью перехода к прогрессивной шкале, но вероятнее это будет связано не с поддержкой этой идеи населением, а с бюджетными проблемами или электоральной тактикой⁹.

Помимо экономических аспектов выбора между плоской и прогрессивной шкалой есть еще один важный аспект этой проблемы – вопрос легитимности представлений населения о существующих в стране механизмах перераспределения доходов от одних слоев населения к дру-

⁷ Справка БЭА «Реформа налоговой системы: логика и ожидаемые последствия», 20 июня 2000 г. С. 6.

⁸ Gorodnichenko, Yur., Martinez-Vazquez, J., Sabirianova Peter, K. Myth and Reality of Flat Tax Reform: Micro Estimates of Tax Evasion Response and Welfare Effects in Russia // NBER Working Paper 13719. Cambridge, MA 02138, January 2008.

⁹ Григорьев Л.М., Курдин А.А. Интересы и подходы к реформированию подоходного налогообложения. Доклад на XI Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, 2010 г. (в печати).

гим, а именно, о системе налогообложения. В большой мере устойчивость той или иной системы налогов во времени зависит от поддержки населения. До введения плоской шкалы население скорее не поддерживало решение о переходе с прогрессивной шкалы подоходного налога к единой его ставке (см. табл. 1). Это мнение почти не отличалось в зависимости от уровня образования, статуса занятости респондентов и уровня их доходов. В целом, среди населения преобладали негативные оценки, за исключением 4% наиболее обеспеченных людей, которые действительно оценили дополнительный налоговый комфорт (сравнимы с налоговыми гаванями в оффшорах для развитых стран мира)¹⁰.

Таблица 1

Отношение населения к введению единой ставки налога с физических лиц (в % к числу опрошенных, без затруднившихся ответить, по данным всероссийского опроса ВЦИОМ, проведенного 30 июня – 4 июля 2000 года, N=1600)¹¹

	Скорее поддерживают	Скорее не поддерживают
В среднем все взрослое население	34	53
В том числе по уровню образования		
Ниже среднего	27	52
Среднее	38	52
Высшее	38	54
В том числе по уровню семейного денежного дохода		
Нижние 20%	27	54
Средние 48%	34	52
Высокие 20%	38	55
Самые высокие 5%	34	58

Изменилось ли мнение населения России после опыта использования плоской шкалы? Данные опроса Европейского социального исследования 2008 г. показали, что число сторонников плоской шкалы выросло, но не очень значительно (с 34 до 43%)¹². Хотя больший процент населения (48%) поддерживает прогрессивную шкалу налогообложения, но все же разница незначительная. Почти не отличаются от насе-

¹⁰ Красильникова М. Введение «плоской» шкалы подоходного налога и перспективы легализации доходов населения // Научные труды РЕЦЭП, апрель 2001 г. С. 16.

¹¹ Там же. С. 18.

¹² Салмина А.А. Шкала налогообложения как механизм социальной политики государства: предпочтения россиян // Власть, № 7, 2010 г. С. 100.

ления в целом и представления среднего класса. Можно сказать, что в России, как и в большинстве развитых стран, нет явных предпочтений в вопросах выбора той или иной шкалы налогообложения¹³. Даже среди наиболее состоятельных элементов общества видна низкая поддержка плоской шкалы. Во многом это связано с тем, что граждане не пользуются утилитарными рациональными моделями для принятия решений – иначе экономические и социальные науки стали бы «точными». Практически поддержка того или иного экономического закона или нормы регулирования зависит как от личных выгод, так и общественных предпочтений индивида. Более высокий уровень дохода безусловно действует в пользу плоской шкалы, но осознание состояния и потребностей общества сейчас и в будущем может смещать оценки от «инстинкта жадности» к более социально взвешенным оценкам.

Чтобы разобраться в причинах выбора российским средним классом той или иной позиции по вопросам налогообложения, мы включили данную проблему как одну из важных в вопросник для глубинных интервью с представителями среднего класса. Здесь важно повторить, что наша выборка по факту представляет собой опрос позиций преимущественно устойчивых элементов среднего класса, относящихся, видимо, к его ядру или по имущественно-доходным признакам к верхнему и среднему среднему сегментам. В этом плане мы имеем дело с категорией потенциальных сторонников плоской шкалы, поскольку именно они были бы задеты прогрессивным налогообложением. Как это во многом было ясно из анализа политических проблем или проблем экономического кризиса, данная выборка дает возможность заглянуть в логику формирования представлений тех состоятельных групп СК, которые не только пережили кризис, но и в состоянии широко взглянуть на положение дел в стране.

Обсуждение последствий введения прогрессивной шкалы, как правило, выходило за позиции социальной справедливости и учитывало системные последствия (сокрытие налогов). В целом даже признание справедливости прогрессивной шкалы комментируется примерно одинаково:

– Ну, потому что уровень дохода у всех разный, и получается, что для кого-то с большим доходом это будет капля в море, и он не будет даже чувствовать этого налогообложения, а для кого-то почти весь доход будет уходить в налоги (МСБ в сфере торговли и услуг, ВС).

– Потому что кто-то имеет свою, какую-то частную, маленькую лавочку, ремонт обуви, еще что-то, они платят, и кто-то име-

¹³ Там же.

ет огромные предприятия. И конечно, я думаю, все-таки более крупные, более богатые должны больше платить (госслужащий, СС).

– Ну, конечно, начнется еще больший уход от налогов, но, по-моему, это логично, когда чем богачи люди, тем больше они платят (сотрудник крупной компании, СС).

Значительная часть противников плоской шкалы остается в рамках концепции «справедливости», ссылаясь на относительно низкие доходы большей части населения в России:

– Потому что большая разница между крупными собственниками и рядовыми обычными гражданами. Значительно большая часть общества живет на прожиточный минимум или находится за чертой бедности... У нас почему-то сравнивали простых людей с зарплатой 5–8 тыс. рублей с Абрамовичем. И все 13% платят. Я считаю, что это неправильно (МСБ в сфере торговли и услуг, ВС).

– Ну, последняя более подходит для нашей страны, потому что в силу... нашего демократического государства не все одинаково зарабатывают, поэтому я считаю, что несправедливо с каждого брать 13% (МСБ в сфере торговли и услуг, НС).

– Вот допустим, если я зарабатываю 5000 рублей, то 13% с этого, около 500 рублей – для меня это уже много, а для того, кто зарабатывает миллион, и отдает свои 13%, то для него это уже не так много, как для меня 500 рублей (интеллигенция, СС).

– Думаю что прогрессивная, потому что в силу сложившихся обстоятельств люди мало зарабатывают – несправедливо со всех брать 13% (интеллигенция, НС, Самара).

– Прогрессивная. Я считаю, несправедливым то, что в нашей стране налоги одинаковые для всех, а богатые люди, у которых достаток очень большой, они платят так же, как и люди, которые намного меньше получают. Я считаю, что с богатых нужно, чтобы они больше платили налогов, вот так вот (госслужащий, СС, Ростов-на-Дону).

– Богатый зарабатывает миллион и отдает условно 10% налога – это 100 000. Бедный зарабатывает 1000, а отдает 100 рублей. Это 900 рублей. Вот на эти 900 ему, по-моему, гораздо сложнее прожить, чем на 900 000 прожить богатому (сотрудник крупной компании, СС).

В данном случае прогрессивная шкала налогообложения выступает в качестве механизма выравнивания доходов населения в стране – за счет уменьшения налоговой нагрузки на более низкодходные слои населения и повышения для богатых. По мнению ее сторонников, прогрессивная шкала налогообложения является более справедливой кон-

кретно в российских условиях потому, что большинство наиболее состоятельных россиян получают свои доходы от природных ресурсов, ренты, которая досталась им в 90-е годы. Можно отметить, что в вопросе о «справедливости» профессура (интеллигенция) вполне ожидаемым образом ближе к чиновникам, госслужащим, нежели бизнесменам. Одновременно мы видим и естественные признаки «раскола» внутри бизнеса: малый бизнес видит свой доход как трудовой и предпочел бы прогрессивное обложение крупного бизнеса (особенно в российских условиях после приватизации):

– *Прогрессивная, конечно. Почему – потому что у одного 13%, у нас ведь 13% сейчас, бюджетник получает, ну, пусть 10 тыс. и миллиарды, получаемые, причем за счет эксплуатации того, что было создано другими поколениями и то, что качается. То, что от Бога, то принадлежит всем, рента получаемая (интеллигенция, СС).*

– *Если человек сам заработал деньги, я не считаю, что это правильно у него больше брать – он ведь больше работал, исключая, конечно, тех, кто себе нефтяные колонки присвоил, эти скважины, комбинаты себе прихватизировал. Тут я не знаю – это вообще, вообще неправильно. Приватизировать то, что не принадлежит тебе и не может тебе принадлежать (госслужащий, СС).*

– *Как правило, совсем большие заработки связаны с прибылью, которая получается не за счет какой-нибудь предпринимательской идеи, мастерства, а за счет преимуществ конкурентных, полученных с помощью государства, связанных как-либо с ресурсами. Таким образом, это не имеет отношения к умению человека управлять своим бизнесом, а связано с тем, что он удачно в какой-то момент получил доступ к ресурсам. В этом плане государство должно забирать у него больше денег. Поэтому я скорее за прогрессивную систему налогообложения (МСБ в сфере торговли и услуг, СС).*

Также ряд респондентов при объяснении, почему в России должна быть прогрессивная шкала, апеллируют к опыту других стран:

– *Потому что, конечно, во всем мире налогообложение прогрессивное. То есть если ты получаешь больше, налоги получаются выше. Во всем мире это так (МСБ в сфере торговли и услуг, ВС).*

– *Во всем мире, во всех развитых нормально странах – прогрессивная шкала. Я считаю, что это правильно... Нужно пересмотреть налоговую политику... хотя бы применить опыт налогообложения Европы, Америки (сотрудник крупной компании, СС).*

– *Да во всем мире прогрессивная. И у нас, наверное, должна быть прогрессивная (сотрудник крупной компании, ВС).*

– В нашей стране есть определенные слои общества. То есть не нужно проецировать на всех одинаковую ставку данного налога... Берем пример с Европы – чем богаче слой общества либо какая-то каста – тем больше она должна облагаться налогом (сотрудник крупной компании, СС).

Более глубокая мысль о воздействии системы налогов на развитие страны отражает высокий интеллектуальный уровень респондентов. Поэтому видна позиция о том, что прогрессивная шкала за счет снижения неравенства и повышения доходов низших слоев населения должна способствовать развитию российской экономики:

– Нужно в первую очередь опираться на малоимущих, чтобы они вместо того, чтобы платили много налогов, могли делать свой вклад в экономику, чтобы они больше могли тратить на закупку одежды, того, сего, пятого-десятого. Это будет увеличивать оборот, это будет увеличивать спрос на тех же рабочих, сотрудников, которые низкие как специалисты, которые потом со временем будут прогрессировать, возможно. Вот. А так они отдают сюда. Им остается на какой-то мизер... (сотрудник крупной компании, СС).

– В России... гораздо большую часть населения составляют малообеспеченные люди... ни одна страна в мире не поднималась за счет богатеев, потому что их всегда гораздо меньше... богатый человек он не потребляет в любом случае такого количества товаров и услуг, которую потребляет другая часть, да? Возьмем богатых и миллион средних и малоимущих, вот миллион средних и малоимущих делает товарооборот для экономики гораздо больше, чем делает богатый человек. Потому что богатый, он, во-первых, не покупает у всех предприятий (российских, видимо), да? Т.е. это свой круг людей, они живут, они покупают автомобили определенных марок. Они покупают там одежду определенную (сотрудник крупной компании, СС).

Практически все сторонники прогрессивной шкалы не видят никакой трудности в заполнении декларации и готовы тратить на это время:

– Ну, заполняют же на Западе, и никто не помер (интеллигенция, СС).

– Не хотелось бы, но придется, и я считаю это нормально, во всех странах, ничего страшного в этом нет (интеллигенция, ВС).

– Я буду и готова заполнять декларацию, две декларации, три декларации в год, десять в год! [смеется] В общем, мне бояться ничего, и я буду заполнять все и платить, как положено. Но с учетом того, что не я одна такая белая ворона, а, как говорится, спрос

должен быть со всех. Если, образно говоря, Иванову нужно заполнить, а Петрову – нет, то уже возникают вопросы (МСБ производственный инновационный, НС).

Некоторые респонденты высказали пожелание облегчить процесс подачи декларации:

– Все это должно делаться налоговой службой самостоятельно, а не перекладывать это на плечи граждан, законопослушных граждан (госслужащий, СС).

– А если бы все это было в окно или через Интернет, это было бы все проще. Сам факт заполнения – это несложно. Сложность в том, что вот именно куча этих бумажек, куда-то там нужно идти, что-то ты обязан, там очереди, пятое-десятое. Вот это напрягает (МСБ производственный инновационный, СС, Ростов-на-Дону).

– Дело не в том, что тратится время на заполнение декларации, проблема в неправильном заполнении, написание букв, мутная какая-то декларация, ненужные вопросы, которые вечно существуют в нашей документации (сотрудник крупной компании, СС, Самара).

Большинство опрошенных, поддерживающих плоскую шкалу налогообложения, объясняют ее необходимость исходя из представлений о равенстве и демократии:

– Нет, конечно, плоская, просто у кого-то процент, получается, от одной суммы, у кого-то процент от другой суммы. Люди не должны, если они больше проработали, больше получили денег, не должны больше платить налог, это абсурд, я считаю (госслужащий, СС).

– Плоская. (По каким причинам?) Демократия, равенство всех и вся. Вот, по поводу прогрессивной шкалы, там очень тяжело тоже определить, что есть там богатый, бедный человек, соответственно и вот эту пропорцию правильно (определить), ну, невозможно практически. Поэтому справедливость... высока вероятность несправедливости какой-то (госслужащий, СС).

– В общем-то эта так называемая «плоская» система по сути своей является уравнительной, и это хорошо (МСБ в сфере торговли и услуг, СС).

– Вообще, мне больше нравится плоская. Прогрессивная система говорит про что: чем больше ты зарабатываешь, тем это менее желательно. Когда что-то стоит дороже, это значит, что это менее желательно. Это уравниловка (МСБ в сфере торговли и услуг, СС).

Более того, плоская шкала за счет невысокого единого для всех налога «стимулирует людей больше зарабатывать»:

– *Вот если в лоб этот вопрос поставить, то человек, наверное, скажет: «Ну как это так, я зарабатываю больше, а плачу еще больше, ну, то есть смысл зарабатывания денег он теряется, вот эта идея капиталистическая, она как-то здесь не проходит, поэтому получается выгоднее показать меньше доходов и платить меньше налогов (сотрудник крупной компании, СС).*

– *Это демотивирует более талантливых предпринимателей, работников и так далее. Если же он знает, что он всегда будет фиксировано одно и то же отчислять, то он будет знать, что он может неограниченно повышать свое благосостояние (МСБ в сфере торговли и услуг, СС).*

Часть представителей среднего класса при объяснении своей точки зрения приводит в качестве доводов также то, что плоская шкала налогообложения способствует повышению собираемости налогов за счет вывода доходов из тени:

– *Ну, учитывая тягу нашего народа к халяве и желанию обмануть хоть как-то, я думаю, что прогрессивная, опять-таки, приведет к тому, что люди официально будут получать 3000 рублей. Все! Даже если они будут иметь три квартиры, восемь машин, они моментально станут все бедными и несчастными, просто, чтобы не отдавать налоги! ... Ну, к сожалению, если введут эту вот систему (прогрессивную), то просто начнется сплошной мухлом (сотрудник крупной компании, НС).*

– *С учетом ментальности наших людей можно с большой долей вероятности предположить, что при введении прогрессивного налогообложения реально поступления уменьшатся. Мало кто из нас любит добровольно платить налоги, сами знаете, что и сейчас часто официальные суммы доходов занижаются, чтобы уменьшить суммы налогов, а если надо будет больше платить, то в лучшем случае будут официально заявлять доходы на том уровне, где самая низкая ставка (МСБ в сфере торговли и услуг, СС).*

– *Мне кажется, прогрессивная шкала будет меньше собирать, потому что будут больше уводить из процента от налогообложения (МСБ в сфере торговли и услуг, ВС).*

– *В таком случае, если прогрессивная, то чем больше налоги, тем большая часть от них будет уходить в черную зарплату, потому что кто же будет тогда платить. Дело в том, что никто не хочет платить и это нигде не обязательно в нашей стране. Я думаю, это будет продолжение игры с государством, вот и все, собственно говоря, что было и раньше (интеллигенция, СС).*

При обсуждении наиболее правильной шкалы налогообложения удалось обнаружить также ряд «наболевших» проблем, непосредственно затрагивающих российский средний класс, прежде всего МСБ. Поэтому более глубокие рассуждения предпринимателей и менеджеров выходят за пределы плоской шкалы личного налога в более общие проблемы налогообложения. **Респонденты фактически формулируют сложности и недостатки налоговой системы с точки зрения бизнеса и развития страны, а не только «справедливости» или фискального интереса.** Это как раз и является спецификой нашей выборки:

– Разве плоская у нас? По-моему, она регрессивная с ЕСН. Это для Вас 13%, а для меня ЕСН, потому что я плачу 100 рублей человеку и меня очень сильно интересует, дойдет до этого человека 65 рублей, 79 или 83, то есть в конечном счете человек работает за те рубли, которые он в карман положит, а не то, сколько я потратил. Вот, соответственно, ЕСН надо учитывать. То, что он был регрессивным, я это считаю, скорее минус, чем плюс, потому что представьте, если человек мало зарабатывает, то после налогов у него остается еще меньше (МСБ производственный инновационный, СС).

– Вот самое, на самом деле самая большая проблема, это ЕСН, я как вижу, это вообще проблема для бизнеса... вообще единый социальный налог – главная проблема. И от разговора, который сейчас идет о повышении этого налога, у меня, честно говоря, волосы на голове начинают шевелиться. Ну, потому что это безумие абсолютное. Проблемы в механизме, как работает пенсионная система, как работает система здравоохранения, она же отчасти от этих денег формируется... И в этом плане замена страховыми взносами – это правильный шаг, безусловно. Другое дело, что он повлечет за собой, безусловно, увеличение бремени на налогоплательщиков, с одной стороны, а с другой стороны, он не факт, что приведет к тому, что будет более четкое понимание. Если будет по-прежнему это платить работодатель, никакого эффекта мы от этого не получим, с точки зрения конкретного налогоплательщика (интеллигенция, СС).

– Мне кажется, социальных пособий должно быть больше, мне кажется, что Россия должна идти к такой модели, как в Швеции, Швейцарии, отчасти Германия. Вот вопрос о налоговой нагрузке, как ее делить. Мне кажется, это вопрос спорный, мое мнение, мне кажется, надо еще больше, как говорится, нагрузку на эксплуатацию природных ресурсов, раз уж эксплуатируем, то пусть будет доступно народу. Ну, вот, нужно вывести из-под налогов, во-первых, малый бизнес, чтобы не было злоупотреблений, чтобы, как говорит-

ся, малый, инновационный бизнес, дать им налоговые каникулы, чтобы, как говорится, никто не смел злоупотреблять этими возможностями (сотрудник крупной компании, СС).

– Мне кажется, что налоговое бремя в нашей стране – достаточно большое. Не из-за подоходного налога, а из НДС-ов, там, и налогов на прибыль и т.д. и т.п. И более того – у нас достаточно запутанная в самом деле система налогообложения. А вот небольшие предприятия с оборотом там до миллиона рублей, они, мне кажется, вообще должны застыдиться – просто сразу. Даже вот эта упрощенная система налогообложения – подразумевает достаточно сложную отчетность. При этом не нарушить законодательство – достаточно тяжело. У государства – миллион рычагов к тому, чтобы делать всяческие проверки. Вот. И сдирать с людей деньги за нарушения. Мороки с кассовыми аппаратами – то есть как бы... В общем с коммерцией и торговлей – у нас достаточно тяжело все. Потому что... это наследие советской эпохи (МСБ производственный инновационный, ВС).

– Я считаю, что у нас немного неправильно это преподносят. Если, например, посчитать налог 13%, он небольшой, но если посчитать налоги, которые выплачивает работодатель с зарплаты работника, это ведь тоже опосредованно. Налог, который фактически как бы идет в уменьшение зарплаты, потому что этот налог платится работодателем, это единый социальный налог, но он платится именно с заработной платы работника, то есть как бы красивая у нас есть такая оболочка, что у нас всего 13% удерживается с человека, но за каждого работающего с работодателем еще 24% дерут, отсюда 24 плюс 13, это уже сколько получается – 27. То есть это немало, это уже немало. То есть у нас очень много налогов, не прямых, а косвенных налогов, которые мы сами выплачиваем, то есть если это автомашина, то у него есть налог на транспортное средство, если мы покупаем бензин, то мы оплачиваем налоги, которые есть в этом бензине, это акцизы, на водку они тоже есть, на дизельное топливо они тоже есть, эти акцизы. То есть у нас очень много опосредованных налогов, которые непосредственно человек платит... Даже вот акционер, дивиденды, которые он с предприятия получает как акционер, он все равно платит, 10% с этих дивидендов, хотя с них уже давно все налоги оплачены, это уже очищенные деньги, это уже чистая прибыль предприятия. Но если человек получает этот доход по акциям своего предприятия, то он еще платит, еще 9% после того, как он уже все налоги заплатил (МСБ производственный инновационный, ВС).

Социальное недоверие проявилось в позиции респондентов-консерваторов, для которых важна стабильность, в том числе и в вопросах налогообложения. Особенно много их оказалось в регионах. Определяющим фактором в выборе этой группы респондентов является предпочтение привычного и страх перед переменами:

– *Вот я считаю, вот как есть, пусть так оно пока и будет. (Почему Вы так считаете?) Ну, потому что мне другого... может быть, неизвестно... потому что стабильность все же хоть какая-то, хоть в этом. А то опять все поменяют, опять все будет неизвестно (МСБ производственный инновационный, НС).*

– *Плоская, где 13%. Ну как бы это уже принято такое. И мы пользуемся этим, и другого не хотелось бы (госслужащий, СС, Самара).*

– *Я думаю, плоская. Не знаю, привыкли к плоской, все равны между собой (сотрудник крупной компании, СС, Ростов-на-Дону).*

– *Наверное, плоская. А потому что я не люблю каких-либо изменений. Пусть такая будет (сотрудник крупной компании, НС, Самара).*

На общем фоне особенно выделяется группа респондентов, которые занимают неоднозначную позицию. Для них прогрессивная шкала налогообложения является наиболее правильной, но при этом они считают, что Россия еще не готова перейти к этой шкале:

– *Поскольку у нас теневой оборот финансовых средств сопоставим с госбюджетом, то в принципе самая главная задача – вывести доходы из теневого оборота. С этих позиций, наверное, ПОКА ЧТО, нужно оставить плоскую шкалу. А в дальнейшем я не исключаю прогрессивную (МСБ в сфере торговли и услуг, НС).*

– *Ну, я бы в российских условиях еще лет на 10 оставил бы существующий порядок вещей. Это стимулирует развитие бизнеса и экономики, я бы даже не увеличивал бы отчисления, увеличение которых произошло. (А затем Вы бы поддержали прогрессивную шкалу, после того как все нормализуется?) Прогрессивная шкала это да, вполне нормальный инструмент (интеллигенция, СС).*

– *Ну, здесь вопрос того, с какого момента наступает этот прогрессивный налог. Наверное, лучше пока что плоская система. (А с какого момента можно было бы вводить прогрессивную?) Ну, когда жизнь станет лучше. Когда будет с чего платить его (МСБ производственный инновационный, СС).*

– *Сейчас плоская. Прогрессивная ближайшие десятилетия она быть не должна... Когда есть геп, разрыв между одной ситуацией и другой, его будут обязательно использовать. То есть психология*

так работает. Если будет возможность заплатить меньше, будут платить меньше... Схема тут очень простая (госслужащий, ВС).

Эту группу респондентов объединяет **общее недоверие к государству**, к тому, как оно распоряжается финансовыми ресурсами:

– В Америке, например, в Калифорнии, 35% налог на доходы физических лиц. Это много. А с другой стороны, понятно, что у нас разрыв между богатыми и бедными существенно больше, чем в Европе и в Америке и, по идее, богатые, конечно, должны платить больше налогов, с точки зрения общества, социальной справедливости. Вот. Но опять-таки, поскольку у нас совершенно не прозрачно устроена система распределения этих налогов, то я, вообще, тоже понимаю богатых людей, которые не хотят платить больше, потому что не знают, на что эти деньги тратятся (сотрудник крупной компании, ВС).

– Просто при нынешней коррупции, при нынешней отсталой информативной системе проще будет переписывать часть доходов на родственников, поэтому, действительно, плоская. Я сам бы это делал, если бы, допустим, прогрессивная. Я считаю, что государство не заслуживает того, чтобы платить там до 50–60% налогов, как в Англии. Просто это неинтересно, раз я рискую, тогда мне интереснее просто сидеть на диване и ничего не делать (МСБ в сфере торговли и услуг, ВС).

– Зрелость системы еще не такая высокая, чтобы вводить прогрессивный налог... Если зарплата была бы пропорционально увеличена, то в целом ситуация не поменялась бы для меня, но если речь идет о сокращении заработка и увеличении процентов, то я на это отрицательно смотрю, потому что я не уверен, что эти деньги будут использоваться туда, куда нам обещают (сотрудник крупной компании, СС).

Чтобы можно было ввести прогрессивную шкалу, необходимо, чтобы были соответствующие условия в стране:

1) Чтобы не было возможности уклоняться от налогообложения и вводить доходы в тень:

– Может быть, увеличивать их и не стоит, их просто нужно платить, контролировать сбор (сотрудник крупной компании, СС).

– Это связано с тем, что наша культура платить налоги, она воспитываться должна поколениями, возможно жесткими мерами, как на Западе. Люди должны понимать, что они не откупятся, они сядут в тюрьму. И это чтобы, как поговорка «Смерть и налоги неизбежны», у нас же этого нет. У нас слишком легкие были

90-е, чтобы платить налоги, и вот прямо так резко сейчас ввести, и при этом знать, что вот этот парень не платит, он откупился... поэтому, наверное, надо постепенно, не сейчас. А сейчас пусть хотя бы все начнут платить и будет плоская система (МСБ в сфере торговли и услуг, ВС).

Решению предыдущей задачи, по мнению представителей среднего класса, отчасти может способствовать совершенствование механизма налогообложения. Так, один из респондентов предлагает следующую меру: *«Я считаю, что в принципе налог на доходы можно будет совместить с налогом на расходы: человек купил дорогую яхту и с покупки должен налог заплатить – в этом случае каждый будет задумываться, что ему покупать, яхту или моторную лодку»* (сотрудник крупной компании, СС).

2) Надо сделать прозрачным механизм распределения и расходования средств:

– По большому счету, опять-таки, проблема именно в прозрачности, на самом деле. И вот никто...и вот спросите кого угодно, да и меня тоже. Вот я конкретно плачу, вот именно не то, что с меня работодатель отчисляет... Вот я конкретно плачу транспортный налог за свой автомобиль, каждый год, это определенная сумма. На что тратятся эти деньги? Я плачу ежемесячно тринадцать процентов налог на доходы... на мои доходы, на доход физического лица: вот куда конкретно эти деньги идут? На что они идут? С кого я могу спросить, в конечном счете: куда конкретно? Я знаю, да, вот эти вот бюджетные распределения, куда, что зачисляется. Транспортный налог, как раз он, по-моему, региональный, чуть ли даже не местный, но все равно, в конечном счете, я должен понимать, на что оно идет. Грубо говоря, в конечном счете, мы все должны понимать, что если я плачу такой-то налог, из моих денег какая-то доля идет, условно говоря, в систему здравоохранения, на образование, на еще что-то, в том числе и на субсидии (интеллигенция, НС).

– Я считаю, здесь более рационально должны использоваться налоги и нужно знать, опять же, кто их использует, должен быть отчет по использованию этих налогов. Можно и пятьдесят процентов сделать налог, да только для кого это будет лучше? (госслужащий, СС).

– Я думаю, что у нас у государства очень важная есть проблема – это научиться экономить расходы (интеллигенция, СС).

– А для меня это совершенно непрозрачная ситуация. Я совершенно не понимаю, каким образом мои налоги влияют на какие-то

социальные... и каким образом налоги финансируют какие-то социальные программы? Вот. Как бы я плачу довольно много налогов. Мне было бы интересно – на что, конкретно, идут мои деньги? А у меня нет гарантии, что мои налоги тратятся именно на пенсии, а не на строительство, не знаю, ненужного где-нибудь... Непонятно в чьих интересах. Посему я скорее против увеличения налогов, не понимая, на что они конкретно тратятся. При этом они все равно растут и меня никто не спрашивает (сотрудник крупной компании, ВС).

– Увеличивать налоговое бремя – оно и так у нас не минимальное. Другое дело, что по некоторым позициям не собираем все 100%, прежде всего нет понимания, куда эти налоги идут. Потому что вот я плачу налог на машину, и его увеличивают. Например, в прошлом году я заплатил 13000 рублей, я считаю, что это приличные деньги. В этом году это должно увеличиваться, что-то порядка 50000. Причем я не считаю, что разрушил дорогу на 50000. И в то же время я знаю людей, которые занимаются строительством – живут в шикарных домах, ездят на шикарных машинах. Почему я должен платить за то, что они, условно говоря, балдеют, никакой пользы не принося? Это неправильно... Только когда будет понимание того, как и куда государство их направляет... я не против пенсионерам помогать, строить дороги, дома, студентов поддерживать, в конце концов. Но пока этого понимания просто нет, и такое ощущение, что в будущем оно вряд ли появится. Потому что слишком большое количество товарищей, которые около этого греются (МСБ производственный инновационный, ВС).

– То есть вопрос-то в эффективности использования денежных средств, да? Научитесь тратить деньги! **Государство научится тратить деньги эффективно – ему понадобится больше денег – ему с удовольствием дадут.** Если ты умеешь тратить деньги так, что из денег становится еще больше денег. Не хочется давать денег.... Хотелось бы эффективных проектов... В Москве ведутся споры, сколько должно стоить четвертое транспортное кольцо? И – или – сколько стоит олимпиада и почему это самый дорогой проект в мире – ну что-то такое... Как раз вопрос о том, насколько эффективно наше государство тратит эти деньги. Или вопрос стоимости жилья – в Москве или регионах. У нас стоимость материалов дешевле, чем в мире. Стоимость рабочей силы дешевле, чем в Европе. А стоимость квадратного метра – выше. Из чего тогда складывается себестоимость квадратного метра? Видимо, из жадности чиновника – людей системообразующих. Как бы сейчас эти проблемы остро стоят перед руководством стра-

ны, потому что население вымирает по сути. И мы пополняем население за счет приезжих из регионов. Но так делают многие развитые страны. Там, например, Франция, Англия, Америка...? Они позволяют себе брать высококвалифицированных иммигрантов. У них есть требования, да, а мы берем не высококвалифицированных иммигрантов. А так чего? Наверное, в этом и отличие. То есть мы не лучший генофонд, наверное, забираем. Хотя и не самый плохой, наверное, там достаточно трудолюбивые люди. Возможно, получится какой-то синергетический эффект. Вот так вот. (Соответственно, платить больше налогов в нынешней ситуации вы не согласны?) Мне кажется, у нас не особо много выбора. Когда государству нужны деньги – они их забирают. Всегда. Просто хотелось, чтобы оно тратило их эффективно... У любого чиновника уже давно полно всего – они детей за границу уже отправили учиться. На что им еще денег? Они, мне кажется, и так не плохо живут (МСБ производственный инновационный, ВС).

– Мне кажется, у государства и так достаточно денег. Только они нерационально используются. Повысят налоги – опять эти деньги уйдут неизвестно куда. Нет такого отчета, за каждую копейку никто не отчитывается. Поэтому, я считаю, это бессмысленно (МСБ производственный инновационный, ВС).

– То есть, вообще-то говоря, я должен сам понимать, что если я выплачиваю со своей зарплаты, там, три процента... это идет на развитие поликлиник в моем городе. Есть такая связь? Нет такой связи... нет прозрачности. И, в конечном счете, должно быть это понятно. Если это будет понятно, это будет шаг к тому, чтобы восстанавливать доверие между населением и правящей верхушкой и к тому, чтобы обязательно соблюдался принцип налогоплательщика, чтобы все, что мы отдаем из своей зарплаты, что это мы даем на что-то конкретное. И перед нами стоит задача, вообще-то говоря... (интеллигенция, СС).

Представители среднего класса также предлагают альтернативные меры повышения собираемости налогов, в том числе:

– Налоги нужно увеличивать вот там, на таможенные пошлины, на экспорт и импорт, на то, что наши миллиардеры делают. Почему в кризис они стали богаче, именно по этой причине, что не та налоговая политика в стране, не та, неправильная (госслужащий, ВС).

– Я считаю, нет. Пока у нас есть природные ресурсы, пока у нас, я считаю, большая часть страны беднейшая, то душить налогами простой народ, а душат всегда простых людей, вот, в отли-

чие от миллиардеров, ведь в прошлом году в два раза увеличилось количество миллиардеров, вроде кризис, работы нет, а миллиардеров стало в два раза больше. Душить налогами надо олигархов и всех-всех-всех такого типа. Простого человека, у него на квартплату денег нет, поднимать налог еще на что-то, я считаю это «зверством от государства» (МСБ в сфере торговли и услуг, ВС).

При введении прогрессивной шкалы налогообложения очевидно, что среднему классу, особенно его верхнему слою, придется платить больший процент налогов, чем сейчас. Нижние слои среднего класса готовы платить больший процент, но только при более высоком уровне доходов (*«но если был бы доход, который позволяет отдавать большую часть налогов и люди бы знали, на что это пойдет. Возможно, получилось бы!»*). **Наиболее состоятельные его слои готовы платить больший налог при условии, что они будут знать, на какие цели идут их деньги, выплаченные в виде налогов, и видеть конечный результат:**

– В принципе, готов (платить больший процент налогов), если я буду видеть отдачу от этого. Если реально увижу отдачу, а не латание дыр каких-то и под постройку дач, там, каких-то наших слуг народа, вот, то да (МСБ производственный инновационный, ВС).

– Эти деньги пойдут в карман кому-нибудь в очередной раз, потому что, как раз говоря о прозрачности – я не могу проконтролировать, ну лично я не могу проконтролировать, куда денутся эти деньги – и я скажу – нет. Я не готов платить больше налогов (сотрудник крупной компании, СС).

– То есть если бы я просто видел, что да, я плачу налоги, но при этом я езжу по хорошим дорогам, у меня есть возможность купить какое-то более-менее дешевое жилье, и так далее. Конечно, я налоги платил бы с удовольствием все, и работодателя искал бы, который зарплату предлагал бы полностью белую, но в такой ситуации как нынешняя, ну, это сложно, и надо как-то людей заинтересовать. А просто увеличивать налоговые ставки, мне кажется, это тупиковый случай (сотрудник крупной компании, ВС).

– Смогу ли я это вытерпеть, если налоги будут увеличены – думаю, да. А так, возвращаемся к прежнему вопросу – если будут приняты какие-то программы, которые я сочту полезными, то вполне возможно, что я положительно отнесусь к тому, что на это будут увеличены налоги. Если какие-то программы, которые мне кажутся не полезными? Или как вариант – полезные программы, до которых не доходят деньги, потому что разворачиваются на полдороге. В этом случае налоги идут без пользы (сотрудник крупной компании, СС).

– Готов (платить большие налогов) – но если буду уверен в том, о чем только что говорил – что эти деньги пойдут не в карманы тех чиновников, кто ими распоряжается, а на конкретные социальные нужды... при условии, что система распределения этих налогов на социальные нужды будет абсолютно прозрачна... Во многих странах половина доходов работающих уходит на налоги, но при этом они абсолютно уверены, что эти деньги будут распределены именно туда, куда они предназначены – на медицинское обеспечение, на образование, на охрану правопорядка (МСБ в сфере торговли и услуг, СС).

Эта часть среднего класса была бы готова платить больший процент налогов, но только при условии прозрачного механизма распределения средств в экономике, чтобы было известно, на что пошли их деньги, и чтобы они доходили до конечной цели, а не оставались в руках коррупционеров и чиновников.

Главной причиной такого низкого доверия к государству, по всей видимости, является отстранение населения от процессов выработки, принятия и реализации решений, связанных с формированием бюджетных приоритетов на федеральном и местном уровне. Люди пока не видят заинтересованности законодательной и исполнительной власти в том, чтобы принять в этой сфере те законы, которые соответствуют интересам большинства населения страны. Это еще раз подчеркивает важность изучения и своевременного учета мнения населения в процессе дальнейшего реформирования системы налогообложения. Что касается предпочтений россиян в отношении выбора наиболее правильной шкалы налогообложения, то в данном случае вопрос, главным образом, заключается не в том – стоит ли России переходить сейчас от плоской шкалы к прогрессивной. По нашему мнению, прогрессивный налог, действительно, является не столько более социально справедливым, сколько, предполагает применение дополнительных механизмов учета доходов населения, не позволяющих уводить их «в тень», а также решение проблемы коррупции и повышения прозрачности перераспределения средств в экономике.

Материалы нашего исследования дают существенную пищу для размышлений об отношении состоятельных слоев среднего класса к важным параметрам социальной среды в России после двух десятилетий трансформации. Очевидно, и об этом свидетельствуют данные других опросов, в России существует запрос на уменьшение крайних проявлений неравенств в стране. Прогрессивная шкала, как и в большинстве развитых западных стран, могла бы быть важным инструментом решения этой проблемы. Судя по запросам среднего класса, на развитие которого делает большую ставку наше правительство, **в случае ее вве-**

дения, она не должна мешать увеличению среднего класса. Иначе говоря, граница резкого повышения ставки по доходам должна находиться где-то между верхним средним и высшим классом.

Но в целом вопрос «плоская или прогрессивная шкала?» – это скорее повод для рассуждений, чем проблема в данный момент в 2010 г. В реакции респондентов (при малой выборке) видна несколько большая тяга к справедливости со стороны «профессуры» и понимание долгосрочных социальных последствий острого неравенства в России. Представители среднего класса – плательщики налогов из бизнеса – практически поставили главную проблему – недоверие к характеру использования налогов государством. Готовность платить налоги (в том числе более высокие) бизнесом фактически обусловлена «другой справедливостью» – не перераспределенческой, а справедливостью в использовании налогов – эффективностью, прозрачностью использования налогов.

4. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС ГЛАЗАМИ СРЕДНЕГО КЛАССА

Кризис и вообще любые социальные потрясения обычно наносят удар по авторитету власти и доверию к ней. В зависимости от действий правительства и прочих внешних обстоятельств (впрочем, для общества не столь важно – кто в них виноват) каждое такое испытание приводит либо к укреплению легитимности действующей власти, либо к ее ослаблению. Соответствующие социологические опросы говорят нам скорее о втором сценарии. По данным ежегодного социологического исследования Edelman Trust Barometer 2010 за 2009 г., доверие россиян к власти снизилось на 10% (до 38%). В то же время в большинстве западных стран доверие в кризисный год выросло. Так, в США уровень доверия к власти увеличился на 16% (до 46%), во Франции – на 9% (до 43%), в Индии – на 1% (до 43%).

Для исследователя представляет повышенный интерес не только количественная оценка изменения настроений в обществе вследствие кризиса, но и сама логика аргументации своей позиции населением – чем оно недоволено, какие проблемы для него наиболее болезненны и какой выход видит из этой ситуации. Исследование показало, что повод для недовольства заключается не только в общем снижении уровня доходов, росте безработицы и прочих проблемах. Круг проблем гораздо шире и глубже.

Следует еще раз напомнить об особенностях нашей выборки. Во-первых, за малым исключением уволенных, но быстро нашедших новую работу или начавших бизнес в кризис, в нашей выборке преимущественно устойчивые элементы среднего класса. Это накладывает определенные рамки на содержательную интерпретацию результатов исследования. Характер реальной аудитории опроса дает возможность не столько оценить тяжесть кризиса для среднего класса вообще, сколько тяжесть кризиса глазами «выживших в кризис».

Во-вторых, нужно учитывать и временные рамки. Опрос проходил весной 2010 г. до пожаров лета 2010 г. Основной удар кризиса прошел, и ситуация в стране стала улучшаться, причем уровень оценок СМИ был довольно оптимистичный. Соответственно, основной психологический шок от кризиса также уже прошел. Хотя население в целом все еще испытывает тяжелые последствия кризиса (например, в моногородах), но в то же время часть среднего класса за это время смогла при-

способиться к последствиям кризиса, осмыслить происходящее и сделать соответствующие выводы, в том числе по эффективности предпринятых правительством мер по борьбе с кризисом.

4.1. Структурные проблемы

В ходе интервью респондентам предлагалось оценить ситуацию в стране в настоящее время и назвать проблемы, которые кризис усилил или ослабил. Респонденты упомянули очень широкий круг проблем, о которых они знают, частично в силу своей профессиональной деятельности, частично – из СМИ. Сразу же можно отметить довольно высокую информированность российского среднего класса и довольно четкую обоснованную позицию по ряду вопросов. Практически все респонденты с большой готовностью отвечали на вопросы, связанные с кризисом, умело аргументировали свою точку зрения, что говорит нам о том, что средний класс очень интенсивно интересуется внутренней жизнью страны, читает газеты, смотрит соответствующие телевизионные программы.

В данном случае респонденты выступают как «эксперты». Пытаясь дать экспертную объективную оценку, они местами даже повторяют стандартные клише из СМИ и оценок профессиональных экономистов, но в целом эта информация тщательно обдумана и пропущена через фильтр собственных взглядов и предпочтений, в том числе политических. Средний класс, как класс «думающий», особенно верхние его слои, всему дает свою личностную оценку и интерпретацию.

Респонденты представляют себе проблемы страны намного шире, чем предположительно должны бы частные лица – уровень образования и информированности представителей верхнего среднего класса очень высок и в целом они весьма уверены в своих оценках и вполне ясно их артикулируют. Среди проблем, которые усилились в кризис, респонденты наравне с социальными называли макроэкономические и структурные проблемы экономики, например нестабильность национальной валюты:

– конечно же, проблема нестабильности нашей национальной валюты... население нашей страны не доверяет рублю, все вклады держат только в иностранной валюте, и, естественно, все теперь зависит от курса (госслужащий, НС).

– мне кажется, самая большая проблема это страх того, что все три валюты будут обесценены – и доллар, и евро, и рубль (сотрудник крупной компании, ВС).

– проблемы оттока российского капитала за границу усилились с самого начала кризиса (сотрудник крупной компании, СС).

Больше всего респондентов упомянули проблему монополизации и структурных диспропорций в экономике. Причем на эту проблему указывали все группы среднего класса, в том числе и госслужащие:

– Кризис усилил в экономике структурные проблемы. Т.е. он обнажил невозможность дальше существовать государству без развития сырьевой экономики (интеллигенция, СС).

– Для того чтобы действительно возникло понимание того, что данная экономическая модель, которая в России развивалась, связанная с зависимостью от нефтегазовых, вот этих всех ресурсов, да, она не эффективна, она тупиковая, неустойчивая... кризис так ничему и не научил, несмотря что в период кризиса об этом очень много говорилось и многие решения все равно с точностью до наоборот... буквально за полгода до кризиса говорилось о том, что невозможно вкладывать в реальный сектор, потому что будет инфляция и этого ничего не делать, лучше жить на этих процентах. А во время кризиса опять-таки те же лица стали говорить, что нужно срочно поднимать реальный сектор и хватить жить за счет трубы... сейчас опять, когда выросли цены на нефть, то мы видим, что по большому-то счету ничего не изменилось и мы ждем очередного обвала (интеллигенция, ВС).

– Кризис показал неэффективность нашего, вообще, хозяйства и отсталость нашей технологии (госслужащий, ВС).

– В двух словах, мы сидим на сырьевой игле, о которой только ленивый не говорит. У нас стоят заводы, фактически у нас не вкладывались последние десять или даже двадцать лет в средства производства, в усовершенствование производства... и потому мы потерпели, что должны были, пришли к тому, к чему пришли. У нас абсолютно вся продукция, которая никому, даже собственному населению не нужна. Мы кроме ракет и вооруженки ничего делать-то и не умеем для собственного народа, для собственного... не говоря уже на экспорт куда-то чего-то. Вот и все мы кроме нефти ничего не выдаем, с нами никто не считается, а крестьянство уже умерло, мы его убили и так далее (госслужащий, ВС).

– Показал, что у нас ресурсная экономика. И если падают цены на нефть, то у государства начинается кризис (сотрудник крупной компании, СС).

– Нельзя на игле сидеть долго – это наша главная проблема. У нас нет, по большому счету, нормального промышленного производства. Мы как сидели десять лет назад на нефти и газе, так и сейчас сидим на этих самых двух иглах. Но кризис показывает, что так продолжаться не может. Это, слава Богу, что у нас был стабильционный фонд, а если бы его не было, как в девяносто вось-

мом году... И что? Опять девяносто восемь? (сотрудник крупной компании, СС).

– Ситуация довольно сложная не только из-за того, что из-за экономического кризиса цены упали, но и, например, в силу того, что у нас ресурсами распоряжаются в основном монопольным образом. Эффективность использования этих ресурсов довольно низкая. Отсюда довольно активная пропаганда там какой-то инвестиционности в экономику, там попытка построить силиконовую долину в Сколково ударными темпами. То есть попытки диверсифицировать экономику. Но это вещи, которые не делаются по указу президента и тем более не делаются быстро. Это проблема очень серьезная. В том смысле, что Советский Союз развалился быстро, потому что упали цены на нефть и перестало быть возможным финансирование громадных расходов на социалку и на армию. То есть теоретически, Россия тоже может развалиться, если мы не найдем какую-то альтернативу источников денег, которые до сих пор нас кормили. И кризис это усугубил (сотрудник крупной компании, ВС).

– Отсутствие (уже) стабфонда, проблема страны, я думаю, наша конкретная. Сейчас, надеюсь, быть может, начнут очищать нефть у нас (МСБ торговый, СС).

– В принципе, все не очень здорово. У нас уменьшается промышленное производство. У нас не происходит диверсификация экономики. У нас основная отрасль – это ресурсно-добывающая. Если смотреть на тренды, то ничего хорошего там нет (МСБ торговый, СС).

– Это проблемы власти и вообще все проблемы, связанные с отставанием, с отсутствием конкуренции, с сырьевой экономикой... Просто до этого можно было скрывать это доходами от нефти, а в острый момент кризиса это было делать невозможно. На самом деле мы яркие заложники «голландской болезни». Сейчас просто они все себя более-менее хорошо чувствуют по одной простой причине: нефть стоит столько же, сколько их устраивает (МСБ инновационный производственный, ВС).

Выход из сложившейся кризисной ситуации образованный средний класс видит в развитии и диверсификации экономики:

– Естественно, что все сверхмонополисты, которые гонят все эти плиты сами, естественно, этого не допускают. А это никаким рынком не сделаешь, это можно сделать только политическим решением: попался на этом – в тюрьму и к стенке. Допустим, те же продовольственные продукты – вот уже все москвичи, более-менее самостоятельные уже ничего заграничного не покупают.

Почему это не сделать по всей стране, если Лужков это смог сделать? Допустим, это будет стоить не сто рублей, а семьдесят. То есть, для этого нужна политическая воля, это не идеология, потому что все страны, которые начинают успешно развиваться, они именно так делают (интеллигенция, ВС).

– Надо развивать внутренний рынок... Беда наша в сверхмонополизации. Вот, масса дешевых проектов, можно сделать реально дешевые жилые дома, особенно южнее, допустим, Рязани, Липецка, квадратный метр которых вместе с коммуникациями будет стоить триста, четыреста долларов. Который будет стоять там по пятьдесят, шестьдесят лет, а если хорошо за ним следить, то вообще вечно (интеллигенция, СС).

Внимание респондентов к проблемам монополизма в экономике страны предполагает как информированность, так и знакомство с важнейшими принципами рыночной экономики. **Характер ответов означает, что даже по данным сложным проблемам у властей есть критически настроенные слои среднего класса, которые в состоянии вести диалог по экономическим проблемам в рамках обычного политического процесса, а не только «идеологического патернализма».**

4.2. Тяжесть кризиса

Довольно сильно дают о себе знать социальные проблемы, такие как рост безработицы (*«это дало право работодателям увольнять людей просто пачками. Хотя в этом не было никакой необходимости... работодатели не несут ответственности перед своими работниками. И это стало очень ощутимо и заметно»* (МСБ торговый, НС), падение доходов и снижение потребления (*«периодически меньше выезжать отдыхать стали люди, как-то они стараются оставить про запас, а вдруг, что случится, вдруг я потеряю работу»* (госслужащий, СС); *«очень сильно упала платежеспособность людей, это даже многие заметили, кто держит магазинчики, как мы. Например, какой-то не самый-самый дорогой сегмент, а такой средний сегмент одежды и очень сильно просел. Тот именно средний класс, который существовал до начала кризиса и который у них очень активно покупал, вмиг перестал существовать, то есть не полностью, но часть его куда-то делась резко. И люди стали переходить на какой-то дешевый сегмент одежды»* (МСБ торговый, СС), рост цен и коммунальных платежей (*«безусловно, повысилась безработица, естественно, я думаю, что инфляция. На мой взгляд, всю эту кризисную ситуацию осложняют повышением государственных тарифов на оплату транспорта, коммунальных услуг, а это как бы не известно, с чем связано. Кризис, не кри-*

зис, но это ухудшает положение» (интеллигенция, СС). При этом практически все респонденты об этом говорили в контексте проблемы социального расслоения:

– Ну, наверное, в первую очередь усилил проблему, как раз, взаимодействия некоторых слоев населения. То есть у нас появилось очень много, ну прям мгновенно, малоимущих. Но в то же время буквально недавно были опубликованы отчеты, наши замечательные олигархи как минимум удвоили свое состояние. Вот особенно, когда многие попали с различными кредитами и ипотеками и тем более лишились зарплаты, а их руководители продолжают строить себе особняки и публиковать свои финансовые отчеты о благополучии, то это очень остро сказывается... (сотрудник крупной компании, СС).

– Проблемы бедности, бедности в богатой стране (интеллигенция, ВС).

– Покупательская способность бедных слоев населения сократилась намного больше, чем у богатых (госслужащий, СС).

– Ощущение еще более явное стало – что никто никому не нужен, никто ни о ком не заботится, решайте свои проблемы сами. Хотя говорят – выделили то, выделили се. Но вот что касается круга моих знакомых – никому ничего не выделили, никто ничего не получил, все решали сами. Пропасть еще больше образовалась между людьми, которые могут себе позволить значительно больше, чем остальные, и бедными (госслужащий, СС).

– Возросла пропасть между богатыми и бедными (МСБ производственный инновационный, ВС).

– Усилились проблемы занятости людей, потому что пострадали простые рабочие люди, которых уволили с работы, якобы потому, что нет денег у государства. но, еще раз говорю, богатые разбогатели, банкиры разбогатели, а бедные обеднели, и, кроме того, еще и потеряли рабочие места (МСБ торговый, НС).

– Ходила шутка, что кризис принес на Рублевку облегчение, теперь наконец-то можно взять Ламборджини без очереди (МСБ в сфере услуг, СС).

Что касается протестного потенциала из-за кризиса и роста социального расслоения – средний класс несмотря на общее недовольство положением вещей в стране, проявляет довольно слабую политическую активность (см. глава 2) и в ближайшей перспективе вряд ли будет готов выйти на улицы и открыто заявлять о своих интересах. Российский средний класс хочет сохранить свое положение и увеличивать потребление, ему не нужны революции. Но при этом есть некоторые опасения относительно возможности возникновения социальных волнений и забастовок:

– С одной стороны, государство держится за свою кубышку, продолжая оплачивать социальные программы. Но если кризис будет продолжаться, и доходы у государства не возрастут, то кубышка закончится, и нас могут ждать просто социальные потрясения. Люди привыкли к определенному уровню пенсий, условно бесплатной медицине и так далее. Если всего этого лишиться, а это стоит денег. А если денег нет, то из чего платить? То возможны всякие, довольно бурные социальные потрясения... Соответственно, в условиях кризиса... народ почувствовал, что жрать нечего, государство взамен ничего предложить не может, поскольку у него самого денег стало меньше, потому что экспорт ресурсов снизился. И социальный договор, так сказать, стал довольно хрупким. И это привело, на мой взгляд, к росту активности населения, что, в общем, довольно заметно в последнее время. То есть в этом можно увидеть некую либерализацию тому, что у нас происходит (сотрудник крупной компании, ВС).

– Я не знаю, кто говорит, что кризис прошел. Не далее как месяц народ в Калининграде народ вышел на 12 тысячный митинг против губернатора от Единой России. На 26% повысили они коммунальные платежи, и после этого народ вышел бастовать. По оценкам статистических источников за год количество людей, готовых выйти на митинг увеличилось с 20 до 30% (МСБ производственный инновационный, ВС).

– Но по крайней мере какие-то процессы, которые происходят в том числе и в Калининграде, какие-то протесты и вот эта параллельно накладывающаяся не реформа, а прирост тарифов ЖКХ, все это может очень нехорошо сказаться на нашей власти (интеллигенция, СС).

– В последнее время протестность выросла. Сейчас даже на федеральных каналах обсуждаются какие-то проблемы – за полночь там обычно, но все равно, что показательно. То есть какая-то дискуссия общества началась по этому поводу. И понятно, что для власти это вынужденная мера, в том смысле, что надо давать..., вернее, приподнять крышку немного и пар спускать (сотрудник крупной компании, ВС).

Из-за риска роста социальной напряженности некоторые респонденты выразили обеспокоенность в связи со снижением уровня безопасности в обществе:

– Ну, кризис, безусловно, усилил расслоение общества, с точки зрения доходов. То есть в обществе явно усилилось расслоение. Опять-таки к социальной напряженности приводит высокий уровень безработицы, этот же фактор, на мой взгляд, должен приво-

дуть к повышению криминальной активности. О чем, правда, никто не говорит, но в реальности должно происходить (сотрудник крупной компании, СС).

– Учитывая то, что денег нет, получается, что люди воруют, то есть нельзя ходить туда-то. Значит, безопасность тоже. Постоянно боишься чего-то. Все от денег все равно, все от денег (интеллигенция, СС).

Отдельно стоит рассмотреть представления респондентов среднего класса о кризисе, которое сложилось у них из личного опыта и опыта своих знакомых. Остановимся на наиболее наболевших проблемах, с которыми столкнулся российский средний класс в период кризиса. Довольно многие отметили рост безработицы, сокращение заработной платы и почти повсеместное снижение и полную отмену бонусов у сотрудников крупных компаний. Если даже кризис не затронул самих респондентов, то так или иначе от кризиса пострадали их родственники, близкие друзья и коллеги:

– 80% людей уволились с моей работы – они сейчас безработные. Звонят постоянно, спрашивают: «Детей кормить надо», никак не устроятся, кризис ударил очень сильно, нет рабочих мест... Да, кризис моя семья ощутила лично, плюс в моем окружении многие оказались без работы, кто-то даже был вынужден уехать. Потому что не в состоянии обеспечивать снимаемую квартиру и оплачивать. А в регионах так совсем плохо всем, хорошо тем, у кого есть своя земля – свое хозяйство, которое его кормит (интеллигенция, журналист, СС).

– Лично меня затронул. Вроде бы как я осталась с работой, но у меня многие родственники потеряли работу. Много увольнений, вот хотя бы рабочих. Рабочий класс – все практически сильно пострадали, почти у всех недоплаты. И, естественно, у всех в связи с кризисом сказали, что не выплатим зарплаты, у начальников зарплаты есть, а у рабочих нет (интеллигенция, СС).

– Зарплата снизилась резко. Я, кстати, тоже пострадала на второй работе, мне не выплатили зарплату, дали бюджетную, там 2–3,5 тысячи максимум на полставки. Врач получает 5 тысяч, Вы никогда в это не поверите, но это на самом деле. Пришлось уволиться. То есть подработки у меня нет. Осталась я опять на одной работе (интеллигенция, СС).

– Ну, если еще в Москве, скажем так, мы не видим безработицы, как бы, большого процента нет, зато на периферии мы видим, что эта безработица, мы общаемся с коллегами. Остановили заводы, фабрики, люди без работы (госслужащий, ВС).

– Я считаю, что ситуация сейчас не тяжелая, а очень тяжелая, потому что Россия – это не Москва. У меня родственники живут – 30 километров – я им помогаю. Каждый месяц. Если я бы не помогал, я не знаю, как бы они выжили. Потому что у них в этот момент вообще все закрылось (госслужащий, ВС).

– Лично меня затронул. Вроде бы как я осталась с работой, но у меня многие родственники потеряли работу. Много увольнений, вот хотя бы рабочих. Рабочий класс – все практически сильно пострадали, почти у всех недоплаты (интеллигенция, СС).

– Затронул, конечно, как бы, прошли некоторые сокращения на работе, ну и отменили премию, всякие надбавки к заработной плате (сотрудник крупной компании, СС).

Почти все предприниматели, особенно в сфере торговли и услуг, отметили падение доходов вследствие снижения потребительского спроса, но так сказать, в пределах обычных для рыночной экономики:

– Повлиял. Собственно говоря, уменьшился объем бизнеса. У нас было несколько магазинов, а в итоге остался только один (МСБ торговый, СС).

– Да, мы урезали производство, пришлось отказаться от развития еще одной марки. Банковские кредиты получить сложно, потребительский спрос неустойчив. В общем, неопределенность, сложно прогнозировать развитие бизнеса (МСБ в сфере торговли и услуг, ВС).

– Повлиял. У меня ведь бизнес – общественное питание, у меня народу, естественно, стало меньше, и выручка, и прибыль намного уменьшилась (МСБ в сфере торговли и услуг, ВС).

– Ну, он, мне кажется, всех затронул. Все стали бояться, стало меньше клиентов, люди меньше денег тратят, больше сберегают (МСБ производственный инновационный, ВС).

– Ну, заказы уменьшились, работать стало труднее (МСБ производственный инновационный, ВС).

Не всегда ущерб от кризиса состоял в непосредственном снижении уровня доходов – болезненно воспринимается также прекращение роста доходов и снижение покупательной способности. Даже если номинальные доходы сохранялись на прежнем уровне, люди сокращали свое потребление из-за инфляции:

– Ну, в принципе, цены потихоньку повышаются. Не могу сказать, что это прямо тяжелая ситуация. Просто когда идешь в магазин, это замечаешь (МСБ производственный инновационный, СС).

– Для меня ничего не изменилось лично. Никак не отразилось. Как была у меня зарплата небольшая, так она и осталась. Единст-

венное что – покупательская способность стала меньше (интеллигенция, СС).

– Нет, ну вот именно то, что я говорю, вот проблемы отдыха, выезда за рубеж – мы перестали ездить (госслужащий, СС).

– Да, затронул материально. Зарплата не уменьшилась, но не было возможности что-то делать. Например, стало меньше возможности обратиться к врачу, так как везде повысились цены (госслужащий, СС).

– Конечно, цены подросли, а, скажем так, доходы в связи с кризисом – они не увеличились. Поэтому стало тяжелее (госслужащий, ВС).

Если не все пострадали в материальном плане от кризиса, то так или иначе практически все испытали стресс от кризиса. Респонденты отметили, что им психологически тяжело переносить кризис:

– Ну, меня кризис затронул очень в моральном плане. То что родственники пострадали, вообще много друзей – состоявшиеся люди, коллеги... Поэтому я думаю, собственно, всех затронул. Человек – он же не один. Он должен переживать. Он же думает: «Если этот сегодня пострадал – через некоторое время могу и я». И так далее. Понимаете? (госслужащий, ВС).

– Я не ощущаю той стабильности, которая была до кризиса (сотрудник крупной компании, СС).

– Уверенность в стабильности, она определенным образом покачнулась. Повлияло и экономически и, скажем так, морально (сотрудник крупной компании, СС).

Помимо проблем представители среднего класса смогли усмотреть и положительные последствия кризиса. Такие положительные оценки респонденты давали не часто, но все же они были:

■ Развитие малого предпринимательства и селекция фирм:

– Ну, возможно, кризис дал толчок к развитию малого бизнеса (сотрудник крупной компании, ВС).

■ Снижение цен на недвижимость:

– Перегретость рынка недвижимости, например. Это единственное, что я могу выделить, потому что цены на московскую недвижимость были заоблачные. А кризис привел к некоторой разумной коррекции в сторону понижения цен, но не настолько (сильной), чтобы эти цены стали снова разумными (МСБ инновационный производственный, ВС).

■ Положительные тенденции на рынке труда – произошла необходимая смена кадров, возросла производительность труда и сдулся ценовой пузырь зарплат:

– Произошла смена кадров... то есть остались, так сказать, лучшие кадры. Произошел естественный отбор. То есть, скажем, так, ушла недалекая молодежь, которая просто получала деньги, занимая это место (интеллигенция, НС).

▪ Снижение патерналистских ожиданий со стороны государства:

– Я думаю, что кризис способствовал излечению людей от иждивенчества (интеллигенция, СС).

▪ Кризис сплотил страну:

– Хотя мне кажется, что кризис как-то больше сплотил страну (МСБ инновационный производственный, СС).

4.3. Отношение к реакции государства на кризис

В интервью мы просили респондентов оценить меры правительства, предпринятые в кризис как в отношении социально незащищенных слоев населения, так и бизнеса. Если социальные меры однозначно воспринимались как недостаточные и не способные как-либо реально помочь населению, то в отношении бизнеса все не так однозначно. Все меры по поддержке малого бизнеса встречали одобрение, и не только среди предпринимателей.

Что касается крупного бизнеса, то здесь точки зрения разошлись. Как ни странно, число респондентов, которые одобряют оказание такой помощи, оказалось не так много, хотя общая идея помощи крупным предприятиям встретила определенную поддержку. Они считают, что помогать надо предприятиям в моногородах, регионах с тяжелой социальной обстановкой, а также предприятиям, которые в будущем могут принести значительную прибыль:

– Фактически эти деньги были даны не предприятиям, а людям, то есть, я считаю, что эти деньги были распределены между предприятиями не по принципу, кому там надо поднимать производство, а где наиболее тяжелая социальная обстановка. Это, с одной стороны, может быть, было сделано и правильно, но не с точки зрения поддержания предприятий, развития производства, а просто с точки зрения того, чтобы люди смогли получать заработную плату и просто кормить свои семьи. Я считаю, что это такая социальная мера, в общем-то в принципе было правильно сделано, были поддержаны самые крупные предприятия в самых сложных экономических зонах (МСБ инновационный производственный, ВС).

– Да, я считаю, что это было эффективно. Не хочется быть в плену у Запада. Если это российские предприятия, которые приносили какую-то выгоду, которые предоставляли рабочие места – люди работали, получали зарплату, это хорошо не только с точки зрения личной жизни каждого человека, которые работали на этом предприятии, это с точки зрения политических ставок. Правильно, с моей точки зрения, сделать ставку на наше предприятие, потому что оно будет давать или уже дает прибыль (интеллигенция, СС).

– Нужно (определить) какие-то стратегические предприятия, которые помогут развитию самой страны и принесут прибыль. Но если помогать, то надо крупному. Все кто был стратегическими предприятиями – все достойны. Деньги были достойно распределены (госслужащий, СС).

– Мне сложно отвечать на этот вопрос, потому что, наверное, это было оправдано, чтобы, например, градообразующее предприятие не закрылось, и город не вымер, и или не разъехался по каким-то ближайшим городам, в таком случае было как прочная мера – это было оправдано. Но опять же, что мешало предложить какую-то стимулирующую программу? Наверное, был выбран наиболее простой способ закрыть брешь деньгами (МСБ в сфере торговли и услуг, СС).

В целом, большинство респондентов в нашей выборке негативно оценило действия правительства по поддержке крупного бизнеса. Чаще всего респонденты приводили следующую причину такого отношения – **сомнения в справедливости распределения финансовых средств**. Они указывают на недостаток открытой доступной информации о том, как принималось решение о государственной помощи и почему в итоге были выбраны те или иные предприятия. Вызывает сомнение и эффективность использования предприятиями полученных ими средств:

– (Государство) почти не поддерживало предприятия, за исключением каких-то отдельных случаев, поэтому в данном случае я считаю, что вопрос о справедливости распределения – его просто не существует. Государство просто не поддерживало основную массу бизнеса. Это прежде всего средний бизнес, он был проигнорирован. Вот это, конечно, плохо (интеллигенция, СС).

– Я думаю, что многие предприятия, которые получили средства, получили их не потому что это было жизненно необходимо, а потому что они были выбраны по каким-то другим причинам. Какая-то лоббистская поддержка... (интеллигенция, ВС).

– Не совсем понятно, каким предприятиям... Ну, в общем, это снижает степень доверия к власти и оценку эффективности (интеллигенция, ВС).

– На мой взгляд, надо было градацию провести: кого и зачем мы поддерживаем (госслужащий, ВС).

– Как распределяло государство эти средства: была отобрана сотня ведущих предприятий, так называемых государствообразующих. Вот эти предприятия поддерживались. Причем им было на самом деле все равно, насколько эти предприятия реально эффективны... Их эффективность на очень низком уровне, реально на очень низком уровне. Никто эту систему не оценивал, никто не стал устанавливать, почему сейчас эти системы прогорают, а просто дали им денег. То есть первая мера была реально не эффективна (МСБ торговый, СС).

– Ну, конечно же, нет. Потому что-то были ведь только определенные компании, которые не просто так все это получают. То есть это абсолютно все как бы непрозрачно (МСБ в сфере торговли и услуг, ВС).

– А вот здесь было скорее больше слов, чем дела, потому что те, кто владел огромной собственностью, большими капиталами, те этот свой ресурс сохранили. Даже еще и приумножили. Те же, у кого ничего не было, они так и остались без средств. Вот, в частности, были передачи, информация о том, как государство помогало олигархам выкупать предприятия. Получается, что власть, давая финансовые средства олигархам, помогала выкупать предприятия, и при этом олигархи еще и получали прибыль: вроде бы им оказывалась помощь, и они же еще на этом зарабатывали, не без помощи властей (МСБ в сфере торговли и услуг, НС).

– Средства распределялись на основе коррупции, лоббирования интересов, панибратства и личной заинтересованности. Вытаскивали «свои» компании, тогда как сотни мелких бизнесменов прогорало без господдержки и помощи. Государство действует прямо противоположно здравому смыслу рыночной экономики — поддерживая крупные предприятия, зачастую никому не нужные (МСБ в сфере торговли и услуг, ВС).

– Дело не в количестве денег, которые выделили на поддержку тех же Жигулей, Лады. А дело в том, что сначала надо было... их заставить как-то сделать бизнес-проект того, что можно продвигать, а потом вкачивать деньги. А спасать, простите меня, эти шестерки, ну, это смешно. Ведь, в конце концов, на сверхдорогих машинах ездит, ну, от силы, два – три процента автомобилистов. Остальная масса ездит на машинах среднего уровня. Вот почему американцы могут Форд Фокус сделать? Он копеечный, даже по нашим, там, меркам. Почему мы не можем сделать то

же самое? А просто, так, затыкание дыр, это просто угробленные деньги (интеллигенция, СС).

■ Четко выделяется группа респондентов с либеральными взглядами:

– В конце концов кризис должен был кому-то дать умереть, вообще-то говоря. Естественный отбор какой-то. Вы же понимаете, любая поддержка финансовая предприятий, она оказывается точечной. Есть вопрос: «Почему кому-то дали, а кому-то не дали?» Кто принимает эти решения? Вопрос о той же прозрачности. Нет, ну все равно стоит вопрос, кто-то просил, кто-то не просил, но это неправильный подход. То есть должны быть какие-то единые правила игры, они должны быть для всех (интеллигенция, НС).

– Я либерал в этом смысле. Никакие предприятия, если только они несут потери ввиду экономических причин, не поддерживать – есть предусмотренные законом формы – банкротство. И пожалуйста, надо дать учредителям, акционерам принимать решения на рынке вот и все (интеллигенция, СС).

■ В выборке оказалось много сторонников точки зрения, что надо было в первую очередь стимулировать потребление населения, а не помогать предприятиям:

– Нужно все-таки, наверно, было начинать с другого, нужно было не давать деньги, условно говоря, автопроизводителям. Опять же так стимулировать именно спрос на автомобили. Условно говоря, не давать ни рубля Автовазу, дать деньги тем самым людям, которые там работают (интеллигенция, НС).

– Давать деньги надо конкретным людям, которые потеряют работу, а предприятие то зачем поддерживать? (интеллигенция, СС).

– Мне кажется, тут нужно отталкиваться больше от конечного потребителя и чтобы деньги были у него. И он уже сам будет решать, что ему покупать (сотрудник крупной компании, СС).

Малые предприниматели жалуются на то, что те деньги, которые были выданы банкам на помощь малому и среднему бизнесу, так до них и не дошли:

– Вот у нас, например, была не самая плохая обстановка: мы имели прибыль, не несли убыток, не было ситуации, чтобы было уж прям совсем плохо. Но все равно банки нам отказывали. Это было связано с тем, что по банкам внутреннего слияния было негласно принято – кредиты не давать, ну когда был самый тяжелый момент. В итоге вложенные деньги так ни до кого и не дошли. Поэтому в плане предприятий точно не было никакой поддержки (МСБ торговый, СС).

– Я считаю, неэффективно абсолютно. Помогли банкам, то есть виртуальному сектору, реальному сектору не помогли, насколько я знаю. Сказать, что мелкому предпринимателю что-то досталось от государства, это значит, ничего не сказать. Мы выживаем сами! Помогли кому? Банкам, тем, которые у кормушки. Дерипаске помогли, вот он и так уже не знает, куда деньги девать, а им помогли (МСБ в сфере торговли и услуг, ВС).

4.4. Поддержка Автоваза

Вопрос о важности поддержки ключевых предприятий для стабильности экономики прозвучал, но она не была сочтена важной без учета эффективности объекта помощи. Например, болезненно была воспринята поддержка государством автопроизводителей, и особенно «Автоваза»:

– Смотря на поддержку каких предприятий. Что касается Автоваза – не поддерживаю (интеллигенция, ВС).

– Я думаю, и меня поддержит девяносто девять процентов населения, самое главное предприятие, которому не следовало давать столько денег, всем известно, это Автоваз. Ему отдали двадцать пять миллиардов, куда отдали, никто ничего не понял. Где они сейчас, никто не знает. В то же время какие-то другие, тоже крупные предприятия некоторые помощь недополучили. Автоваз, да, конечно, это градообразующее предприятие, оно очень важно для всей экономики в целом, но не единым Автовазом жива Россия и, на мой взгляд, нужно было другим крупным градообразующим... существуют моногорода, где эти предприятия являются ключевыми для развития регионов. Выделить все-таки большую помощь за счет того же Автоваза (сотрудник крупной компании, СС).

– Но как все говорят, шутят все по всем каналам, что ВАЗу сколько ни давай, все мало, поэтому... Ну а я бы, например, подумала бы, прежде чем давать миллионы... каждую неделю [улыбается] (сотрудник крупной компании, СС).

– Одному Автовазу дали, уже, сколько там, 60 млрд. рублей, это, конечно, несправедливо. В Америке там по-другому решали вопросы, у нас тоже могли бы (МСБ производственный инновационный, ВС).

Отчасти это связано с неконкурентоспособностью продукции Автоваза на внутреннем рынке:

– Опять же, каких предприятий. Например, поддержка предприятий, которые выпускают наши легковые машины абсолютно неэффективно. То, что наши машины, как вы знаете,

неэффективно. То, что наши машины, как вы знаете, это консервные банки, на них ездить совершенно невозможно. Зачем их поддерживать? (интеллигенция, ВС).

– Мы «Опель» хотели купить за 500 миллионов евро. Полгода убытков Автоваза обошлись в миллиард долларов, еще год обошелся дополнительно в 3 миллиарда долларов. Итого 4 миллиарда долларов за неработающее предприятие. То есть «Опель» мы оценили в 500 миллионов евро, а то предприятие, которое не способно и неконкурентное, которое не производит конкурентоспособную продукцию, мы заплатили 4 миллиарда. И это предприятие продолжает генерировать убытки (МСБ производственный инновационный, ВС).

С другой стороны, респонденты отмечают, что оказанная Автовазу помощь предотвратила возможный социальный взрыв в стране, то есть помощь оказалась по сути социально-политически вынужденной:

– Существует масса споров вокруг того, насколько правильно было Автоваз подкармливать в течение кризиса, ну, там такая излюбленная тема у нас в СМИ. С одной стороны, вроде бы идея бредовая, потому что продукция неконкурентоспособная, никому она не нужна, я на ней не езжу и, надеюсь, не буду никогда ездить, чего и всем остальным желаю, ну это с одной стороны. А с другой стороны, Автоваз – это тысячи, десятки тысяч людей занятых, и если бы они остались единовременно без поддержки, ну, считайте, это целый город, который остался без работы, которым нечем абсолютно заняться. Вот, поэтому помощь банкам, наверное, это была лишняя, как мне кажется, мера. Производствам, ну, это вопрос философский, и можно рассматривать большие как пособия (сотрудник крупной компании, СС).

– Вот Автоваз, ну, его невозможно было не поддержать, потому что просто весь город, все население Тольятти работает на ВАЗе, и если не будут выплачивать зарплату, если ВАЗ не будет выпускать продукцию, то они просто не выживут... там будет социальный взрыв. Поэтому хоть эти машины никому и не были нужны, но с помощью финансирования государством они смогли работать на склад, выпускать эти машины, которые никому не были нужны, но при этом продолжали платить зарплату людям. Это как бы спасло от социального взрыва страну (МСБ производственный инновационный, ВС).

На основании всего этого нельзя говорить, что эти респонденты, представляющие средний класс, выступают против поддержки моногородов и отдельных его предприятий, напротив, речь идет о каналах этой поддержки и конечных ее получателях. Еще раз отметим, что в выборке не было респондентов из моногородов. **Почти однозначно**

респонденты соглашались, что надо помогать, но есть устойчивые опасения, что значительная часть этой денежной помощи уйдет на откаты и сами предприятия не смогут эффективно использовать полученные деньги:

– У нас же политика не открытая. Она у нас настолько теневая... больше всего, если не ошибаюсь, Автоваз у нас получил, да? Там были колоссальные деньги. Куда они ушли? Один раз дали – нужно было, второй дали, опять дали. Наверное, отмыть их нужно. Вообще это беспредел (сотрудник крупной компании, СС).

– Когда по телевизору три дня говорят, что Автовазу дали 20 млрд. рублей, а потом говорят 22, видимо, есть там какое-то чувство неопределенности, сколько же там надо денег государству выдавать. Наверняка, те же 5 млрд. из 20, которые были, это под откат и нецелевое использование. Дай Бог, если четверть или половина дойдет. Ну, еще и сверху накинули (МСБ производственный инновационный, СС).

– Ну, тому же Автовазу не нужно было давать [смеется]. Ну, просто все деньги, как обычно, разбазарили, слили и все (сотрудник крупной компании, СС).

– Ну, опять, к Автовазу вернемся: ну, выделили гигантскую сумму на спасение завода, и это все было сделано для того, чтобы сохранить, вроде как, рабочие места, но если даже поделить эту сумму грубо просто на всех рабочих этих заводов, то получается зарплата их на много лет. То есть если бы эти деньги, которые они выделили заводу для его работы, просто взять и отдать людям, было бы больше пользы, все равно люди эти деньги не получили, и места все равно эти были сокращены, то есть непонятно, на что эти деньги пошли (МСБ производственный инновационный, СС).

4.5. Выход из кризиса – опасности и возможности

Влияние кризиса оказалось неравномерно как в региональном плане, так и в разрезе различных профессий и отраслей. Кризис в разной мере затронул различные группы среднего класса. К сожалению, данные качественного исследования не позволяют со статистической точностью сказать, какие группы среднего класса пострадали сильнее, а какие меньше, но на основе интервью можно сделать некоторые предварительные выводы. Кризис меньше всего затронул, несомненно, госслужащих и интеллигенцию (по большей части бюджетники), заметно больше – сотрудников крупных компаний и МСБ. Несмотря на общее сокращение потребления и ужесточение условий выдачи кредитов, некоторым представителям предпринимательского среднего класса кри-

зис пошел на пользу – в число наших респондентов попали предприниматели, начавшие свой бизнес именно в кризис:

– *Был период, когда задерживали зарплату, и не было возможности найти взамен подходящую работу. Но благодаря экономическому кризису я начала свое собственное дело (МСБ в сфере торговли и услуг, СС).*

– *Повлиял, как и на всех практически. Из-за кризиса я остался без работы, долгое время искал место, где мог применить свои силы. Да и финансовая стабильность сильно ухудшилась. В итоге открыл свой бизнес (МСБ в сфере торговли и услуг, СС).*

– *Меня уволили с работы, может быть не из-за кризиса, может из-за кризиса. Это было последней каплей, мотив, мотиватор для того, чтобы начать свой бизнес, и, по сути, я благодарен кризису, что он начался и я начал свой бизнес (МСБ производственный инновационный, СС).*

В нашей выборке присутствуют и респонденты, которые от кризиса совершенно не пострадали, а у некоторых ситуация даже улучшилась:

– *Вот мне, с моей так сказать «колокольни» вообще этого кризиса не видно. У нас вообще ничего не изменяется. Там, где я работала, оно не менялось ни в первый кризис в 90-х, ни сейчас. Впервые, мы не теряли ничего такого сильно большого, потому что ничего такого большого и не зарабатывали (интеллигенция, ВС).*

– *Повлиял. Как только провозгласили о финансовом кризисе, через месяц у нас подняли зарплату на двадцать пять процентов. (Правда?) Честное слово. (А как это объяснить?) Как это объяснить? Честно говоря, не могу объяснить, ну, наверное, те деньги, которые предполагались на строительство. Строительства все заморозились, ну и решили хоть как-то поднять настроение простому народу [смеется] (госслужащий, СС).*

– *Ну, как всегда эта вещь многолико влияет. Любой кризис – это повод сконцентрироваться, оглядеться и хорошо заработать (госслужащий, ВС).*

– *Нисколько. Если только в лучшую сторону. Новая работа, более увлекательная, более интересная, новый коллектив, в который я пришел и мне здесь все нравится. Так же доход, увеличение дохода (сотрудник крупной компании, СС).*

Предприниматели отметили небольшое улучшение ситуации в связи с ростом потребления (эффект прошедшего кризиса и начала восстановления):

– Можно сказать, что тяжелая, но уже лучше. Стало уже лучше. (Заметно, да, какое-то улучшение?) Да, на нашем бизнесе заметно. Люди начали опять приходить, что-то там хотеть (МСБ в сфере торговли и услуг, СС).

– Повлиял. Бизнес партнера, в который были вложены деньги, почти разорился. Составило больших трудов вернуть свой капитал. В остальном кризис только пошел на пользу. Я считаю, что в такие моменты слабые умирают, а сильные становятся только сильнее. Я сменил несколько авто с выгодой для себя, купил выгодно квартиру, начал новый успешный бизнес, увеличил свои доходы (МСБ в сфере торговли и услуг, СС).

– Для инноватора кризис – это возможности, поэтому я не считаю, что все плохо. Когда неповоротливые компании в своих кредитах вынуждены объявлять себя банкротами, на их место могут прийти молодые, умеющие экономить, умеющие работать на неочевидных вещах. То есть кризис нанес ущерб только тем, кто привык работать неэффективно. Те, кто смогли подстроиться, или их бизнес был прочен, все эти риски были застрахованы, поэтому они выжили и приумножили свои активы (МСБ производственный инновационный, СС).

– Это что касается нашей компании – многие перешли на нашу продукцию, потому что импортная очень дорогая стала, а наша ничем не отличается от импортной, но зачем платить больше за то же самое (МСБ производственный инновационный, СС).

Следует отметить, что критическое настроение респондентов не слишком отражает их собственное относительное благополучие. Даже улучшение некоторыми респондентами своего положения в кризис не нашло соответствующего отражения в оценках действий правительства по выходу из кризиса и в общем отношении к действующей власти, а также в запросе на демократию. **Как и в отношении других проблем респонденты конформисты и критики, но не активные «борцы» за решение проблем общества. Иначе говоря, хотя кризис и мог усилить критические настроения в обществе, но общие тенденции и предпочтения сложились еще до кризиса:** «У нас этот кризис был раньше, он и есть, и он продолжается» (госслужащий, СС).

Причину «всех зол», как всегда, респонденты видят в коррупции и в неэффективном государственном управлении:

– Воровать стали больше [смеется] бюджетных денег, про запас (МСБ в сфере торговли и услуг, ВС).

– Я читал где-то недавно, что за последнее 10-летие дополнительные доходы от подорожания нефти привели к притоку в казну полутора триллиона долларов. В 98-м году в чем еще проблема-то

была – баррель нефти стоил 8 долл. Сейчас стоит 80 долл., а в пик подъема в 2008 г. доходил до 140 долл. Ваша зарплата в 10 раз выросла? Нет. Она не выросла в 10 раз. А с учетом инфляции она должна была вырасти еще на какое-то количество раз, скорректироваться, по крайней мере. Но мы не видим, чтобы в это же или хотя бы в сопоставимое количество раз выросла зарплата. Поэтому возникает вопрос – **куда уходят эти деньги?** А деньги эти уходят по карманам. По карманам, либо по карманам через помощь государственным предприятиям. Мы видим, сколько денег мы (в России) потратили (МСБ производственный инновационный, ВС).

– Усилил проблему, я думаю, неэффективного расходования ресурсов в стране (сотрудник крупной компании, СС).

– Мне кажется – очень много тратится, расходуется ресурсов на цели, которые либо направлены на имитацию деятельности тех же, если говорить – чиновников, на имитацию полезной деятельности. Вот здесь – кризис. С одной стороны, стало меньше денег на общие расходы. При этом люди, принимающие решения, как правило, не отказались от своих привычек, от того, чтобы расходовать средства на то, что кажется именно им нужно. И, соответственно, количество ресурсов, которые остаются на другие, на, в моем понимании, на более полезные, более нужные задачи – оно только уменьшилось (сотрудник крупной компании, СС).

– Сложные ситуации – они, как правило, показывают наличие сбоев в слабых неприкрытых местах. Вот сейчас это наиболее остро. Например, разрыв между властью и населением, слабая управляемость регионами, отрыв центральной власти от региональной (сотрудник крупной компании, СС).

– Самое главное – государство начало задумываться, сами политики стали задумываться о том, что если они будут продолжать вести себя в том же духе, то все больше и больше населения становится недовольными (МСБ в сфере торговли и услуг, СС).

Реакция респондентов в обстановке кризиса может расцениваться как двоякая – оценка через призму своего положения и положения в стране. В общем, чем выше уровень общественного положения и доходов респондента, тем меньше он его сам почувствовал. Нижний средний явно был более задет, менял работу и прочее. Более высокие слои даже сумели использовать возможности кризиса для нового старта. Интеллигенция и особенно госслужащие (управление) остались в стабильном (хотя не слишком хорошем) состоянии, менеджеры крупных компаний также пострадали меньше. Бюджетники иногда были даже удивлены поддержкой правительства в условиях кризиса. Маневр с

господдержкой в пользу большого бизнеса и бюджетников был замечен респондентами.

Практически действия правительства были не слишком поняты по их экономической составляющей. Даже спасение Автоваза, схожее по идеологии с американским, рассматривается скорее через проблему непрозрачности намерений правительства, подозрения (или обвинения) в коррупции, а не как проблема социальной стабильности (за редким исключением) в Самарской области или стабильность работы промышленности в целом (даже не через качество автомобилей).

Подозрения в коррупции проходят постоянно как обычный фон и основание для сомнений в целях и эффективности антикризисной деятельности. Непрозрачность выделения стратегических предприятий для помощи, невозможность обычному (малому) бизнесу получить кредит, поддержку является скорее констатируемой, чем раздражающей составляющей – практически как бы *и не надеялись и не разочарованы*.

В заключение можно подчеркнуть, что опрос показывает различия положения и реакции как между уровнями, так и отрядами среднего класса. В целом в нашем – благополучном и преимущественно столичном массиве респондентов личное положение явно лучше положения страны и населения в целом. Критичность отражает часто общее отношение к непрозрачности действий или коррупции, но уже на примере господомощи во время кризиса. То есть критичность мотивирована не собственными потерями, а более широким (хотя пассивным) взглядом на положение в стране. Тем самым качественный анализ показывает наличие слоев среднего класса, который способен обсуждать проблемы развития страны без жесткой привязки к собственным проблемам.

5. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ИНСТИТУТЫ ДЕМОКРАТИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ «НАПРАВЛЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ» ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СРЕДНЕГО КЛАССА

Результативность построения модели структуры среднего класса в России¹ в целях изучения особенностей его социально-политического поведения в значительной мере зависит не только от качества первичной информации, получаемой посредством проведения опросов. Большую роль играют характеристики тех теоретических рамок, которые могут быть использованы для интерпретации и обобщения полученных результатов пилотного опроса, а также формулировки гипотез для проведения более масштабных опросов в будущем, которые могли бы рассматриваться как репрезентативные в наиболее существенных для формулировки выводов измерениях.

В данной главе предложен подход к реконструкции социально-политических аспектов поведения различных слоев и групп среднего класса, их отношения к идеалам свободы и демократии. Важна также оценка потенциала возможных политических изменений в стране в сторону демократии и гражданского общества с позиций современной экономической теории, а точнее – нового институционального подхода с использованием некоторых результатов анализа материалов опроса, представленных в главах данного проекта. Поскольку подготовка проекта и его реализация проходили на фоне кризиса после его острой фазы, значительная часть вопросов касалась влияния кризиса на средний класс, на оценки действий властей и их результативности (см. глава 4). В этой связи особенно интересным является вопрос о наличии или отсутствии взаимосвязи между двумя группами оценок, которые можно условно обозначить «демократия» и «кризис».

Данный анализ проводится с учетом специфики социального развития в стране после двух декад трансформации. Разумеется, еще рано

¹ Вопрос о структуре среднего класса неоднократно поднимался российскими исследователями как в контексте решения вопроса о его размерах, так и применительно к различным аспектам поведения и оценок. См., например: Григорьев Л.М., Салмина А.А. Средний класс в России: повестка дня для структурированного анализа // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры, 2010, № 12. С. 105–124. Шаститко А.Е., Авдашева С.Б., Овчинников М.А., Малева Т.М., Овчарова Л.Н. Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. М.: Экон-Информ, 2008.

ожидать такого же рационального политического поведения от «нашего» среднего класса, живущего в гибридном режиме с элементами демократии и недемократии. Заметен рациональный выбор респондентов – искать «договоренности» с бюрократом, критиковать власти и ситуацию в стране, но не конфликтовать с ним во имя демократизации или борьбы с коррупцией. В качестве дополнительных ограничений, в рамках которых будут обсуждаться интерпретации оценок представителей среднего класса, следует отметить смещенность выборки в сторону тех, кто сам сравнительно успешно пережил острый кризис 2008–2009 гг.

Данная глава представляет собой попытку дать теоретическую реконструкцию с помощью инструментария новой институциональной экономической теории полученных результатов глубинных интервью в следующих измерениях:

- демократические ценности и институты в контексте индивидуального выбора представителей среднего класса;
- дискретные структурные альтернативы общественного устройства глазами представителей среднего класса с учетом оценки влияния кризиса;
- основания институциональных изменений на макроуровне в контексте запроса на демократию со стороны среднего класса с учетом влияния кризиса;
- альтернативные варианты замера значимости демократических ценностей;
- оценка возможностей коалиций с участием представителей групп среднего класса для коллективных действий в части построения различных элементов работающей демократии.

Демократические ценности и институты в контексте индивидуального выбора представителей среднего класса

Средний класс в принципе характеризуется более широким разнообразием форм социально-экономической активности, чем группы населения, не входящие в него и расположенные ниже в системе социальной стратификации, но в то же время меньшими располагаемыми ресурсами, чем группы, расположенные выше в той же системе стратификации.

Относительно небольшие располагаемые ресурсы означают в данном контексте, что представители среднего класса за эти годы приобрели определенные ресурсы – им в общем-то есть, что терять в материальном плане. Но имеющиеся ресурсы не дают им возможности формировать свою среду экономической деятельности даже на локальном уровне или принимать решения на основании принадлежности к поли-

тическому истеблишменту федерального или регионального уровня, не опираясь на алгоритм коллективных действий – агрегирование индивидуальных предпочтений посредством демократических процедур. Напомним, что в экономической теории известны два вида инструментов агрегирования, один из которых изучается в рамках теории общественного благосостояния, а другой – в рамках теории общественного выбора. Первый вид инструментов предполагает выбор вариантов прямого агрегирования индивидуальных функций полезности, тогда как второй основан на агрегировании полезностей через выбор способа принятия решений (теория общественного выбора). Для эмпирических исследований более актуальным является второй вид – через способ принятия решений.

Учитывая неоднородность самого среднего класса, как с точки зрения материального благосостояния, так и с точки зрения характера занятости, указанные выше характеристики активности и ресурсобеспеченности также довольно сильно различаются, на что указывают и результаты проведенного опроса. Тем не менее в целом обладание указанными характеристиками дает основание для формулировки тезисов, существенных для обобщения полученных результатов опроса представителей среднего класса.

1. Широкое разнообразие форм социально-экономической активности означает:

(а) накопление опыта индивидуального выбора не только в повседневной жизни, на бытовом уровне, но и общественно-политической жизни;

(б) формирование и накопление компенсационных механизмов в случае ограничения возможностей такого выбора, включая превращение выбора в фикцию, когда внешние признаки выбора есть, но содержательно выбор отсутствует²;

(в) значительные возможности адаптации к изменяющимся внешним обстоятельствам несмотря на ограниченность собственных ресурсов.

2. Формирование запроса на существование (создание) среды, позволяющей реализоваться возможностям представителей среднего класса.

Накопление опыта индивидуального выбора в условиях жестких ресурсных ограничений, для которого принципиально важно выявление и сопоставление альтернатив с точки зрения достижения желаемого ре-

² Отметим, что выбор предполагает не только выявление и сравнительный анализ доступных альтернатив с точки зрения достижения целей, но и волеизъявление на основе данного анализа.

зультата, создает благоприятные основания сделать этот выбор более «экономическим», то есть эксплицировать в первую очередь индивидуальные выгоды и издержки, связанные с таким выбором. В частности, такой подход позволяет объяснить отказ большинства представителей среднего класса, принявших участие в опросе, от участия в деятельности политических партий в двух взаимосвязанных измерениях – интерес и альтернативные издержки.

1. Интерес. Необходимым условием возникновения интереса является достижимость результата, если только результатом не является сам процесс участия в общественно-политической жизни. Однако, как следует из ответов респондентов на вопросы об участии в выборах, в конечном счете интегральная оценка сводится к тому, что участием в выборах ни на что повлиять нельзя. Так что само участие респондентов в них может быть объяснено иными факторами, в числе которых привычка, сложившиеся ранее стереотипы поведения, которые тем не менее также подвержены корректировке, о чем свидетельствует второй важный аспект объяснения отказа от участия в деятельности политических партий. На разрушение стереотипов выборного поведения, так же как и участия в деятельности политических партий влияние оказывают доступные альтернативы, которых в столице существенно больше по сравнению с регионами, что вполне ожидаемо и обуславливает такой результат.

2. Альтернативные издержки. Участие в деятельности партий, так же как и в любом другом виде общественно-политической деятельности сопряжено с использованием ограниченных ресурсов, обладающих ненулевой альтернативной ценностью, возникает вопрос об упущенных возможностях. Поэтому их оценка дает основание сделать некоторые выводы и относительно позиции представителей среднего класса по поводу различных аспектов общественно-политической деятельности. Поскольку участие в деятельности политической партии по определению более затратно по времени (если только это не фиктивное членство в организации), то неудивительно было получить в качестве одного из наиболее часто встречающихся ответов ссылку на нехватку времени на фоне негативного фона оценки оснований участия в выборах, крайней формой которого является заявление *«лучше по рюмашке схватить, чем пойду голосовать»* (см. глава 2). По сути дела, это означает, что ценность того, что можно получить, жертвуя различными возможностями участия в общественно-политической жизни, выше, чем ценность участия в выборах, в деятельности политических партий и т.п. Более того, представленные высказывания дают возможность составить представление о ценности существующих демократических процедур в сопоставительном ключе.

Издержки упущенных возможностей срабатывают в более неожиданном ракурсе, когда отрицание возможности или важности демократии или отрицание наличия ее в России исходит от высокообеспеченных представителей среднего класса, к тому же связанных с деятельностью в сферах, которые ассоциируются с нововведениями. Действительно, демократические процедуры (особенно если это не совсем фикция) довольно трудоемки на этапе принятия коллективных решений. Соответственно, если ожидаемый результат применения таких процедур кардинально отличается от запросов действующих лиц, они готовы согласиться на локализацию своей активности в сферах профессиональной деятельности (особенно если ее содержание позволяет этого добиться). Это происходит несмотря на то, что между демократическими процедурами в общественно-политической сфере и возможностями результативной работы в профессиональном плане существует, как предполагается, положительная зависимость. Правда, на этот аспект мало обращалось внимания (одно из исключений – см. далее). Сказанное, конечно, требует дополнительного подтверждения не в макроэкономическом плане, но посредством микроэкономических исследований, сфокусированных как по отраслевому (профессиональному), так и региональному признакам.

Возможно, такое восприятие демократических процедур основано на том, что

(а) представители среднего класса видят индивидуальные (частные) выгоды и издержки, но «не замечают» внешние выгоды и издержки их применения;

(б) интуитивно они делают рациональный выбор «безбилетника», фактически соглашаясь с тем, что политический рынок как поле общественно-политической активности более несовершенен, чем обычные, товарные рынки, на которых представитель среднего класса (необязательно только мелкий бизнес) имеет возможность получить больше выигрышей в краткосрочной перспективе. Данный тезис хорошо согласуется с идеями Дугласа Норта (1981; 1997)³, в которых указывалось на особенности так называемых политических рынков.

В рамках одного опроса одним и тем же респондентам были заданы как вопросы про демократию, так и вопросы про кризис (см. гайд интервью в приложении). Можно ли обнаружить в ответах влияние кризиса на оценки представителей среднего класса в отношении демократии, хотя, подчеркнем, специальных вопросов на эту тему не было? Ответ скорее

³ North D.C. Structure and Change in Economic History, N.Y., Norton, 1981. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.

отрицательный, поскольку либо в ответах звучит тема о подтверждении того, что самим респондентам итак было понятно до кризиса, либо вообще не затрагивается вопрос, связанный с изменением ценностей, а только материальное положение (занятость, доходы и т.п.). Сказывается и упомянутая особенность выборки «благополучных».

Дискретные структурные альтернативы общественного устройства глазами представителей среднего класса

Проведенный опрос дает основание для оценок демократии средним классом в терминах дискретных структурных альтернатив – хорошо известным в современной экономической теории приемом исследования различных форм организаций (главным образом экономических)⁴. Напомним, что смысл подхода к экономическим исследованиям на основе принципа сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив основан на нескольких тезисах:

- (1) не существует идеальной (совершенной) для всех случаев жизни (ситуация выбора и обмена) формы организации;
- (2) каждая из форм обладает своими сравнительными преимуществами и недостатками;
- (3) каждое из преимуществ, так же как и каждый из недостатков обладают различным значением (весом) в конкретных обстоятельствах места и времени;
- (4) оценка веса указанных преимуществ и недостатков дает возможность предсказать, какая форма организации будет наиболее вероятна в той или иной ситуации;
- (5) существует возможность улучшить характеристики определенной формы организации, но само улучшение также сопряжено с издержками.

Строго говоря, существует еще один – шестой – компонент сравнительного анализа, связанный с основаниями и последствиями ошибочного выбора из набора доступных дискретных структурных альтернатив. В первую очередь это связано с особенностями подхода к исследованию индивидуального выбора, а также анализа не только результатов адаптации, но и процесса.

Какие есть основания применить подход, аналогичный сравнительному анализу дискретных структурных альтернатив в контексте отношения среднего класса к демократии, и что они могут означать?

⁴ Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. М.: Теис, 2010. Четвертое издание.

В ответах довольно широко распространено мнение о том, что идеальных (совершенных) форм общественного устройства не бывает, на что указывает неоднократное упоминание известной фразы Черчилля о том, что демократия ужасна, но ничего лучше пока не придумали.

Респонденты довольно хорошо различают демократическую форму и недемократическое содержание. Речь идет о том, что сложившийся в политической сфере механизм принятия решений квалифицируется респондентами как недемократический по сути. Строго говоря, это одна из структурных альтернатив наряду с ситуациями, где форма (недемократическая или демократическая) вполне соответствует содержанию.

Ответы показывают, что сакрализации демократии как особой формы общественного устройства в головах представителей среднего класса не происходит, поскольку доминирует представление о том, что демократия нужна для чего-то, но не сама по себе. Иными словами, довольно широко распространен функционалистский подход к оценке демократии.

Вместе с тем наличие причинно-следственных связей между демократией и множеством значимых для представителей среднего класса характеристик общественного устройства, включая возможность не только озвучивать свое мнение, но и право быть услышанным, в ответах прослеживается, хотя и не вполне четко. И это несмотря на то, что в некоторых случаях представители среднего класса усматривают положительную связь между демократией и возможностями легальной защиты собственного бизнеса от незаконных посягательств. То есть со стороны СК есть запрос на свободу, прозрачность, возможность как-то влиять на процесс принятия решений, но нет такого определенного запроса, что это должно быть (и обеспечивается) именно в условиях демократии. Сказанное означает, что хотя укоренение демократических ценностей, строго говоря, все еще находится на ранней стадии, все же сама демократия считается формой общественного устройства, способной давать существенные выгоды, особенно в плане взаимоотношения граждан и государства, бизнеса и государства.

Позицию представителя среднего класса в отношении к демократии можно сформулировать примерно так: *«важно не то, как называть форму общественного устройства, главное, чтобы было честно, прозрачно, эффективно»* (см. глава 2). Фактически неявно здесь проводится вполне функциональная идея с точки зрения позитивного анализа структурных альтернатив общественного устройства о том, что демократические механизмы, хотя и обладают преимуществом по сравнению с авторитарными, тоталитарными, диктаторскими, далеко не всегда эти преимущества могут реализовать.

Институциональные изменения в контексте запроса на демократию со стороны среднего класса

Запрос на демократию в контексте оценок состояния дел, суть которых сводится к констатации либо ее отсутствия, либо ее формальности, либо ее недостаточного развития, означает не что иное как **запрос на институциональные изменения в направлении, которое обеспечило бы приведение в соответствие демократических форм и демократического содержания** (действующих механизмов участия в политической жизни).

С этой точки зрения очень важной представляется реакция представителей различных отрядов среднего класса на вопросы, связанные с запросом на демократию, с одной стороны, и оценкой ситуации и действий властей во время кризиса, с другой. Как отмечается в предыдущей главе (см. глава 2), наиболее отчетливо запрос на «демократию для себя и таких как я» проявляется у представителей интеллигенции и сотрудников крупных компаний, в несколько меньшей степени – у инновационного бизнеса и бизнеса в сфере торговли и услуг; наконец, слабее всего – у представителей госструктур (особенно в Москве).

Объяснение наименьшей заинтересованности представителей госструктур в демократии, развитии демократических институтов вполне объяснимо, поскольку это не может не затронуть систему государственной власти и, соответственно, вызовет изменения для госслужащих, которые довольно сложно спрогнозировать. Косвенное подтверждение тому – выхолащивание реформ власти, когда реформирование передается самой власти. Кроме того, демократизация, видимо, устойчиво ассоциируется с деградацией системы управления и, соответственно, относительным повышением сложности решаемых управленческих задач. Такое отношение – отложенный эффект переходного периода, в рамках которого энтузиазм и оптимизм быстро сменился глубоким разочарованием на фоне сильнейших психологических травм, особенно у представителей среднего класса старшего и среднего возраста.

Самыми интересными являются характеристики запроса на демократию со стороны инновационного бизнеса и бизнеса в сфере торговли и услуг. Косвенно это дает основание предполагать отсутствие жесткой связи между уровнем демократизации и возможностями существования и развития бизнеса, причем безотносительно его специфики. Поскольку даже для такого бизнеса, как инновационный, в котором уровень риска, при прочих равных условиях, выше, чем бизнес, который функционирует в условиях «хозяйственного оборота» по Шумпе-

теру (1982)⁵, вопрос о неопределенности является одним из важнейших, объяснение этому может быть построено на следующих тезисах:

- Отсутствие демократии не означает отсутствия возможности заниматься бизнесом, даже легальным, хотя может влиять на издержки ведения данного бизнеса.
- Применение демократических по форме процедур может привести к еще более худшим последствиям, чем их отсутствие, в том числе по причине качественных характеристик самих голосующих.
- Важнее сохранить то, что есть – сложившийся бизнес, который может быть поставлен под вопрос в случае, если будут инициированы перемены и равновесие нарушится.

Подспудно, видимо, сложилось понимание, что институциональные изменения в виде реформ, без которых демократизация невозможна, приносит суммарно больше проблем, чем их решает (видимо, в том числе и потому, как эти реформы проектируются). Данный пункт является одним из важнейших, поскольку связан не только с оценкой запроса на демократию со стороны среднего класса, но и оценкой возможности формирования коалиций. Поскольку нет в явном виде разделения на различные способы проведения реформ, итоговая оценка сводится к тому, что лучше вообще не надо реформ, связанных с демократизацией.

В этой связи один из вопросов для дальнейших исследований – в какой мере дискредитация реформ как способа целенаправленных институциональных изменений связана не с их содержанием как таковым, а с механизмом их проведения – начиная от разработки идей изменения формальных правил в той или иной сфере общественной жизни и заканчивая оценкой результатов применения разработанных правил в виде законов, постановлений, указов.

Изучение ответов на вопросы по кризису (см. глава 4) показывает, что в целом не только отсутствуют катастрофические оценки влияния кризиса на положение среднего класса и отдельных его представителей (хотя оценка положения в целом пессимистическая), но, что еще более важно, не прослеживается многоаспектной связи между «демократией» и «кризисом». Исключение составляют два аспекта:

1) ряд респондентов обратили внимание на обострение проблемы коррупции в связи с кризисом (*«коррупции меньше не стало, скорее, перешла на другой уровень, и стала более масштабной»; «средства распределялись на основе коррупции, лоббирования интересов, панибратства и личной заинтересованности. Вытаскивали «свои» компании, тогда как сотни мелких бизнесменов прогорали без господдержки и помощи»*);

⁵ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

2) ряд респондентов указали прямо, а в большинстве случаев это следует из ответов – на отсутствие транспарентности в действиях властей как на федеральном, так и местном уровнях по борьбе с кризисом, даже несмотря на большое количество громких заявлений (*«Как это боролись? По большому счету, они взяли эти загашники и попилили их. Наверное, пару процентов выдали людям на то, чтобы они не умерли с голоду. То, что выдали – спасибо, наверное, многие сказали «спасибо», наверное, многие почувствовали. А то, что разложили по разным карманам – это, конечно, некрасиво, тем более в такое тяжелое время»*).

Как уже было показано в другой главе (см. глава 2), наиболее активный запрос на демократию сформировали представители интеллигенции и работники крупных компаний. Каким образом это можно было бы объяснить? Для интеллигенции запрос на демократию может быть связан с конкуренцией идей, которая является неотъемлемой частью демократического процесса, а значит, осмысленным процессом выбора. В свою очередь, сотрудники крупных компаний, имея сравнительно высокий доход, вместе с тем прямо не рискуют возникновением сложностей в ведении бизнеса в случае проведения реформы, особенно плохо спроектированной. В то же время реальная демократизация создает более благоприятные условия для вовлечения людей с накопленным жизненным опытом, но ограниченных рамками частных иерархий в процесс принятия решений, значение которого выходит далеко за пределы данных иерархий.

Стоят ли что-нибудь демократические ценности?

Для построения современной теории институтов большое значение имеет экономическая теория идеологии⁶. В контексте проведенного исследования важно учитывать, что идеология в данном случае рассматривается как нормативный фильтр поступающей действующему субъекту информации об общественных отношениях и их изменении. Это означает, что использование идеологии помогает ответить на вопрос, как должно (не должно) быть, что правильно (неправильно).

Однако для описания поведенческих характеристик важен еще и второй аспект – какую цену носитель идеологии готов заплатить за возможность (1) думать соответствующим образом, (2) выражать свои взгляды словом (в широком смысле слова – любые формы передачи информации, но без совершения действий, направленных на достижение своих нормативных установок), (3) выражать свои взгляды делом.

⁶ North D.C. Structure and Change in Economic History, N.Y., Norton, 1981.

Наименьшие прямые издержки порождает образ мыслей как таковой. Человек может крайне негативно оценивать складывающуюся систему общественной организации, но прямо не выражать этой оценки сколько-нибудь публично. Только в мыслях, а наблюдатель может оценивать реальный ход мыслей по «ошибочным действиям», в том числе оговоркам, недомолвкам, характеру ответа на поставленный вопрос. Не является исключением и данный опрос.

Выражение своих мыслей, когда адресатом являются другие люди, сопряжено, при прочих равных условиях, и с более высокими потенциальными издержками как минимум потому, что эти мысли могут повлиять на действия других людей. В этой связи принципиальное значение имеют два фактора, которые фактически были отмечены респондентами в связи с ответом на вопросы о цене свободы выражения политических взглядов:

1. Способ выражения своих взглядов словом (в том числе через СМИ).
2. Чувствительность вопросов для действующей власти.

Способ выражения взглядов имеет значение в первую очередь в плане ответа на вопрос – каково количество адресатов передаваемой таким образом информации. В частности, в одном из ответов было отмечено: *«если захочешь выразить свои взгляды на 1000, на 10000 человек, то тут возникает давление со стороны органов власти»*, в то время как *«на кухне легко»*. Чувствительность вопросов для действующей власти означает в первую очередь знак – плюс или минус, и, если минус, то в какой мере это затрагивает конкретные организации или действующих чиновников или политиков.

Оба эти фактора являются взаимодополняющими, поскольку охват аудитории выражения взглядов не имеет значения, если сами взгляды безвредны для власти, в то время как даже очень чувствительный вопрос, затронутый «на кухне» вряд ли заинтересует власть.

Совсем другое дело, если выражение взглядов сопряжено с затрагиванием вопросов, крайне чувствительных для действующей власти в негативном плане и одновременно распространяющееся на широкую аудиторию. Такая категория людей должна быть готова заплатить существенно более высокую цену за свои взгляды.

Наконец, третья категория связана с выражением своих взглядов делом. Отметим, что все действия, как предполагается, осуществляются в рамках правового поля с одной важной оговоркой – если это правовое поле допускает свободу слова и собраний. В частности, речь идет об участии в санкционированных акциях протеста. Более сложные случаи, когда предполагается участие в несанкционированной акции, например, по причине неприемлемого места (что случается довольно часто).

Не случайно «*в беседах и интернет-блогах человек может выражать свои политические пристрастия, но выйти на митинг уже сложнее*».

Готовность платить высокую цену за свои демократические убеждения (если только это не способ пиара) является одним из вариантов оценки запроса на демократию. Чем выше эта цена, тем, при прочих равных условиях, сильнее запрос. С этой точки зрения хорошо видна асимметрия в общих оценках, с одной стороны, состояния демократии и участия в выборах и, с другой, готовности участвовать в активных формах выражения своих взглядов, в первую очередь на митингах («*на баррикады, что ли, с автоматом не пойду*»). Если общий негатив в отношении оценки состояния демократии в России просматривается довольно хорошо, то активные формы выражения взглядов рассматриваются как реальная альтернатива лишь небольшим количеством респондентов и то в качестве негативного опыта в прошлом. Весьма показательно одно высказывание: «*(митинги) всегда разгоняют с дубинками... Поэтому, в принципе, в таком митинге мне, конечно, не хотелось бы принимать участия*».

Таким образом, увеличение доли ответов относительно готовности активно выражать свои взгляды может расцениваться как усиление запроса на демократию, хотя из этого вовсе не следует (как объективно, так и для респондента), что этот запрос на демократию будет реализован именно с тем результатом, ожидание которого является неотъемлемым компонентом такого запроса.

«Что делать?»

Настолько ли оценки представителей среднего класса пессимистичны относительно перспектив демократии в России, что вообще нет никаких оснований рассуждать о формировании решающих коалиций, то есть таких групп, которые могли бы обеспечить изменения с устойчивым результатом, в плане развития механизмов демократии. При ближайшем рассмотрении оказывается, что это не так.

Наиболее отчетливо ответ на извечный вопрос российский «Что делать?» прозвучал, на наш взгляд, в контексте обсуждения проблемы обеспечения прозрачности власти. Помимо таких довольно естественных пожеланий респондентов о максимально полном раскрытии бюджетных показателей, механизма принятия решений, прозвучало требование о необходимости полного представления, почему принимается такое решение, для кого принимается, кто получает выгоду от такого решения.

Важно отметить, что, во-первых, речь фактически идет о внедрении в механизм взаимодействия между государством и гражданами, объе-

диненными по различным основаниям (профессиональным, территориальным и пр.), элементов оценок регулирующего воздействия, причем не только постфактум, но и на стадии обсуждения проектов. Во-вторых, это означает совпадение с общей направленностью эволюции аналогичных механизмов в странах с развитыми демократическими институтами, где оценки регулирующего воздействия вошли в повседневную практику подготовки и принятия решений как в части правоустановления, так и в сфере правоприменения. Наконец, в-третьих, данный момент соответствует попытке Правительства РФ создать аналогичный механизм, формализующий алгоритм оценок регулирующего воздействия для принятия наиболее значимых решений, которая после довольно значительного перерыва (с 2003 г.) вновь обретает институционализированные очертания.

В более широком контексте такого рода требования вполне совместимы с решением вопроса о более прозрачном процессе формирования коалиций в решении актуальных вопросов социально-экономического развития. Это в конечном счете изменит не только конфигурацию и режим функционирования всей системы экономического регулирования, но и позволит насытить более современным содержанием деятельность государственного аппарата.

Обобщение и интерпретация полученных результатов пилотного опроса позволяют сформулировать выводы и программу исследований на будущее в виде набора вопросов:

- Какую цену в виде альтернативных издержек готовы заплатить представители различных групп среднего класса за участие в таких формах общественно-политической деятельности, как (а) выборы, (б) членство в общественно-политических организациях, (в) членство в неполитических общественных организациях, (г) за участие в акциях (в том числе несанкционированных властями)?
- Происходит ли изменение цены участия в общественно-политической деятельности представителей среднего класса и, если да, то в каком направлении?
- От каких факторов зависит изменение цены участия групп среднего класса в различных формах общественно-политической деятельности?
- Является ли набор чувствительных вопросов для власти (федеральной или региональной) фиксированным и, если нет, от каких факторов это зависит? Следует отметить, что здесь речь идет не о вопросе применительно к конкретным обстоятельствам места и времени, а, скорее, о категории вопросов. Например, произошло неблагоприятное событие X для группы А, являющейся достаточно широкой, чтобы событие само по себе было заметным. Являет-

ся ли вопрос о причинах данного события более чувствительным для власти, чем вопрос о мерах, которые они предприняли, включая оценку их результативности?

- Какие факторы для различных отрядов (и уровней) среднего класса являются существенными при выборе (определении порядка предпочтений) различных форм общественного устройства?

ГАЙД ИНТЕРВЬЮ

Основные направления обсуждения:

1. Интерес к политике
2. Политическая активность
3. Социально-политические представления и ценности
4. Финансовый кризис
5. Общие данные о респонденте

Интервьюеру: Пожалуйста, перед проведением интервью продиктуйте на диктофон информацию о месте (город) и времени проведения интервью (дата, время начала интервью).

Место (город)	
Дата	
Время проведения интервью	
Тип респондента	
Пол респондента	

1. Интерес к политике

Уважаемый [Имя отчество]! Мы хотели бы поговорить с Вами о Ваших политических представлениях и предпочтениях. Ваше мнение очень важно для формирования правильной экономической и социальной политики, а также выбора наиболее верного политического курса страны.

1.1. Как Вы считаете, сколько процентов людей в России интересуются политикой?

Как Вы считаете, это много или мало? Чем можно было бы объяснить такую цифру?

1.2. У нас в стране кто-то интересуется политикой, а кто-то не интересуется. А Вы лично интересуетесь политикой или нет?

1.3. Как часто Вы разговариваете на политические темы в кругу своих друзей, в семье, на работе?

1.4. Должны ли власти предпринимать какие-то меры для повышения интереса к политике или власти не должны оказывать никакого влияния на уровень интереса населения к политике?

ЕСЛИ ДОЛЖНЫ, ТО: Какие именно меры?

ЕСЛИ НЕ ДОЛЖНЫ, ТО: Почему Вы так считаете?

1.5. Насколько сложно или легко для Вас составить свое мнение по политическим вопросам? Под политическими вопросами в данном слу-

чае мы понимаем все, что связано с руководством страной, деятельностью политических партий, общественных движений, нынешней формой правления.

ЕСЛИ РЕСПОНДЕНТ ВСЕ ЕЩЕ ЗАТРУДНЯЕТСЯ ОТВЕТИТЬ, МОЖЕТЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ СЛЕДУЮЩЕЕ ПОЯСНЕНИЕ: Когда происходят какие-то политические события, например выборы в определенной сфере, например Президента, реформы, назначения тех или иных лиц на государственные посты, например губернаторов, Вам легко или трудно оценивать их, как-то интерпретировать?

2. Политическая активность

2.1. Многие россияне по разным причинам не принимают участие в выборах. Как Вы думаете, почему?

2.2. Люди Вашего круга принимают участие в выборах или не принимают?

2.3. А Вы лично принимаете или нет участие в выборах?

2.4. Есть ли такая политическая партия, которая Вам ближе, чем все остальные партии, или такой политической партии нет?

ЕСЛИ ДА, ТО: Какая это партия? **ЕСЛИ РЕСПОНДЕНТ ЗАТРУДНЯЕТСЯ ОТВЕТИТЬ, ПРИВЕДИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ ПРИМЕРЫ:** «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», «Яблоко», «ЛДПР», «Правое дело». Если не хотите, можете не отвечать на этот вопрос.

ЕСЛИ НАЗЫВАЕТ ПАРТИЮ, ТО: В чем-нибудь проявляется, то что Вы поддерживаете эту партию, например Вы голосуете за эту партию на выборах; являетесь членом этой партии; принимаете непосредственное участие в работе партии?

2.5. Принимаете ли Вы участие в каких-либо политических организациях или не принимаете участие? К политическим организациям мы относим различные институты государственной власти и политические партии.

ЕСЛИ РЕСПОНДЕНТ СПРАШИВАЕТ, КАКИЕ МОГУТ БЫТЬ ФОРМЫ УЧАСТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ, ПЕРЕЧИСЛИТЕ: митинги, агитации, участие в заседаниях и т.д.

2.6. По каким причинам Вы решили принять/не принимать такое участие? **ЕСЛИ НЕ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЯ, МОЖЕТЕ УТОЧНИТЬ:** В чем основная проблема, например недостаток информации, безразличие к политике или какая-то другая?

2.7. **ЕСЛИ НЕ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ И НЕ ЗВУЧИТ ОТВЕТ: «ПОТОМУ ЧТО НЕИНТЕРЕСНО, ПРОСТО НЕ ХОЧУ И Т.П.», ТО ЗАДАЙТЕ ВОПРОС:** А хотелось бы принимать такое участие или нет?

ЕСЛИ ХОТЕЛ БЫ, ТО: Как Вы считаете, Вы смогли бы совмещать свою основную деятельность (работу) и политику, или это было бы невозможно?

2.8. Участвуете ли Вы в неполитических организациях, то есть общественных организациях, общественных движениях, благотворительных фондах, религиозных объединениях, клубах, ассоциациях, профсоюзах или нет? К неполитическим общественным организациям мы относим различные самостоятельные объединения граждан – общественные организации.

ЕСЛИ НЕПОНЯТНО, ЧТО ТАКОЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, ПОЯСНИТЕ: К общественным организациям относятся профессиональные союзы, союзы предпринимателей, кооперативные, молодежные, женские, ветеранские, офицерские организации, творческие союзы (Союз писателей, композиторов, театральных работников и т.д.), разнообразные добровольные общества (научные, технические, спортивные, культурно-просветительные и др.).

2.9. По каким причинам Вы решили принять/не принимать участие в этой организации?

2.10. **ЕСЛИ ПРИНИМАЛ(ЕТ) УЧАСТИЕ, ТО:** Удалось ли добиться каких-нибудь результатов или нет?

ЕСЛИ УДАЛОСЬ, ТО: Каких именно результатов удалось добиться?

2.11. Вы принимали участие в каких-нибудь митингах, пикетах, акциях протеста или поддержки или не принимали?

2.12. А в публичном обсуждении законопроектов?

3. Социально-политические представления и ценности

3.1. Если говорить в целом, удовлетворены ли Вы тем, как работает демократия в России или нет?

ПРОЧИТАТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ, ЕСЛИ РЕСПОНДЕНТ ЗАТРУДНЯЕТСЯ ДАТЬ ОТВЕТ: Под демократией мы понимаем такой вид политического устройства государства и общества, при котором легитимным источником власти в государстве признается его народ.

3.2. Как Вы считаете, при демократии в выборах должны участвовать одновременно несколько партий с различными политическими программами или для демократии это не так важно?

3.3. Как Вы думаете, большинству россиян важно или неважно, чтобы в России была демократия?

ЕСЛИ РЕСПОНДЕНТУ НЕПОНЯТНО, ЧТО ЗНАЧИТ «БОЛЬШИНСТВО», ПОЯСНИТЕ: То есть более 50% россиян?

3.4. А лично Вам важно или неважно, чтобы в России была демократия?

Как Вы считаете, в России легко или трудно выражать свои политические взгляды?

ЕСЛИ РЕСПОНДЕНТ СПРОСИТ, ГДЕ ИМЕННО, СПРОСИТЕ: В кругу семьи, с друзьями? На работе с коллегами? В целом по стране?

3.5. Как известно, в Конституции РФ закреплено, что в некоторых случаях могут организовываться референдумы. Как Вы считаете, нам нужны референдумы или нет? ЕСЛИ РЕФЕРЕНДУМЫ НУЖНЫ, ТО ЗАДАЙТЕ ВОПРОСЫ 3.7–3.9:

ЕСЛИ РЕСПОНДЕНТ ЗАТРУДНЯЕТСЯ С ОТВЕТОМ, ЗАЧИТАЙТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ «РЕФЕРЕНДУМА»: «Референдум – это всенародный опрос, голосование для решения важного государственного вопроса».

3.6. Они должны проводиться часто или редко? А по сравнению с тем, как они проводятся сейчас, они должны проводиться чаще или реже?

3.7. По каким вопросам, с Вашей точки зрения, целесообразно проводить референдумы? Приведите примеры ситуаций, когда нужно проводить референдумы. Можете привести примеры из реальной жизни.

3.8. Были ли в России за последние десять лет поводы для проведения референдумов или нет?

3.9. Как Вы понимаете, что такое прозрачность власти?

3.10. Как Вы считаете, насколько прозрачным и открытым в стране должен быть процесс принятия решений на уровне государства (принятие законов и пр.)?

ЕСЛИ РЕСПОНДЕНТ НЕ ДАЕТ ОДНОЗНАЧНЫЙ ОТВЕТ, МОЖНО ЗАДАТЬ УТОЧНЯЮЩИЕ ВОПРОСЫ: Так как Вы считаете, прозрачность должна быть или нет?

ЕСЛИ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРОЗРАЧНЫМ, ТО: Как и в каком виде должна обеспечиваться такого рода прозрачность?

3.11. Должно ли население принимать активное участие в процессе принятия решений на уровне государства или достаточно того, какие решения принимает власть? ЕСЛИ РЕСПОНДЕНТ НЕ ОТВЕЧАЕТ ОДНОЗНАЧНО НА ЭТОТ ВОПРОС, МОЖНО ЗАДАТЬ УТОЧНЯЮЩИЕ ВОПРОСЫ: Ну, а все-таки какое влияние на это должно оказывать население России – слабое или сильное?

3.12. Сейчас я задам Вам вопрос про механизмы контроля избранных населением представителей, то есть президента, партий и т.д. В России есть такой механизм, как перевыборы. Как Вы считаете, у нас перевыборы используются часто или редко? ИНТЕРВЬЮЕР В СЛУЧАЕ, ЕСЛИ РЕСПОНДЕНТУ НЕПОНЯТЕН ТЕРМИН «ПЕРЕВЫБОРЫ», УТОЧНИТЕ: «Перевыборами называют повторные выборы в случае отмены первых выборов. Например, если избран в результате выборов президент, партия, депутаты или губернатор и если вскрывают какие-то махинации или просто население недовольно тем, как работает данный избранник, тогда можно проинициировать, провести повторные выборы, и результаты повторных выборов будут считаться окончательными».

3.13. Почему они проводятся редко/часто?

3.14. А как в целом Вы считаете, перевыборы должны проводиться часто или редко?

3.15. Как Вы считаете, могут ли использоваться помимо перевыборов какие-нибудь другие способы контроля избранных представителей или нет?

3.16. ЕСЛИ ДА, ТО: Какие именно? ИНТЕРВЬЮЕР, ВОТ СПИСОК ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ КОНТРОЛЯ, ЕСЛИ ВОПРОС НЕПОНЯТЕН РЕСПОНДЕНТУ: периодичная отчетность избранных представителей по перечню вопросов, сформированному избирателями (возможно, с участием инициативных групп) с последующим опубликованием результатов отчета; возможность реальной инициативы для сбора подписей с требованием досрочного отзыва с последующим требованием отставки, если понятно, что результаты работы избранного представителя неудовлетворительны.

3.17. А теперь давайте поговорим о механизмах избрания на государственные должности в России руководителей регионов и муниципальных образований. Как Вы считаете, руководителей регионов должен назначать президент, или население регионов должно само их избирать?

ЕСЛИ НАЗНАЧАТЬ, ТО: Должен назначать президент России или руководитель региона? Почему Вы так считаете?

3.18. А что Вы можете сказать про глав муниципальных образований (районов и т.д.): их должно выбирать население или их также нужно назначать? Почему Вы так считаете?

3.19. Некоторые считают, что «Правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми». Согласны ли Вы с этим утверждением или нет? Почему Вы так считаете?

ЕСЛИ ДОЛЖНО ПРИНЯТЬ МЕРЫ, ТО: Какие именно меры должно предпринять правительство?

3.20. Как Вы считаете, какая система налогообложения наиболее правильная и эффективная в российских условиях – плоская (13%) или прогрессивная шкала налогообложения? Почему Вы так считаете?

ЕСЛИ ПОДДЕРЖИВАЕТ ПРОГРЕССИВНУЮ ШКАЛУ, ТО: Изменится ли Ваше мнение, если принять во внимание тот факт, что при прогрессивной шкале налогообложения, надо будет каждый год заполнять декларацию о налогах в случае неединственности источника дохода (что требует времени) или не изменится? Готовы ли Вы тратить на это время или нет?

4. Экономический кризис

4.1. Как известно, с октября 2008 г. в России, как и во всем мире, начался экономический кризис. А как в целом Вы оцениваете ситуацию в стране в настоящее время – ситуация в стране тяжелая или нет?

4.2. Повлиял ли как-то экономический кризис на Вас лично или он Вас никак не затронул? ЕСЛИ ПОВЛИЯЛ, ТО: В чем это проявилось?

4.3. Какие проблемы, на Ваш взгляд, кризис усилил? А какие проблемы, наоборот, кризис ослабил?

4.4. Изменилось ли Ваше отношение к действующей власти до и после кризиса или нет?

ЕСЛИ ИЗМЕНИЛОСЬ, ТО: Каким именно образом?

4.5. Какое у Вас сложилось мнение по поводу того, как власть боролась с кризисом? Почему у Вас сложилось такое мнение? Поясните свою точку зрения.

4.6. Значительные средства во время кризиса правительство направило на выплату пособий, уменьшение безработицы. Вы поддерживаете эту меру или нет?

4.7. А поддержку государством предприятий? Как Вы считаете, государство правильно распределило средства между предприятиями? То есть всем ли предприятиям, которым дали деньги, нужно было их давать или не всем.

5. Общие данные о респонденте

5.1. ОТМЕТЬТЕ ПОЛ РЕСПОНДЕНТА ____/НЕ ЗАДАВАЙТЕ ЭТОТ ВОПРОС РЕСПОНДЕНТУ /

5.2. В каком году Вы родились? ____ / ЗАПИШИТЕ ГОД РОЖДЕНИЯ ПОЛНОСТЬЮ – 4 ЦИФРЫ./ Год рождения респондента должен быть в диапазоне 1950 – 1985 гг.

5.3. Ваше семейное положение _____

5.4. Скажите, пожалуйста, как называются Ваши должность и профессия, по которой Вы сейчас работаете? /ПОСТАРАЙТЕСЬ ПОЛУЧИТЬ КАК МОЖНО БОЛЕЕ ПОДРОБНЫЙ ОТВЕТ. СПРОСИТЕ О ЕГО ПРОФЕССИИ, ХАРАКТЕРЕ И СОДЕРЖАНИИ РАБОТЫ/ ЕСЛИ НЕОБХОДИМО, УТОЧНИТЕ: Что именно Вы делаете, какую работу выполняете большую часть времени на своей основной работе?

5.5. Какова основная сфера деятельности Вашей организации? Чем она занимается?

5.6. Какой наивысший уровень образования Вы получили?

5.7. В какой из областей или специальностей Вы получили наивысший уровень образования?

5.8. Скажите, пожалуйста, к какому из следующих слоев общества Вы себя относите: нижний класс, средний класс или высший класс?

ЕСЛИ РЕСПОНДЕНТ ОТНОСИТ СЕБЯ К СРЕДНЕМУ КЛАССУ, ТОГДА УТОЧНИТЕ: А к какой прослойке среднего класса Вы себя относите: нижней, средней или высшей?

Теперь представьте типичного представителя того класса, к которому Вы себя относите, с такими же характеристиками, как Вы, а именно, с примерно таким же уровнем образования, квалификации, той же профессии, как и Вы, и живущего в таком же городе. Попробуйте описать этого типичного представителя с позиции потребительского поведения и материального положения.

5.9. Какой основной источник дохода его семьи?

ЕСЛИ РЕСПОНДЕНТ ЗАТРУДНЯЕТСЯ ОТВЕТИТЬ, ПЕРЕЧИСЛИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ ВАРИАНТЫ: зарплата; доход от бизнеса, предпринимательской деятельности, индивидуальной трудовой деятельности и т.п. (кроме дохода от занятий сельским хозяйством); доход от сельского/подсобного хозяйства, фермерства; пенсии; пособия по безработице/выходное пособие при увольнении по сокращению штатов; любые другие социальные пособия или дотации (субсидии), стипендии; доход от инвестиций, банковских вкладов, страхования или собственности; доходы из других источников.

5.10. Каков примерный среднемесячный доход этого типичного представителя на каждого члена его семьи? В доход включаются все виды доходов, которые семья получает и исключаются выплачиваемые алименты и налоги. Для расчета необходимо просуммировать все доходы членов семьи и разделить их на общее число членов семьи, включая детей.

ЕСЛИ РЕСПОНДЕНТ УКЛОНЯЕТСЯ ОТ ОТВЕТА, СПРОСИТЕ: А в каком примерно диапазоне?

5.11. Опишите, пожалуйста, его жилищные условия. Где этот человек живет в настоящее время?

ЕСЛИ РЕСПОНДЕНТ ЗАТРУДНЯЕТСЯ ОТВЕТИТЬ, ПЕРЕЧИСЛИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ ВАРИАНТЫ: общежитие, служебная квартира, снимает жилье, коммунальная квартира, отдельная квартира, отдельный дом или часть дома, коттедж, особняк.

5.12. Что также находится в собственности семьи этого типичного представителя?

ЕСЛИ РЕСПОНДЕНТ ЗАТРУДНЯЕТСЯ ОТВЕТИТЬ, ПЕРЕЧИСЛИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ ВАРИАНТЫ: автомобиль, квартира, дом, дача, садово-огородный участок с домом, садово-огородный участок без дома, земля, скот, гараж или место на коллективной стоянке, второе жилье (коттедж, квартира, зимний дом и т.п.).

ЕСЛИ НАЗЫВАЕТ АВТОМОБИЛЬ, СПРОСИТЕ: А в каком ценовом диапазоне: до 12 тыс. долл., от 12 до 20 тыс. долл., выше 20 тыс. долл.?

Executive Summary

MIDDLE CLASS AFTER THE CRISIS: AN EXPRESS ANALYSIS OF ITS OPINIONS ON POLITICS AND THE ECONOMY¹

This book presents a study of the social and political behavior and values of the Russian middle class through its variegated structures. The middle class, in both world and Russian traditions of public and political thought, is considered the pillar of democracy and its main beneficiary. The issue of the middle class formation and behavior has become very important in Russian society and politics in recent years. Some estimates on the size of the middle class and its share in the society have even found their way into government programs. After Russia's extended period of economic growth in 2000–2008 the issue of middle class formation has become quite relevant in the country, which fact is reflected in the government's concept for Russia's long-term development through 2020.

A thin middle class (20–25%) has emerged in Russia with a huge proto-layer (40%). But it failed to become anything like the Western middle class despite an overall growth in incomes in Russia over the past decade. The obvious structural heterogeneity of the middle class makes analyzing it more difficult. This heterogeneity stems from the difficulties of the economic transition of the 1990s, when a market economy was taking shape in Russia, as well as from the stable first decade of the 21st century. The process of middle class formation in developed market democracies has also been irregular by levels, occupational groups and sectors. We see the middle class not as a monolith but as a combination of groups with various types of behavior, therefore we study its behavior and values according to its income levels and occupational groupings.

The issue under research is not just the formation of the middle class in Russia during the transitional period or its further development. The economic recession had already severely affected jobs and households' incomes by early 2009, and various occupational groups of the middle class were affected in different ways. A study of middle class behavior has become even more relevant in the wake of the financial crisis in Russia, which began in the autumn of 2008. Aggravating economic problems, fueled by the drop in

¹ The book presents the results of a study «Development of a structural model of middle class in Russia as an instrument to study social and political behavior of middle class». The study was conducted in Russia in 2010 by a team of authors and financed by the John D. and Catherine T. MacArthur Foundation donation.

production, negatively impacted the middle class. We study social and economic stability of the middle class, its political views, and its reaction and behavior during the economic crisis.

The scientific community and the civil society are interested in a more structured picture of our social community. After twenty years of transformation the Russian middle class has developed into a group with a complex internal structure, which calls for a new approach to its analysis - by the middle class groupings. Until now few attempts to study the political behavior of the middle class were made, the attempts that were restricted to a superficial aggregate study of the middle class as a whole. We propose to move such studies to a higher plane by researching political behavior of the middle class with consideration of its internal structure. In that we follow the world, especially American, tradition. Our approach to researching the middle class, its structure and social attitudes, political opinions and behavior is based on the study of occupational factors in American sociology in the middle of the 20th century. Peter Blau and Otis Duncan published their work «*The American Occupational Structure*» in 1967, which laid the foundation for applied sociology in the world.² Preliminary analysis of this structure has been given in a paper for the Institute for Energy and Finance, «Russian Middle Class: Analysis of Structure and Financial Behavior» (2009).³

Research Methodology and Techniques

Sample Structure

To study the political values and behavior of the middle class we conducted a series of in-depth, semi-formal interviews with representatives of the following five groups of the middle class: intelligentsia, bureaucracy, employees of large companies, small- and medium-scale businesspeople in trade and services and small- and medium-scale businesspeople in production and innovation. These groups belong to three levels of the middle class (lower middle, middle middle and upper middle). The sampling targeted three large Russian cities – Moscow, Samara and Rostov-on-Don. A total of 120 interviews were conducted; 90 in Moscow and 15 interviews each in Samara and Rostov-on-Don. The survey was conducted during an economic rebound after a severe financial crisis, which fact is very important for interpreting the material received in the course of the survey. Part of the middle

² Blau, P. & Duncan, O. *The American Occupational Structure*, New York: Wiley, 1967.

³ Leonid Grigoriev and Alla Salmina. *The Structure of the Russian Middle Class: Hypotheses and Preliminary Analysis*. Moscow: Ekon-Inform, 2000, pp. 5–100.

class used the opportunity presented by the five to seven years of rapid economic growth in Russia to consolidate its position. This is especially true for the bureaucracy, some medium and small-size trade businesspeople, and employees of large companies and banks. The time factor is extremely important – time and a crisis test the sustainability of families, businesses and the government. We need to assess the opinions of the respondents soberly. This is a survey of the attitudes of people who are financially well-off but not large property owners as the upper class; their attitudes towards the crisis that they have already weathered.

From the theoretical viewpoint that gives two possible ways of classifying our sample. They are the members of the «core» middle class, those who have achieved financial stability and independence. Or, more precisely and definite, they are just the «upper middle» class.

Our analysis of the in-depth interviews has its own advantages and limitations in studying the middle class. The analysis is not evincive for small samples, but the size of a sample is not a requirement for this type of research study. In qualitative sociology a «representation» does not have a strict quantitative measurement. Qualitative studies are not expected to determine the statistical distribution of the positions of respondents, but rather should reveal their motives. The task of a qualitative study is to discover the entire spectrum of opinions on the target questions (in our case this means the opinions of the various groups on the upper middle and middle middle levels) and to analyze the reasons why people responded in a certain way. Only a representative quantitative study can confirm our conclusions, and this work could serve as comprehensive terms of reference for such a study or as a basis for developing research instruments.

Our analysis does not contradict other surveys and studies on the middle class views on democracy, its political preferences and behavior in time of a crisis conducted by various Russian and foreign-based centers. The material, obtained in the course of the survey, which was carried out in the spring of 2010, provides an opportunity to analyze and understand these issues during the «calm» (before this summer's wildfires) economic recovery after the severe financial crisis of 2008–2009. Young people made up the majority of respondents, therefore their answers were especially significant. Their opinions and behavior will influence the political process for the next two presidential cycles.

Structure of the interview guide

The interview guide was developed taking into account the results of existing Western and Russian studies of social and political values, the political behavior of the middle class, as well as its behavior during economic reces-

sions. The developed guide includes the following main blocks of questions: 1) interest in politics; 2) political activity; 3) socio-political attitudes and values; 4) the economic crisis; 5) general information about the respondent.

The first block includes a number of questions designed to interest the respondent and put him at ease so that he will be willing to answer questions that will come next. In addition this first block of questions is designed to give an idea of the degree of respondents' interest in politics.

The second block consists of questions dealing with various forms of the population's involvement in the political life of the country. The following topics were included in the block: participation in elections; membership in any political organization; participation in activities of non-governmental non-political organizations and impact of such participation; participation in meetings, pickets, protests or actions in support of something. All these questions were designed to estimate the degree of the population's political activity.

The third block of questions is designed to study in detail the socio-political attitudes and values of the middle class. The issue of democracy is addressed in some detail here: the degree of satisfaction with democracy in Russia, the issue of relationship between political competition and democracy. Issues of the degree of transparency and openness of the executive authorities and the process of making key decisions at the state level, mechanisms that can be used by people (referenda, regular reports of the elected deputies to their voters covering the list of topics prepared by the voters, etc.) to monitor executive authorities and how key decisions are made, the degree and mechanisms for the population to participate in decision-making at the state level were touched upon in this block.

In addition into this block we included the most pressing issues in Russia related to the important political and economic changes introduced in the last decade. As you know, in 2001 in Russia a flat taxation rate was adopted. Most Western countries use a progressive scale of taxation. So we included a question on the most appropriate system for taxation on personal income in Russia. A question on the elections of the governors of the constituent states of the Russian Federation and municipalities mayors in Russia has been added. Recently (2006) a change in the law stipulated that regional leaders are no longer to be chosen by the people in free elections, but instead by the President who will in future appoint them. Questions dealing with socially important issues in Russia such as the level of social inequality and possible ways to reduce it were also included into the block.

The fourth block of questions deals with the impact of the economic recession on the middle class in general and its various groups, adaptation of the middle class to the changed conditions, its attitude towards the measures to combat the crisis undertaken by the government and the effectiveness of

those measures. In particular it concerns the middle class opinions on the measures taken by the government to support enterprises.

The fifth block includes questions intended to find out general information about the respondent: his age, marital status, occupation, sector of economy, education, income, living conditions and the property owned. These questions should allow us to determine the respondent's position in the social structure on the basis of his social and occupational status, income and property.

Civic activity of the middle class

The middle class, though non-uniform, is still in the process of forming as a specific stratum of Russian society. Our sample shows liberality and critical thinking of this quite wealthy and largely young segment. That fact manifests itself in the segment's formation of peculiar behavior in identification and defending its own material interests, the interests that lead to the interests of preservation and defense of the segment's way of life and values. Such behavior cannot remain exclusively that of an individual and requires a certain degree of self-organization.

The level of the civic activity of the middle class is relatively high according to Russian social standards. More than a half of the respondents said they took part in some kind of activity, i.e. such work is becoming a characteristic feature of the Russian middle class bringing the latter closer to its Western analog. In the Russian regions, state apparatus and state-financed organizations there still are some remnants of the Soviet community organizations, such as professional trade unions. They are being gradually replaced by three kinds of new organizations that are moving «upward» or «from side».

Occupational interests, which include network structures or professional organizations, are more common among the intelligentsia, employees of large companies and innovative business (especially that connected with Information and Communication Technology), but are not limited to these strata. Activity in this area combines occupational interest with social activities. However it is important that it provides a person with additional social experience and develops an interest in informal socializing, what increases «social capital.»

Entertainment brings together representatives of the middle class according to various interests.

Charity work is one of the most promising areas of social and civic activity. It is relatively popular and is strictly voluntary, coming «from the heart.» People who are well-to-do in a society with a high level of social stratification feel that it is their civic duty to help those who are less fortunate. The stereotype of the social approval of such behavior is only forming, i.e. such activity

definitely goes upwards and spreads horizontally among the middle class, and it is not forced «from above.» Charity work is mostly done on an individual basis, i.e. a person provides targeted aid (to an orphanage, medical institution, etc.), either individually or as part of a small, informal community.

Such social activity is not political. However it is promising not only from the point of view of developing a civic society, but also as an emergent and developing instrument of socialization, collective action and handling of social capital. Experience gained through such activity can be used in other areas, although at present it is hard to come up with particular scenarios for its evolution.

The political preferences of the middle class

The political preferences of the middle class and the reasons for supporting one or another political party reported through our survey in general correspond with the attitudes of politically active groups within Russia's society. Here, a distinctive feature is a higher degree of pluralism and more pronounced motives of support for or opposition to certain political powers.

Some representatives of the middle class vote for the *United Russia*, though many of them are 'ex officio' supporters of this pro-government party. Others have made a «rational choice» to support this party because of its influence, authority and the number of its members in government and among the elite. There are not many supporters of the *Communist Party* and the *Liberal Democratic Party of Russia* (LDPR) among the middle class and those who do support them have made their choice long time ago. Among the middle class, there are very few supporters of *The Just Russia*. There is a demand for liberal political parties among the middle class (mostly among intelligentsia and private entrepreneurs). But liberal parties like *Yabloko* and *Right Cause* are weak, and respondents are skeptical about their prospects. It would be probably correct to say that the present situation of political parties in Russia does not satisfy the «needs» of the middle class.

The political attitudes of the middle class and the need for democracy

The affluent representatives of the Russian middle class stand out from the general population because of their stronger attraction to democracy.

- A significant number of respondents follow politics closely, they are familiar with the main principles of democracy, are aware of its merits and risks.
- In the discourse with respondents, one can figure out an implicit attitude that, unlike of the majority of the population, the demands of the

middle class extend beyond material needs, i.e. they may «allow themselves to think» about democracy.

- There are different reasons behind the middle class's interest in democracy that can be summarized in three somewhat overlapping categories: the need to have a way to influence the authorities and to protect their own interests (above all, economic ones); a desire to secure one's values and to avoid social shocks and authoritarian infringement of personal rights and freedom; and a perception of the place of democracy in a modern European state where the middle class would like to live. In other words, a democratic society is becoming one of the requirements of a higher quality of life.

It should be mentioned however that only part of the middle class, although a relatively large part, shares these views. As regards staunch opponents to democratization, there are rather few of them among the middle class. They are represented not only by «old bureaucrats», but by high-ranking officials, often from the areas related to innovations or technologies. The lack of democratic institutions has not been a hindrance to their success. On the contrary, they perceive democratization as a threat to their position. They are the «new right-wingers», who will undoubtedly choose stability in favor of democracy.

Active involvement of the middle class in social, economic, and public activities means that people are well aware of the nature, institutions, and practices of power. Our study demonstrates that this awareness has totally deprived the middle class of its belief in the «benevolence» of governments and their economic and social policies. The respondents see the government's role only in sustaining stability and order and resolving conflicts, but not in contributing to economic development, quality of life, or democratic institutions. Correspondingly, the educated and well-to-do middle class is rather resistant to pro-government propaganda. Even those, who declare support for the government and doubt the need for reforms, often do so not because of deep convictions, but due to a rational choice of the lesser of two evils. Infringing on pluralism and possible influence over the government is the price for order and stability.

The demand for democracy in the middle class is partly explained by shared values and ideals; however, in the first place, it is «instrumental». The middle class is not happy with the realities of Russian politics that directly influence its life. There is an opinion that these problems can be overcome through democratization. The middle class believes there is monopolization of power at the federal, regional and local levels and, subsequently, the dominance of the authorities in control of property which leads to the following:

- Non-transparent government, lack of opportunities to evaluate objectively the effectiveness of government activities and budget spending, in particular.
- Russian citizens are not able to influence discussions and decision making; one can say that there has been erosion of the quality of representation and elections. The latter are being seen less and less as a mechanism of free and fair expression of the electorate's will. There is a spreading perception that election results are pre-determined and it is not possible to influence politics through elections. As a result, in Russia fewer representatives of the middle class take part in voting, and while voting activity in the provinces is higher than in Moscow, there are many people who go to the polling stations just out of habit. More Russians are involved in protest voting.
- In this situation uncontrollable government and corruption are unavoidable.
- Infringement of the right to free speech and meetings where people criticize the government.

Middle class attitudes have been slowly developing towards those of taxpayers from those of subjects. The government is seen more and more as a hired agent commissioned to manage public wealth and not as a sacred power only. A significant number of the middle class is gradually moving towards advancing a slogan «no taxation without representation» and demanding real representation of its interests. But at this stage the middle class is more likely looking for assurance that its taxes are being used in an efficient and non-corrupt way.

In general, such people have positive attitudes towards democracy and political pluralism. Their demand for democracy is expressed in the form of the following requirements: to expand democratic procedures, improve the quality of elections, ensure the transparency of power and establish mechanisms for public control over government. However, this demand has numerous restrictions.

Firstly, this demand is not actualized for most people; they are not frustrated with the current state of affairs in this area. Only the minority has made objective assessments or connects this problem with its own life.

Secondly, this demand is not absolute. People would enjoy more competitiveness, discussions, openness, and above all - the emergence of a real and influential opposition, but most respondents see the role of the opposition and of political pluralism in general, only as an instrument to restrict lawlessness, to criticize and influence government, and to avoid political mistakes. With rare exceptions, respondents do not believe that it is possible to change the leadership through democratic elections. In other words, the middle class expresses trust in the existing political system and the supreme

power, but criticizes its flaws and demands a more open (and subsequently, more competitive) political environment.

The well-off middle class continues to hesitate between a need for democratization, which it sees as an instrument to restrain bureaucracy, corruption and lawlessness, and its fear of instability and absence of control if the power vertical is weakened. This is demonstrated by recorded differences in respondents' opinions on the issue of electing vs. appointing heads of the regional governments in Russia (as regards local authorities, respondents almost unanimously support elections).

This conclusion goes in line with the report of the Institute of Contemporary Development on the Russian model of democracy where it was shown that part of the middle class not only looks for «a bit of democracy on top of its piece of pie» but feels that lack of democracy impedes enjoying the pie. In other words, when material wealth and living standards have reached a certain level, the demand for democracy, as an indispensable component of the quality of life, increases. Moreover, part of the middle class believes that the lack of democracy means there is no confidence that it will be possible to grab «more pieces of the pie» in the future: i.e. preservation of the existing trends will not allow the middle class to keep and raise its current occupational and social status.

Thus, attitudes of the middle class to democracy are rather discrepant (as in Russian society as a whole): there is a minority with a preference for stability over democracy, and a majority with a desire for democracy, which, however, is articulated rather vaguely. These differences reflect, to a certain extent, attitudes of various groups in the middle class. From the point of view of methodology, it is important that even a limited sample has revealed differences in opinions about important political issues between groups within the layers of the middle class. Demand for democracy has been expectedly more pronounced among the intelligentsia and managers of large companies; while small businessmen have demonstrated lower interest in democratization and government employees (especially in Moscow) even lower. There are sufficient reasons to significantly expand the sample and come up with questions for a larger audience.

We believe that one should not ignore this social demand, but should intentionally use it to implement the modernization strategy for Russia's development. It is compatible with the plans for evolutionary democratization on the basis of existing realities and under conditions maintaining the stability of the system.

If the government does not make any efforts in this direction, the distance between the middle class and the state (government) will widen. There will be growth in cynicism and «kitchen protests» which will undermine the support for modernization programs from that part of the society which has the highest capacity for participating in it.

The economic crisis and the middle class

Crises and any other social upheavals always become a serious trial for the authority of the government and people's trust in it. Depending on the actions taken by the government to mitigate such events each of these ordeals either strengthens the current government or weakens it.

A researcher is highly interested not only in the quantitative assessment of changes in the public sentiment caused by the crisis, but also in the arguments given by the public to explain its attitude: with what is it dissatisfied, what are its most touchy issues and how does it see a way out of the situation. Our research showed that the public is dissatisfied not only because of a drop in income, a growth in unemployment and other problems, but that the problems are much wider and deeper.

Specificity of the group interviewed during the survey gave us an opportunity not to assess the burden of the crisis for the middle class on the whole, but to see the hardships of the crisis through the eyes of those who withstood it. With the exception of a small group of people who lost their job but quickly found another one or started their own business our sample consisted mostly of the stable representatives of the middle class. This fact has imposed certain limitations on the interpretation of the study's results.

The survey was conducted in spring 2010 well before the record heat wave and fires of that summer. The major impact of the crisis occurred over a year ago and the situation in Russia has started to improve. The mass media was also relatively optimistic. Consequently, the major psychological shock from the crisis was also over by the time of the survey. Although the population in general still feel the consequences of the crisis (for example, in the «one company towns»), part of the middle class has managed to adapt to the repercussions of the crisis, think the situation over and come to some conclusions, including the ones on the effectiveness of the anti-recessionary measures taken by the government.

The crisis influenced Russian regions, various occupations and sectors of economy unevenly. The crisis affected different groups of the middle class in varying degrees. Unfortunately, the results of the qualitative survey won't allow us to tell with statistical accuracy which groups of the middle class suffered more and which ones were affected less, but we can make some preliminary conclusions based on interviews. Bureaucrats and intelligentsia (mostly employed by the state-financed organizations) were affected the least by the crisis, while employees of large companies and small and medium-sized businesses were affected the most. Despite a general drop in demand and tougher requirements for granting loans, some middleclass entrepreneurs benefited from the crisis. Some of our respondents were entrepreneurs who started their own businesses during the crisis.

It should be noted that improvements in the lives of some respondents during the crisis did not influence their assessment of the anti-recessionary measures undertaken by the government, or their general attitude towards the current government, as well as their demand for democracy. Among the problems which emerged during the economic crisis, the respondents mentioned not only social problems, but also macroeconomic and institutional ones. Most often respondents mentioned problems of monopolization and structural disparity in the economy. Actually respondents were more concerned about the general problems of the country and economy, than about their own situation.

As usual the respondents see corruption and ineffective governance as the reason «for all evil.» Such opinion manifested itself in their assessment of the anti-recessionary measures undertaken by the government as well as in more specific questions, such as the issue of the most appropriate for Russia scale of taxation. The respondents doubt whether rescue funds were distributed fairly in the crisis. They point out the lack of transparency and the limited information accessible for the general public on decision-making for government financial aid and the criteria for selecting certain enterprises and not the others. The respondents were also doubtful as to how effectively those enterprises used the resources they received.

As for the issue of what would be the most appropriate scale of taxation for Russia, the respondents see it not in moving from a flat tax rate to a progressive rate. For the present this issue is more of a subject for discussion than a problem. Analyzing responses of the representatives of our small sample we can say that the intelligentsia is more drawn towards justice and better understands the long-term social consequences of the drastic inequality in Russia. Representatives of the middle class – business taxpayers – said the main problem was mistrust of the government's use of taxes. Readiness of business to pay taxes, even higher ones, is based on another kind of justice, not of redistribution, but of the use of tax proceeds, effectiveness and transparency of the process. We think a progressive tax rate is not so much socially equitable as a way of applying additional mechanisms to calculate personal income that will not allow individuals to hide earnings. It is also a way to overcome corruption and improve the transparency of redistributing resources in the economy.

To all appearances it seems that the main reason for such a low level of trust in the government is that people have no way of influencing decisions about budget priorities at the federal and local levels. People do not yet see that the legislative and executive branches of government are interested in adopting such laws that will correspond to the interests of the majority of Russians. This once again underscores the importance of a study and a timely recognition of public opinion in the process of further decision making.

Conclusions

The political behavior of the Russian middle class will form under the influence of multidirectional if not mutually canceling trends. On the one hand, the objective factors of the middle class social status will demand a more active and rational social and political behavior of the class and will push if not for democracy then for political activity and collective action. On the other hand, such activity will be constrained by the absence of positive experience and confidence in the usefulness of such actions, by fear of losing the achieved social status in the process of democratization. This fear will be aggravated by the acknowledgement of deep social stratification, by the concerns that broader political and social involvement of lower class may result in «redistribution» of the accumulated wealth, by the traumatic experience of the 90s, as well as by attempts to avoid risk of conflict with the bureaucracy which strongly affects the employers of the middle class.

We hope the results of our research will contribute to the process of developing a comprehensive theory of the political behavior of the middle class reflecting its internal stratification and behavior of different groups. It's time to conduct deeper studies of the middle class. We need to understand which groups dominate the middle class: may be they are those which have just risen but have all the chances to become the core of the middle class. We need to know which middle class groups could become drivers of the Russia's economic development, which ones could be the main contributors to the emerging civil society in Russia, and which ones could accept active roles in the democratization process.

The differences among these groups and their positions in the social structure cause different variations in their objective social and economic positions, interests and views of society, their place and role in social processes and in drafting public policy. The extensive interviews we conducted are only the first attempt to study this structure.

It is important not to limit the study with the information collected through in-depth interviews only, but to carry out further research and conduct a survey on the basis of the proposed middle class structure by groups and income levels, and collect data on social and political behavior of different groups using a representative sample of respondents.

This will allow in the future to develop social programs targeted not only at the middle class as a whole, but at each of its groups. Survey results may contribute to drafting policies aimed at the needs of the middle class and development of a civil society in Russia. Using a model structure of the middle class during this project not only helped to identify the major problems of development and revealed the potential of the 15 groups in the middle class to form a strong middle class in Russia, but the model itself is a subject for further development and adjustment.

Studying the social and political aspects of the behavior of the middle class in a structural way, according to occupational groups and (income) levels, has been a valuable experience. Moreover, based on this research a simulation was developed to track the influence of government policy among different groups in society with the goal of developing groups in the middle class which could become the pillar of democracy and a civil society. This experience could be beneficial for another country with a transitional economy, but it could also become part of the discussions of these problems in developed countries.

Об авторах

Григорьев Леонид Маркович – к.э.н., декан факультета менеджмента Международного университета в Москве

Макаренко Борис Игоревич – Председатель правления Центра политических технологий, руководитель дирекции по общественно-политическим проблемам развития Института современного развития

Салмина Алла Александровна – аспирант Государственного университета – Высшая школа экономики

Шаститко Андрей Евгеньевич – д.э.н., профессор экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Генеральный директор Фонда «Бюро экономического анализа»

About the authors

Leonid Grigoriev is Dean of Management Department at the International University in Moscow. He holds a PhD in economics.

Boris Makarenko is Chairman of the Center for Political Technologies and Director for Social and Political Development at the Institute of Contemporary Development.

Alla Salmina is a graduate student at the Higher School of Economics in Moscow.

Andrei Shastitko is Director General of the Foundation «Bureau of Economic Analysis». He is Professor of M.V. Lomonosov Moscow State University and holds a PhD. in economics.

Научное издание

ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович,
МАКАРЕНКО Борис Игоревич,
САЛМИНА Алла Александровна,
ШАСТИТКО Андрей Евгеньевич

СРЕДНИЙ КЛАСС ПОСЛЕ КРИЗИСА

ЭКСПРЕСС-АНАЛИЗ ВЗГЛЯДОВ
НА ПОЛИТИКУ И ЭКОНОМИКУ

Редактор издательства: *Е.М. Бугачева*

Подготовка оригинал-макета:

Издательство «МАКС Пресс»

Компьютерная верстка: *М.А. Комарова*

Корректор: *Н.А. Балашова*

Подписано в печать 24.09.2010 г.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Формат 70х100 1/16. Усл.печ.л. 12,35. Тираж 500 экз. Изд. № 411.

Издательство ООО «МАКС Пресс»

Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 627 к.

Тел. 939-3890, 939-3891. Тел./Факс 939-3891.